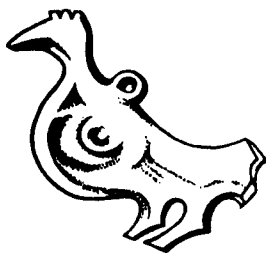

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

И. МУЛЛОНЕН

**Очерки
вепсской
ТОПОНИМИИ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1994

Ответственный редактор Н. Н. МАМОНТОВА
Рецензенты: Р. А. АГЕЕВА, Н. Г. ЗАЙЦЕВА

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда национального возрождения
малочисленных народов Республики Карелия*

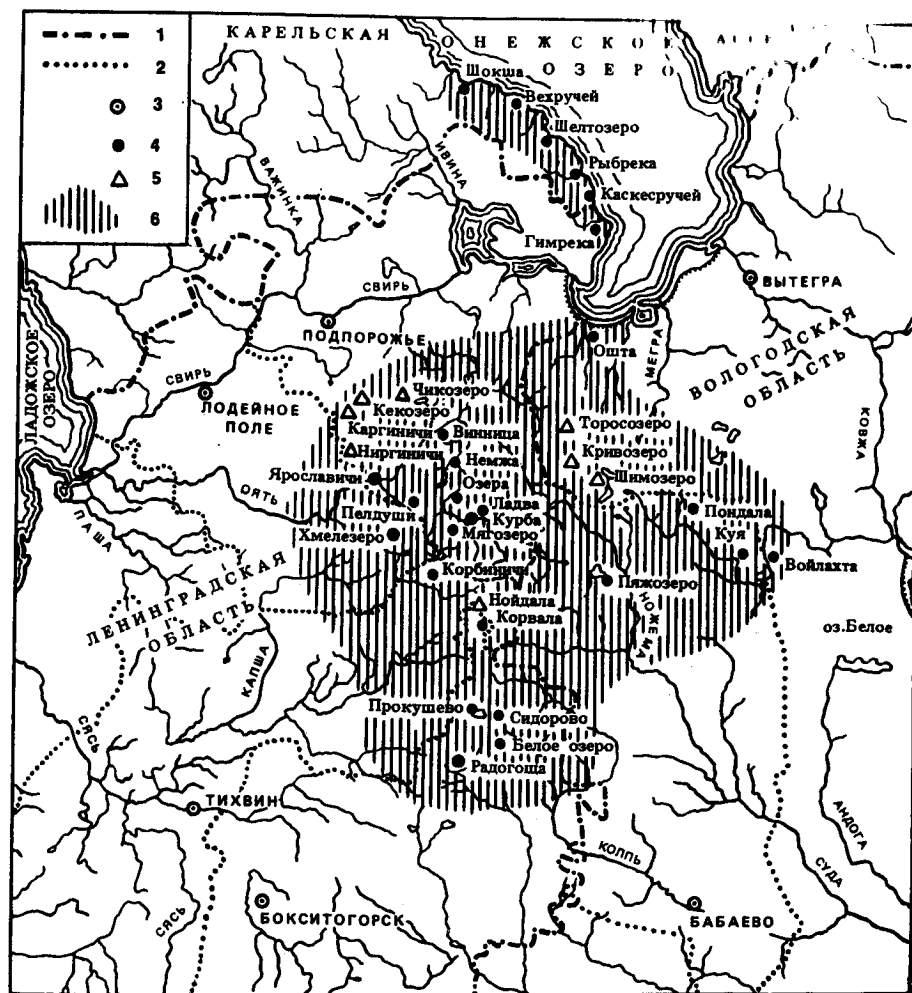
М $\frac{4602000000-625}{042(02)-94}$ 330-93-II
ISBN 5-02-028155-7

© И. И. Муллонен, 1994
Российская Академия
наук, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Вепсы — небольшая прибалтийско-финская народность, издревле населяющая Межозерье — территорию, расположенную между Ладожским, Онежским и Белым озерами (карта 1). Традиционно в составе вепсского языка принято выделять три диалекта, в названиях которых отражается их географическое распространение: северный (прионежский), средний и южный. Несмотря на существование переходных зон, границы диалектов, каждый из которых привязан к определенному водному бассейну, очерчиваются достаточно четко. Северный диалект распространен в селах, расположенных в Карелии, вдоль юго-западного побережья Онежского озера. В составе среднего диалекта выделяются две разновидности. Западная распространена в южном Присвирье — бассейне реки Ояти и сопредельных районах бассейна Капши (Ленинградская обл.). Восточная, в свою очередь, привязывается к Онежско-Белозерскому водоразделу и северному Белозерью (Вологодская обл.). Наконец, южные вепсы населяют верховья р. Лидь (Ленинградская обл.). Сейчас отдельные диалектные ареалы достаточно разобщены. Однако так было не всегда. Входя в состав вначале Новгородского, а затем Русского централизованного государства, вепсы жили в тесном соседстве с русским населением и, естественно, ассимилировались последним. Историческая вепсская территория была значительно шире современной. Об этом свидетельствует и бесспорное вепское наследие в топонимии современного русского Межозерья. Расхождения между отдельными вепскими диалектами чрезвычайно незначительны. Они касаются в основном фонетики и лексики. Хронологические границы сложения трех вепских диалектов достаточно расплывчаты. Судя по определенным языковым (прежде всего топонимическим) и археологическим фактам, проникновение предков вепсов на территорию Межозерья должно быть отнесено к рубежу I—II тыс. н. э., однако окраин современного расселения вепсы достигли значительно позже — три-четыре столетия спустя (В. В. Пименов 1965 : 185). Видимо, определенные диалектные различия начали складываться уже в ходе освоения территории Межозерья, однако, с другой стороны, то, что различия все-таки незначительны, свидетельствует в пользу относительно позднего появления основных релевантных диалектных особенностей.

Вепсская топонимическая система складывалась и развивалась в тесной связи с языковым развитием.

Карта 1. Современная территория проживания вепсов.

1 — границы Карелии и областей; 2 — границы районов; 3 — районные центры; 4 — населенные пункты; 5 — пустующие деревни; 6 — территория проживания вепсов.

Вепсская топонимика — составная часть прибалтийско-финской топонимии, поэтому закономерен интерес к ней прибалтийско-финской ономастики. Выявление закономерностей сложения и функционирования вепских географических названий актуально и в контексте исследования топонимии Русского Севера с ее мощным прибалтийско-финским субстратом. Между тем вепсская топонимия никогда не становилась объектом специального исследования. Финские языковеды, в поле зрения которых вепские географические названия попали в середине прошлого столетия, привлекали их скорее в качестве

дополнительного языкового материала в процессе широких лингвистических исследований и не ставили задачи специальных ономастических изысканий. Первые этимологии отдельных вепских топонимов приводятся еще в работах финского исследователя А. Алквиста, относящихся к середине прошлого столетия (А. Ahlqvist 1861). Некоторые из них с точки зрения современного состояния топонимической науки кажутся наивными, но это был первый шаг на пути дальнейших топонимических исследований. Блестящие интерпретации ряда вепских топонимов встречаются в трудах Э. Н. Сетяля (E. N. Setälä 1899). Автор фундаментальной «Исторической фонетики вепского языка» Э. А. Тункело использовал вепскую топонимию как фактический материал для своих фонетических изысканий (Е. А. Tunkelo 1946). По-новому позволил взглянуть на топонимию вепской территории Яло Калима, который выдвинул гипотезу довепского происхождения многих названий мест в Межозерье. Он, в частности, вполне обоснованно предположил, что истоки таких топонимов, как Шелтозеро, Шокша и т. д., представленных в вепском Межозерье, следует искать в языке верхневолжской мери (J. Kalima 1941). И все же финские языковеды не пошли дальше этимологий отдельных вепских названий. Одна из причин этого, видимо, кроется в отсутствии добротного полевого материала, который позволил бы перейти от частных этимологий к осмыслению вепской топонимической системы в целом.

В нашей стране исследования вепской топонимии шли в несколько ином русле: выявлялись места бывшего обитания вепсов и древней веси на основе данных топонимики. А. И. Попов, например, обнаружил убедительные вепские элементы в топонимии Белозерья (А. И. Попов 1948). Д. В. Бубрих отмечал «типичную вепскую» топонимию на территории современного русского Пудожья (Д. В. Бубрих 1971). К выводу о том, что до русской колонизации Свирь была заселена вепсами, пришел на основе топонимических данных Н. И. Богданов (Н. И. Богданов 1951). Проблема прошлого вепского расселения по данным топонимики ставилась и в работах некоторых финских исследователей. В частности, В. Руоппила (V. Ruoppila 1943) и В. Ниссиля (V. Nissilä 1947) обосновывают вепское прошлое территории современного русского и карельского Присвирья. Не умаляя заслуг исследователей этого направления, отметим все же, что выводы их не всегда убедительны, поскольку в распоряжении авторов не было качественного полевого материала. Второй фактор, снижающий уровень этих исследований, заключается в несколько поверхностном представлении о системности вепской топонимии, о внутренних закономерностях ее функционирования и развития. Предлагаемые «Очерки...» призваны в опре-

¹ Полевой материал начал накапливаться только в последнее десятилетие в результате целенаправленной собирательской работы, проводимой в Институте ЯЛИ в Петрозаводске. На основе собранного материала подготовлено несколько работ по вепской топонимике, в том числе исследование по гидронимии бассейна реки Оять (И. И. Муллонен 1988).

деленной степени восполнить этот пробел и представить строгие моменты истории и функционирования вепсской топонимической системы. Поставленная цель вынудила сосредоточиться не на какой-то одной конкретной проблеме, но осветить объект с разных сторон. Этим и обусловлен очерковый характер исследования.

Первые два очерка посвящены традиционным для ономастических работ аспектам исследования топонимии: структура топонимов и их лексико-семантическое содержание. При этом выявление моделей названия проводится на апеллятивном фоне, т. е. параллельно решается и более фундаментальная задача: проникновение в специфику ономастики и в области формы, и в области содержания. В чем отличие ономастического словообразования от апеллятивного и чем оно продиктовано? Что и в какой степени из словарного состава языка использует вепсская топонимия и чем это обусловлено? В основе различия лежат разные функции онама и апеллятива в языке и сопряженная с этим вторичность ономастической номинации. Впрочем, общие закономерности в дифференциации собственных и нарицательных имен находят в каждой языковой системе свое преломление, и вепсский материал в этом смысле чрезвычайно показателен.

Объектом исследования в третьем очерке является один из разрядов географических названий — ойконимия. Включение ее в работу вызвано тем, что обозримый объем материала позволяет в рамках одной главы всесторонне проанализировать один отдельно взятый класс топонимов и тем самым представить своеобразную модель анализа подобного рода и для других классов топонимов. При этом надо учесть, что вепсская ойконимия — и в качестве языкового материала, и в плане выявления этноисторических моментов — достойный внимания объект исследования. С ойконимического очерка намечается прямой выход на последний очерк работы, в котором анализируются определенные моменты освоения вепсами территории Межозерья по топонимическим свидетельствам. Собственно, здесь использованы выводы и результаты всех предшествующих очерков. Известно, что в исследовании прошлого вепсского народа до сих пор существует множество проблем и топонимика способна внести свой вклад в их разрешение.

Работа снабжена картами, иллюстрирующими географическое распространение определенных топонимических явлений.

Материал, на котором основывается предлагаемый цикл очерков, собирался автором начиная с 1978 г. на современной территории расселения вепсов и в сопредельных русских ареалах. Он сосредоточен в Научной картотеке топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра и включает в себя около 15 тыс. топонимных карточек. Дополнительным источником послужили карты, а также различного рода письменные и архивные источники XIX—XX вв.

Надо отметить, что топонимия на территории Межозерья — и по структурно-семантическому облику, и по представительству топонимных разрядов — достаточно едина. Это обусловлено двумя

обстоятельствами: упомянутой уже значительной языковой близостью вепсских диалектов и говоров, а также сходными естественно-географическими условиями во всем регионе Межозерья. Облик Межозерья формируют таежные лесные массивы, перемежающиеся речными долинами. К последним тяготеет основная масса поселений. Главной водной артерией региона является река Свирь с притоками Оятью, Капшой и Пашой. В центре вепсской территории располагается обширное плато — Вепсовская возвышенность, дающая начало основным рекам Межозерья. Приметной деталью ландшафта являются и многочисленные озера и болота.

Очерк 1

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Одно из главных условий исследования топонимов — понимание структуры географического имени. Естественно, что топонимия с точки зрения структуры не есть абсолютно цельная и организованная система. Однако за случайностями нельзя не видеть закономерностей в структурном облике топонимов, взаимной обусловленности словообразовательных типов географических имен.

Данный очерк посвящен структурным особенностям вепской топонимии. При этом словообразовательная система топонимов анализируется не просто сама по себе, а на фоне апеллятивного словообразования, что позволяет проникнуть в суть онимической системы языка. Со времен Лейбница считалось, что онимы восходят к соответствующим апеллятивам, и различие между ними чисто семантическое, проявляющееся в соответствующем контексте. Однако постепенно приходило понимание того, что апеллятив и оним входят в разные языковые системы и словообразование онимов не идентично апеллятивному словообразованию. Различие продиктовано разным назначением апеллятива и онима в языке. Первый передает значение и вводит в ряд подобных, второй же называет и призван отличать от подобных. Это приводит к тому, что уже по внешнему виду, по форме оним стремится отмежеваться от апеллятива. Формальные признаки очень существенны для онима, поскольку семантика (содержание) отступает в нем на задний план. Поэтому чрезвычайно возрастает по сравнению с апеллятивом роль структурной модели. Один наглядный пример. Модель образования сложных топонимов путем словосложения (типа *Saf|jäfv*, *Kiv|röud*) усвоена из апеллятивного словообразования. Однако если на апеллятивном уровне возможности словосложения ограничены рамками выражения понятия, то в топонимии, не связанной с выражением понятия, такого ограничителя нет. Для топонимии принципиально важно, что это модель, указывающая на принадлежность к классу топонимов. В результате в топонимии выявляются практически безграничные возможности для объединения элементов, что ведет к появлению комбинаций, невозможных на апеллятивном уровне. Э. Кивиниemi, выделив наиболее типичные финские топонимы с атрибутом *koivu* 'береза' (*Koiv|laho*, *-järv*, *-lampi*, *-mäki*, *-niemi*, *-niitty*, *-saari*, *-suo*) и сопоставив их со списком сложных слов с первым элементом *koivu-*, приводимых в словарях финского языка (*koiv|lala*, *-haka*,

-kanto, *-kuja*, *-maa* и т. д.), пришел к выводу о том, что наиболее типичные онимические композиты не известны в качестве сложных двусоставных апеллятивов и, наоборот, апеллятивные словосложения не характерны в ономастике (E. Kiviniemi 1975 : 12). Налицо явное стремление к размежеванию апеллятивного и онимического в языке. Такого рода размежевание свидетельствует о том, что не всегда корректно возводить онимы к соответствующим апеллятивам. Вновь возникающий топоним ориентируется, скорее, не на апеллятивные словосложения, а на существующую системную топонимную модель.

Своеобразие онимов на апеллятивном фоне предполагает и особый подход к исследованию структуры онима, к классификации структурных типов. Так называемая синтаксическая классификация, предложенная финляндским топонимистом Куртом Циллиаксом и апробированная на материале топонимии Финляндии и других скандинавских стран, способна, как нам представляется, отразить это своеобразие (K. Zilliacus 1972). Синтаксическая классификация (в отличие от семантической, которая основывается на семантике лексем, закрепившихся в топонимах, т. е. по сути дела ориентирована на апеллятивы) строится с учетом именно природы топонима. Она опирается на синтаксические взаимоотношения между частями (синтаксическими элементами) топонима. Если с точки зрения семантической классификации атрибут в топониме *Rih|röud* входит в семантическую группу «строения, сооружения» (*rih* 'рига'), то в соответствии с синтаксической классификацией информация, заключенная в топониме, расшифровывается как «поле у риги», и атрибут, таким образом, должен быть отнесен к группе «местоположение». Преимущество такого подхода заключается в том, что он ориентируется на реальный взгляд, на позицию имядателя, т. е. лица или коллектива, присваивающего географическое название, и в этом смысле стремится к более адекватному отражению соответствующей реальной ситуации. Синтаксическая классификация имеет своим следствием и иное, отличное от традиционного, структурное членение прибалтийско-финских топонимов, с учетом синтаксической роли структурных частей географического названия, их взаимоотношений в рамках единого топонима. В качестве структурной единицы может выступать простое слово (производное и непроизводное), сложное слово или даже словосочетание. К примеру, в названии озера *Saf|jäfv* две знаменательные части, взаимоотношения между которыми могут быть выражены предложением «Озеро (*jäfv*), в котором есть Остров (*saf*)». Однако когда лимноним *Saf|jäfv* в результате метонимического переноса по смежности, чрезвычайно характерного для топонимии, становится названием деревни, расположенной на берегу данного озера, то ойконим *Saf|jäfv* с точки зрения синтаксического анализа структуры — это простое название, состоящее из одного синтаксического элемента, выражающего местоположение: «деревня у озера *Saf|jäfv*» (см. подробнее: *Nimistöntutkimuksen terminologia* 1974, схемы на с. 8, 33, 44).

СЛОЖНЫЕ ТОПОНИМЫ

Общее количество структурных топонимных моделей не так уж велико. Ограниченное число их вызвано, по всей видимости, целями сохранения системности. Среди структурных моделей главенствующая роль в вепсской топонимии принадлежит, без сомнения, сложной двусоставной модели названия. Сложные топонимы состоят из детерминанта, указывающего на разряд называемого географического объекта, и определяющего его атрибута: оз. Must|jäfv ('черное озеро'), руч. Leploja ('осина — ручей'), г. Korged|mägi ('высокая гора'), о. Not|sarik ('невод|остров'), поле Papin|püud ('попово поле') и т. д. Широкое распространение этой модели обусловлено прежде всего тем, что она на фоне прочих моделей наиболее эффективна в целях номинации, предлагая большие возможности для идентификации, четкой соотнесенности имени с объектом.

Наиболее распространены словосложения двух типов: с атрибутом, выраженным существительным (бол. Regilso букв. 'сани — болото'; о. Lep|saf букв. 'ольха — остров'; оз. Leh|m|jäfv букв. 'корова — озеро'; гр. Rih|mägi букв. 'рига — гора', пок. Kagaz|nit букв. 'бор — покос'), и с атрибутом, выраженным прилагательным (г. Läm|selg, мост Piik|süud, бол. Laged|so, г. Korged|mägi, мыс Kuiv|pefn). Выше уже отмечалось своеобразие первого типа словосложения на фоне соответствующей апеллативной модели, заключающееся в несовпадении наиболее типичных онимических и апеллативных словосложений, в их стремлении к размежеванию. Не менее выразительны в плане дифференциации и словосложения второго типа. Омонимичные им апеллативные конструкции представляют собой атрибутивные словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов: läm|selg 'теплая сельга', piik|süud 'длинный мост', laged|so 'открытое (безлесое) болото', korged|mägi 'высокая гора', kuiv|pefn 'сухой мыс'. Словосочетание содержит в себе указание на признак географического объекта. Что же касается омонимичного ему топонима, то по происхождению он, безусловно, мотивирован и выражает в большинстве случаев определенное реальное свойство объекта. Однако, когда он начинает функционировать в системе имен, это свойство, внутренняя форма названия, отступает на задний план. Существенным при функционировании имени оказывается не то, на основе какого признака оно возникло, а то, что с помощью названия можно отличить данный географический объект от других, т. е. его адресная функция. Важно название как таковое, название как целостная законченная единица. Недаром топонимы с первым компонентом — прилагательным характеризируются грамматической цельюоформленностью: Korged|mägen au, Mustojas, Lagedsolę и т. д.

Достаточно четкая картина сложных топонимов, представленная выше, нуждается, однако, в некоторых уточнениях. Как, к примеру, классифицировать конструкции типа д. Mägos Прион, поле

Hiñhoud Оять, ур. Tesar Прион¹ и другие, которые выражены сложными по структуре апеллативами: ср. mägl|os 'вершина горы или холма', hiñ|houd 'яма для выжигания древесного угля', tel|sar 'перекресток'. Совершенно очевидно, что, представляя собой словосложения в апеллативах, в топонимии эти и подобные им образования выступают в роли единой неразложимой единицы или одной знаменательной частью топонима в сложных названиях типа пок. Tesar|nit, поле Hiñhoud|püud и т. д., т. е. сами являются простыми топонимами.

Следующая ситуация связана с метонимическим переносом названия с одного объекта на другой: оз. Šim|gäfv → с. Šimgäfv при озере, руч. Leploja → пок. Lepoja в пойме ручья. Если первый член в этих парах представляет собой несомненные сложные названия, состоящие из двух компонентов (атрибут и детерминант), то вторыми все сложнее. В самом деле, они не содержат в себе основного элемента (детерминанта), указывающего на разряд называемого географического объекта. Строго говоря, с точки зрения синтаксической классификации перед нами простые названия, включающие в себя одну знаменательную составную часть, за которой закрепляется одна функция: служить адресом объекта, обозначенного метонимическим топонимом. Создавая название, имядатель воспользовался готовым топонимом, перенеся его целиком, в качестве единой неразложимой единицы, на смежный объект (см. подробнее в разд. «Простые топонимы»).

Следовательно, к делению на простые и сложные топонимы следует в каждом отдельном случае подходить дифференцированно. Как, к примеру, с учетом вышесказанного быть с такими случаями, как ойконимы Namal|mättaz или Karpal|mägi? Второй элемент в них, строго говоря, не является детерминантом (в том смысле, что географический термин, которым выражен определяемый элемент топонима, не соотносится с видом объекта): mättaz, mägi — это два ландшафтных термина со значением 'горка, холм'. Здесь надо принять во внимание, что некоторые географические термины и близкие им слова, бытующие в качестве детерминантов в сложных топонимах, расширили или изменили свою семантику в топонимии, т. е. развитие на онимическом срезе происходило уже независимо от апеллативного. Детерминант -mättaz стал, по сути дела, системным в названиях поселений в вепсском Прионежье и воспринимается здесь как ойконимный детерминант. Подобным образом ведет себя и элемент -mägi в ойконимии Приоатья, т. е. в названиях деревень Doroimägi, Kivimägi, Konoimägi, Pirhumägi, Reboimägi, Skamñamägi и др. (все в составе с. Ярославичи на Ояти) с позиций имядателя или употребителя ойконима довольно четко ощущается двусоставная структура и роль элемента -mägi как ойконимного детерминанта. Факты такого рода еще раз подтверждают различие, существующее между апеллативным и онимическим срезами в

¹ Следом за топонимом здесь и в дальнейшем приводится географическая привязка: Прион — Прионежье; Оять — Приоатья (см. подробнее в списке сокращений).

языке, и определенную самостоятельность онимического словообразования.

Отметим в заключение еще две разновидности сложной двусоставной модели названия — так называемые вторичные топонимы. В прибалтийско-финской топонимии смежные разнородные объекты, как уже отмечалось, часто известны под одним общим географическим названием: Mustkofb ('черный лес') — это наименование и лесного урочища, и болота, и озера, расположенного в болоте. Когда же появляется необходимость точно обозначить объект, к общему названию присоединяется номенклатурный термин, обозначающий разновидность выделяемого географического объекта: оз. Mustkofb|jäfv, бол. Mustkofb|so. При этом комплексное название превращается в атрибут, определяющий соответствующий географический термин.

В другой разновидности вторичных двусоставных топонимов в роли детерминанта выступает готовое сложное по структуре название, которое целиком определяется атрибутом: оз. Suf Ahvjäfv — оз. Peñ Ahvjäfv антонимная пара для названия озер Большое Агвозеро — Малое Агвозеро. Традиционно данный тип названий принято считать составными, состоящими из трех компонентов, однако в основе их структурного членения лежит та же идея, что и в классических сложных двусоставных топонимах: те же две знаменательные части, одна из которых определяет другую.

ПРОСТЫЕ ТОПОНИМЫ

Простые топонимы — вторая типовая модель вепской топонимии. Принципиальное отличие ее от сложной кроется в том, что в ее составе нет детерминанта, и в подавляющем большинстве случаев по названию невозможно определить, к какому географическому объекту оно приложено (Mäthišt, Namač, Lomu, Patsas, Kurn и т. д.). В то же время простой топоним не соответствует по своей роли и атрибуту сложного названия: в отсутствие детерминанта ему, собственно, нечего определять. На фоне сложных простых топонимы — совершенно своеобразное явление, объясняющееся принципиально особым способом словообразования.

Класс простых топонимов неоднороден. В качестве простого топонима может выступать:

- апеллатив
- апеллатив + суффикс (топоформант)
- оним (топоним или антропоним)
- оним + суффикс (топоформант).

Что касается перехода апеллатива в топоним, то в естественной номинации на это способен далеко не любой апеллатив. Как свидетельствует наш материал, онимизации подвергаются прежде всего местные географические термины. Ими выражены многочисленные

простые топонимы на разных участках вепского региона: в Прионежье пок. Alang (alang 'низина'), г. Kall (kall 'скала'), ур. Kend (kend 'берег озера'), ур. Lodo (lodo 'мель в озере, луда'), пок. Luht (luht 'заливной луг'), в Приоятье ур. Kuhr (kuhr 'небольшая яма в лесу, на болоте'), о. Hafj (hafj здесь 'возвышенность, вершина горы, холма'), пок. Alang, пок. Johtę (joht 'старица'), омут Murd (murd 'водоворот'), на Капше ур. Kaiduz (kaiduz 'пролив'), поле Poudę (poudę 'склон, косогор'), пок. Rebitez (rebitez 'расчищенное в лесу место для пожни') и т. д. Эта закономерность дает, между прочим, основание предполагать географический термин и в основе некоторых этимологически затемненных простых топонимов, таких как Pуганд, Čuhak, Süfj и др. (см. подробнее в очерке «Топонимия в лексической системе вепского языка»).

Принципиальный вопрос, который возникает в связи с онимизацией географических апеллативов, состоит в том, как в таких условиях топоним способен называть и отличать данный объект от прочих объектов того же рода? Видимо, это возможно лишь в том случае, если он закрепляется за единственным в своем роде на микротерритории или особо важным географическим объектом. Единственный в окрестностях с. Шелтозеро порог получает название Kosk (kosk 'порог'), которое, между прочим, продолжает жить и после того, как апеллатив оказался утраченным шелтозерским говором. Местность вокруг северновепского села Рыбрека изобилует скалами, однако название Kall (kall 'скала') присваивается только одной из них — тянущемуся на несколько километров мощному скальному массиву, давшему жизнь каменным кварцитным разработкам. Это, без сомнения, самый значительный объект такого рода на территории Рыбреки.

Подобно апеллативам с географической семантикой ведут себя в топонимии и лексемы, обозначающие различного рода постройки, сооружения и т. д. Аналогично тому, как поле, расположенное при озерном проливе (soufm), получает название Soufm, так и поле, расположенное у церкви (kirik), приобрело название Kirik. По аналогии с единственным на озере заливом Laht (laht 'залив') единственный в окрестностях села мост называется Lava (lava 'пол'). Однако эта лексическая группа значительно уступает в продуктивности географической терминологии.

Многие одночленные топонимы не являются простыми по происхождению, а представляют собой итог трансформации сложных топонимов в результате эллиптирования одной из составных частей сложного названия. Эллипсису может подвергаться и атрибут, и детерминант, однако всякий раз этот процесс ограничен определенным условием, а именно: топоним должен сохранять обособленность от апеллатива. В противном случае нарушается способность называть, быть названием. Детерминант способен обходиться без атрибута, т. е. полностью принимать на себя функции названия (оз. Jäfv < оз. Saf|jäfv в д. Сарозеро) в том случае, когда называемая им разновидность географических объектов крайне редко встречается на искомой территории или же сам называемый географический

объект представляет особую важность,² — вследствие этого сам детерминант редок в топонимии искомой территории и действительно способен выполнять функцию дифференциации сам по себе, без атрибута.

Для того чтобы атрибутивный элемент сложного топонима был способен выступать в роли онима, также необходимы определенные предпосылки. Это свойственно прежде всего этимологически неясным атрибутам: руч. *Vijakoja* → руч. *Vijak*, бол. *Sohimso* → бол. *Sohim*, о. *Kainsaf* → о. *Kain*. Даже утратив детерминант, топонимы продолжают сохранять обособленность по отношению к апеллятиву. Не менее показательны в плане различия онима и апеллятива и чисто морфологические признаки, к примеру основа генитива в названиях поле *Tagiž* Прион < *tagine* : *tagižen* 'задний', ур. *Lomu* Оять < *lom* : *lomun* 'валежник', пок. *Hił*³ Бел < *hiž-* : *hide-* 'нечистая сила, леший' и др.

Вообще вопрос о примарности или секундарности простых топонимов актуален для целого рода названий. Можно ли, к примеру, считать первичными метафорические топонимы типа пок. *Nižurgn* Прион (в буквальном переводе 'пшеничный загром'), который указывает на хорошее качество сена на этом покосе, г. *Kukahard* Оять (букв. 'петушиный гребень'), г. *Taivaznaba* Южн (букв. 'небесный пуп'), мыс *Akaouç* Шим (букв. 'нога женщины')? Или же надо предполагать, что ими утрачен определяемый компонент, называющий разновидность географического объекта? Более вероятным представляется первое предположение, т. е. метафорические названия изначально простые. Метафора выражена сложным словом, которое уже внешне соответствует или сходно со структурным обликом сложного топонима. Кроме того, метафора способна выразить идею индивидуализации настолько четко, что по сути дела отпадает необходимость в детерминанте, осложняющем к тому же структуру названия.

То же самое относится, видимо, и к таким топонимам, как бол. *Koiviperodaz* (букв. 'березовая ступенька'), ур. *Somarihut* ('красивое деревце') или поле *Sufkivi* ('большой камень'), которые возникли в результате своеобразного обобщения одного заметного признака или свойства объекта и распространения его на весь объект (своего рода синекдоха). И этот тип топонимов представлен изначально простыми наименованиями. В финской ономастике топонимы такого рода не без основания причисляются к разряду метонимических, возникших в результате ассоциации по смежности (*Nimistöntutkimuksen terminologia* 1974 : 29). Более распространена, однако, другая разновидность метонимических топонимов, когда название одного географического объекта распространяется по смежности на другой: г. *Habselg* → поле *Habselg* на горе, руч. *Kivoja* → пок. *Kivoja* по ручью, р. *Šokš* → с. *Šokš*, оз. *Nažamjāfv* → д. *Nažamjāfv* при озере и т. д. Такие метонимические вторичные

² Эти предпосылки аналогичны условиям онимизации географических терминов, отмеченным выше.

³ Фонетический облик топонима связан со свойственным вепским говорам Белозерья оглушением звонких согласных в позиции конца слова.

топонимы, составляющие большую группу простых названий, отражают лишь один признак географического объекта — его местоположение и не содержат в себе никакого указания на разряд объекта. Сложную же структуру они приобретают лишь на последующем этапе словообразования, когда появляется необходимость в целях уточнения разряда географического объекта добавлять к общему названию соответствующий детерминант: поле *Habselg|pöud*, пок. *Kivo|nit* (или *Kivo|jan|nit*) и т. д.

В соответствии с традиционной семантической классификацией класс простых топонимов чрезвычайно ограничен. Однако с учетом синтаксической классификации, ориентирующейся на специфику онимического в языке, число простых топонимов значительно возрастает, и именно за счет метонимических названий, чрезвычайно распространенных в вепской топонимии. Популярность последних оправдана с позиций системности топонимии. Можно себе представить, насколько более громоздкой — и лексически, и семантически — была бы система топонимов, если бы каждый раз при образовании нового названия приходилось обращаться к новым лексемам.

Другой разряд онимов, участвующих в образовании простых метонимических топонимов, — это антропонимы. Переход антропонима в топоним — типичный способ словообразования для ойконимов: дер. *Juš* (вепс. антропоним *Juš* — Иван), дер. *Maкар* (вепс. *Maкар* — Макар), дер. *Markoi* (вепс. *Markoi* — Марк), дер. *Semoi* (вепс. *Semoi* — Семен), дер. *Olekš* (вепс. *Olekš* — Алексей) и др. (см. подробнее в очерке «Вепская ойконимия»). Данный разряд представлен также в названиях сельхозугодий: поля *Potaš*, *Kužm*, *Grig*, *Anand* и др. на Ояти. Имя владельца переносится на местность, находящуюся в его владении.

ВЕПСКИЕ ТОПОФОРМАНТЫ

В качестве простых топонимов могут выступать также суффиксальные образования от апеллятивов и онимов. Проблема соотношения апеллятивного и онимического находит свое преломление и в этом типе топонимобразования.

Суффиксация — один из универсальных способов топонимобразования, присущий топосистемам разных языков. В силу господства в прибалтийско-финской топонимии словосложения суффиксальные образования не получили в ней столь широкого распространения, как, к примеру, в русской топонимии (В. А. Никонов 1965 : 67—68). Однако и здесь это достаточно заметная группа географических названий.

Истоки многих топонимных формантов⁴ — в апеллятивных словообразовательных суффиксах. Считается, что практически все словообразовательные элементы, имеющиеся в топонимии в зоне распространения определенного языка, встречаются или встречались

⁴ В работе термины топонимный формант (топоформант) и топонимный суффикс синонимичны, взаимозаменяемы. Такое употребление рекомендуется и «Словарем русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (М., 1988).

раньше в его апеллятивах (Теория и методика 1989 : 171). Однако система топоформантов ни в коей мере не является отражением соответствующей апеллятивной суффиксации.

В данном очерке выявляется набор вепских топоформантов и их своеобразии на фоне системы соответствующих словообразовательных именных суффиксов, функционирующих в апеллятивах, что свидетельствует о специфике ономастики и позволяет проникнуть в особенности топонимии как системы.

Своеобразие топонимической суффиксации проявляется со всей наглядностью уже в том, что лишь ограниченное число апеллятивных суффиксов перешло в разряд вепских онимических формантов. Здесь вепская топонимия укладывается в целом в среднестатистическое число 7 ± 2 системноформирующих аффикса, устанавливающееся по данным топосистем других языков (Теория и методика 1986 : 167). Впрочем, в силу господства словосложения над аффиксацией в вепской топонимии, число вепских топоформантов скорее отклоняется в сторону «минус», чем «плюс»: это ойконимный формант -l (Korbal, Vingl, Söndal), пожалуй единственный бесспорный, т. е. соответствующий параметрам топоформанта прибалтийско-финский онимический суффикс; это, далее, агроонимический, т. е. проявляющийся в названиях сельскохозяйственных угодий формант -šip (Teroušip, Fedoroušip, Timukoušip, Kajagoušip); формант -d, восходящий к грамматическому показателю множественного числа (дер. Mikuličad, ур. Pustad, пок. Levedaižed, бол. Mändod); формант -č (оз. Märgač, ур. Näugač, дер. Pahač); ойконимный -išt (Deremišt, Vasilišt, Kündišt), известный в Прионежье и Белозерье. Формант — это своего рода маркер, отличающий оним от апеллятива. Показательно в связи с этим, что часть из названных формантов функционирует только в топонимии (-l, -šip, -išt) и непродуктивна в апеллятивах, другие явно стремятся территориально размежеваться с соответствующими апеллятивными суффиксами (см. ниже).

Кроме этого общего предназначения топоформант несет еще и классификационное разрядное значение. Поэтому в прибалтийско-финской топонимии формант присоединяется не к классифицирующему детерминанту, а к определяющему атрибутивному элементу, т. е. он, собственно, замещает детерминант. Присутствие в ониме -l-ового форманта указывает (или указывало в прошлом) на принадлежность к разряду ойконимов, точно так же, как наличие в топониме -šip является знаком агроонима у вепсов. Впрочем, замещая детерминант, формант не способен столь же однозначно информировать о разряде или классе топонима, как детерминант сложного топонима (-jäfv в лимнонимах, -röud в названиях полей, -kosk в наименованиях порогов и т. д.). Здесь вступают в силу две тенденции: с одной стороны, стремление к строгой системности поддерживает существование двусторонних моделей. С другой стороны, на топонимии распространяется общезыковая тенденция к экономии речи, стремление к краткости, и в русле этой тенденции закономерно появление топоформантов, менее громоздких по сравнению с детерминантами.

Вообще для появления и функционирования онимических формантов должен присутствовать некоторый набор предпосылок: достаточно высокая частотность употребления топонимов данного разряда, существенная роль самого объекта названия среди других географических объектов, ограниченный набор семантических моделей названия, присущих искомому классу географических объектов, функционирование топонима на официальном уровне (Е. Kiviniemi 1990 : 88). Перечисленные моменты свойственны прежде всего вепским ойконимам, которые действительно чаще других топонимных разрядов используют топоформанты (-l, -išt, -d). Определенные предпосылки для появления топоформантов имеются и у гидронимов, особенно лимнонимов — названий озер. Во всяком случае, можно говорить о многочисленности этого топонимного разряда, о важности озер в среде окружающих географических реалий, об официальном уровне функционирования лимнонимов. Представляется, что именно этими моментами обусловлена тенденция превращения детерминанта -jäfv 'озеро' в специфический формант -af: Mustaf, Kidařaf, Ahvařaf, Killaf, Kivařaf, Redaf и т. п. Последний ведет себя в топониме уже не как классифицирующий номенклатурный термин, а как гидроформант, что проявляется, в частности, в добавлении к названию с гидроформантом классифицирующего детерминанта: Padařaf → Padařaf|jäřfv, Rogaf → Rogaf|jäřfv и т. д. Подобный процесс известен и финской топонимии (V. Nissilä 1962 : 92—96).

Приступая к анализу топоформантов, необходимо решить принципиальный вопрос: является ли присутствующий в топониме суффикс онимическим формантом или же он присоединился к словообразовательной основе еще в дотопонимном, апеллятивном словообразовании, как, к примеру, в названиях дер. Haršom < haršom 'осиновый лес' (< har 'осина'), оз. Lepišť < lepišť 'ольшаник' (< lep 'ольха'), поле Kivišť < kivišť 'каменистое место' (< kivi 'камень'), пок. Palateř < palateř 'гарь, горелый лес'. Разграничить то и другое не всегда так просто, как в случае с -l-овым формантом, который не функционирует в вепских апеллятивах, а возможно, и в прошлом не был продуктивен в вепском языке (см. далее) и в силу этого принадлежит к числу несомненных онимических формантов. Столь же бесспорна и онимическая сущность форманта -šip со строго ограниченными агроонимическими функциями. Ему тоже нет соответствия в апеллятивном вепском словообразовании, ибо он, будучи заимствован из русской топонимики, воспринят только в ономастике и не проник в вепское апеллятивное словообразование. Значительно сложнее определить природу -č в топонимах типа ур. Nobač, ур. Kombač, пок. Mupavič, оз. Tagič и т. д. Можно ли его классифицировать как топонимный формант или же перед нами образования, возникшие в апеллятивах? Словообразовательный суффикс -č, как известно, бытует, хотя и не слишком широко, в вепском языке на апеллятивном срезе, передавая сходство с тем, что выражено словообразовательной основой: koverič 'горбун', ср. kover 'кривой, изогнутый', pezič 'умывальник', ср. pesta (peze-)

'мыть', vanhač 'старый человек', ср. vanh 'старый'. Однако анализ топонимов на -č свидетельствует о том, что лишь для некоторых из них обнаруживается соответствующий апеллатив: бол. Katačso (katač (hein) 'кочедыжник, лесной папоротник'), бол. Kekeričso (kekerič 'кривое дерево'), оз. Kakačjarvut (kakač 'гагара'). Для основной же массы топонимов присутствие форманта -č не объясняется дотопонимным функционированием, ибо соответствующие апеллативные образования отсутствуют в вепсском языке. Топонимы типа ур. Kombač, ур. Raidač, оз. Vähäč, бол. Siľmač и др. не имеют апеллативных этимонов, хотя и понятен принцип их образования и возможно реконструировать производящие основы komb 'колено', gaid 'ива', vähä 'мало' (здесь в значении 'маленький'), siľm 'глаз'. Складывается впечатление, что усвоенный из апеллативного словообразования формант приобрел постепенно независимость от апеллативной модели и начал функционировать самостоятельно в вепсской топонимии. С наибольшей очевидностью топонимическая природа форманта -č проявляется в том, что он функционирует в простых по структуре топонимах, выступая в качестве заместителя детерминанта. Он является показателем топонимичности, т. е. принадлежности оформленного с его помощью слова к топонимам, и в этом контексте понятна сложная двусоставная структура названий типа отмеченных выше Kekeričso и Kakačjarvut, где атрибут выражен лексемой с суффиксом -č: в данных примерах -č — не топонимный формант, но апеллативный словообразовательный суффикс. Поэтому необходим детерминант, вводящий географическое название в топонимическую систему. В топонимах же типа Натаč, Радаč, Колкач, Лапач, Нюркачи и др. (три последних зафиксированы на бывшей вепсской, ныне обрусевшей, территории) потребность в детерминанте отпадает, ибо его функция возложена на топонимный формант -č.

В топонимических исследованиях, касающихся территории Русского Севера, неоднократно обсуждался вопрос о топоформанте -ас, -ос, -ус. Мнения об его истоках противоречивы. Я. Калима, усматривавший несомненное прибалтийско-финское или саамское происхождение топооснов, к которым присоединяется упомянутый топоформант (Салмас-озеро, Янгас-озеро, Калгас-губа), все же не нашел удовлетворительного прибалтийско-финского (саамского) объяснения для форманта и пришел к выводу о том, что последний, вероятно, возник на русской почве по аналогии с прибалтийско-финскими словами и топонимами на -as, -äs (J. Kalima 1944). Э. А. Тункело, в целом принимая этот вывод, считает, что он должен быть скорректирован с учетом прибалтийско-финских языковых данных, свидетельствующих о параллельном употреблении форм на -s и без него как в прибалтийско-финских апеллативах (hangas—hanka, kivas—kiiva, virmas—virma и т. д.), так и в топонимах. Подобное сосуществование форм он считает результатом развития по аналогии и смешения традиционных и возникших по аналогии форм, спровоцированного в значительной степени дву-

язычием прибалтийско-финского населения в зоне прибалтийско-финско-русского контактирования и определенными сбоями в функционировании там языковых закономерностей (Е. А. Тункело 1953). Так что, отвергая русские истоки форманта -ас в топонимии Русского Севера, Э. А. Тункело все же усматривает косвенное воздействие русского языка.

Иная точка зрения у А. К. Матвеева, в распоряжении которого имелся обширный топонимический материал по территории европейского Севера. Он отвергает финно-угорские истоки севернорусской топонимии на -ас, -ос, ус, считая ее дофинно-угорской. При этом один из аргументов А. К. Матвеева заключается в том, что в современной прибалтийско-финской топонимии названия на -ас нигде не образуют сколько-нибудь компактных скоплений (А. К. Матвеев 1964 : 79).

Балтийская гипотеза происхождения топонимии на -ас, -ос, -ус высказана Е. М. Пospelовым.

В вепсском Межозерье топонимия на -s (с основой на -ks и -s) неоднородна. Во-первых, обнаруживается целый ряд гидронимов (названия рек) на -us: Täpuz (Тянука), Nabarduz (Габардуса), Mundus (Мундукса), Хунгус, Вытмуса, Вашкуса, Шоткуса и некоторые другие, которые действительно не образуют единого ареала, а представляют собой разрозненные топонимы, не этимологизирующиеся к тому же из вепсского языка. Вряд ли можно в этом случае говорить о прибалтийско-финском (вепсском) топоформанте. В свою очередь, другая часть топонимов на -s — микротопонимы вепсского происхождения — также недостаточно надежный материал для доказательства ономастической природы -s, ибо в большей части случаев налицо дотопонимическое функционирование -s: г. Kukaz < kukaz 'холм, горка', поле Kaskezpiud < kaskez 'подсека' (ср. kašk 'тж'), бол. Kimasso < kimaz 'ток' (ср. kim 'тж'), зал. Kaiduz < kaiduz 'пролив', бол. Тербасболото < tervaz 'смолье', (ср. terv 'смола'). Любопытный пример представляет неоднократно повторяющаяся в Межозерье топооснова salm 'пролив' в комплексе с элементом -s (-z): ур. Soumez (Капша), пок. Salmes (Белозерье), ур. Салмаса (Паша), р. Салмакса (Свирь), бол. Салмас (Вытегра). Этот ряд может быть дополнен примерами с названной территории, приведенными в упомянутой статье Я. Калима. Столь внушительный список вызывает невольный вопрос, почему конечный элемент -s отдает предпочтение именно основе salm, с чем связан такой избирательный подход? Не есть ли это явление того же порядка, что и топоним Karas — залив на оз. Капшезеро, который в действительности представляет собой не кар 'залив' + топонимный формант -ас, а результат онимизации лексемы karas 'залив', т. е. -ас присоединился на уровне дотопонимического словообразования? В таком виде лексема функционирует и в детерминантах целого ряда заливов на Капшезере: Iľfandęhkaras, Lahtokaras, Rebitezkaras. Возможно, и Salmas — не образование на уровне топонимии, а апеллатив, перешедший в топонимию.

Просмотрев целый ряд топонимов с конечным -s (-z) в вепском Межозерье, мы вынуждены признать, что вряд ли имеется достаточно оснований для утверждения его ономастической природы в них. В лучшем случае можно говорить об определенной тенденции превращения его в топоформант, ощущающейся, к примеру, в группе наименований ручьев на небольшом участке среднего течения реки Ояти: Легмас (ср. вепс. lehm 'корова'), Кайгас (ср. вепс. kaiv 'колодец'⁵), Андикас ~ Антикас (ср. оз. Antik ~ Antikjäfv в Прио-отье, где топооснова без конечного -as), Вилдас. Заметим, что материал этот недостаточно убедителен для того, чтобы говорить о вепском топоформанте, ибо он приурочен к русской (обрусевшей) территории.

В разряд топонимных, как свидетельствует материал, перешли и некоторые формообразующие показатели, которые функционируют в целом ряде географических названий не для выражения грамматического значения, но в качестве служебного элемента — показателя топонимичности. К грамматическому показателю множественного числа восходит топоформант -d, проявляющийся в микротопонимии, прежде всего в наименованиях сельскохозяйственных угодий (пок. Rodnikad, пок. Kanhgad, поле Hotinad, поле Lehmežed, пок. Purtked) и в ойконимах — наименованиях частей гнезда поселений (Johorovad, Grišinad, Maimistad и т. д.). Если у нарицательных имен категория числа является семантико-грамматической, то у собственных имен она «формальна», т. е. не имеет специализированного словообразовательного значения, а просто указывает на принадлежность к определенному разряду топонимов.

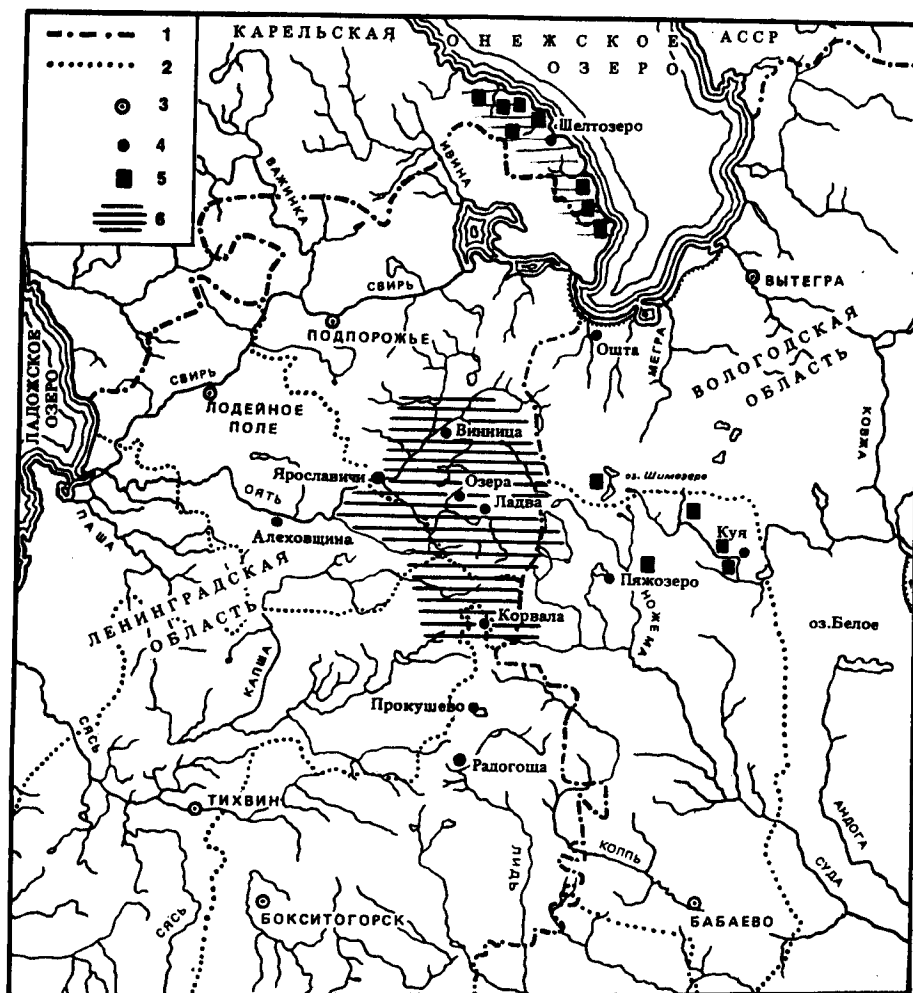
Подобная функция в топонимии и у деминутивного суффикса -ine. Он проявляется в целой серии простых (односоставных) топонимов: поля Kehkraine, Ledoine, Šorduine, пок. Pustijne, дер. Kalleine, поля Melaine, Sildijne, пок. Ojaine. Надо сказать, что топоосновы без этого форманта не воспринимаются как топонимы. Именно поэтому в вепской топонимии чрезвычайно редки формы типа ур. Kover (kover 'кривой, изогнутый'), поле Verai (verai 'наружная дверь'), пок. Leved (leved 'широкий'). Зато как топонимическая норма воспринимаются пок. Kovereine, пок. Vereine, поле Levedoine. Невозможно представить в функции топонима формы Lehm (lehm 'корова'), Tom (tom 'черемуха'),⁶ а эти же основы, но оформленные показателем -ine (пок. Lehmežed ~ Lehmeine, поле Tomeine) совершенно естественны для топонимии, ибо именно формант является в данном случае знаком топонима, его отличительным признаком.

⁵ Передача приб.-фин. «v» через рус. «г» — характерное фонетическое явление для русских говоров Приоотья: ср. р. Пелгас ~ Пелвас (вепс. põlvaz 'лен'), оз. Сагозеро ~ Савозеро.

⁶ Оба названия — это искусственно созданная модель, реально не бытующая в вепской топонимии.

В заключение некоторые наблюдения над географической характеристикой топоформантов, также чрезвычайно существенной в плане формальных особенностей топонимии.

Каждый формант имеет свой ареал, а каждая территория — свой неповторимый «спектр» формантов (по определению В. А. Никонова). Одни форманты покрывают практически всю вепскую территорию, другие имеют ограниченный ареал в вепском Межозерье. Ареал форманта -šin не достигает восточной части Межозерья — Шимозерья и Белозерья, хотя охватывает весь запад, центр и северо-запад (карта 2). Такое распределение, очевидно, увязывается с направлением проникновения и распространения русской онимической модели на -щина в вепскую топонимическую среду. Ойконимный формант -l привязывается к южному Присвирию, причем, как свидетельствует анализ, накладывается на археологический ареал курганов юго-восточного Приладожья X—XIII вв. (см. подробнее с. 123) и в этом смысле несет важную информацию этноисторического содержания. Однако ареал формантов не есть прямое непосредственное отражение истории заселения. Он зависим в значительной степени, как свидетельствует анализ вепских топоформантов, от ареала соответствующего апеллятивного суффикса. Причем это своеобразная зависимость обратного порядка, заключающаяся в том, что апеллятивные и онимические аффиксы стремятся к размежеванию. В число онимических попадают форманты, которые либо совсем отсутствуют в апеллятивном словообразовании, либо недостаточно продуктивны в последнем. В самом деле форманты -č и -s, отмеченные выше, не принадлежат к числу продуктивных вепских словообразовательных элементов, с чем, видимо, и связана тенденция превращения их в онимические показатели. Некоторые из топоформантов совсем не имеют апеллятивных соответствий. Среди них уже упоминавшийся агроонимический показатель -šin (Filatoušin, Pehoušin, Timukoušin), заимствованный в агроонимию вепсов из русской топонимии и не проникший на апеллятивный уровень. Эта же особенность — отсутствие апеллятивного аналога — присуща вепскому -l-овому ойконимному форманту. Сейчас формант непродуктивен и в апеллятивном, и в топонимном словообразовании у вепсов, однако плотный ареал названий населенных мест с -l на западе вепской территории указывает на его былую топонимическую продуктивность. Что же касается апеллятивного ареала суффикса у вепсов, то такового нет. Более того, его, возможно, не существовало и в прошлом, а на вепскую территорию суффикс проник только в качестве ойконимного форманта. Для такого предположения есть свои основания: во-первых, формант бытует на территории наиболее раннего проникновения вепсов в Межозерье, во-вторых, ареал вепской -l-овой ойконимии является частью более обширного ареала, тяготеющего к Финскому заливу. Оказывается, -l-овая ойконимия, представленная в разных прибалтийско-финских языках — финском, эстонском, карельском, вепском, не образует в каждом из них независимый ареал, а все они вместе составляют один обширный ареал с едиными истоками и,

Карта 2. Форманты *-išt* и *-šip* в вепсской топонимии.

1—границы Карелии и областей; 2—границы районов; 3—районные центры; 4—населенные пункты; 5—формант *-išt* в топонимии; 6—формант *-šip* в топонимии.

видимо, единой хронологией. Вепсская *-l*-овая модель — восточная периферия этого обширного ареала.⁷

В том случае, когда суффикс бытует и в апеллятивном словообразовании, и в топонимии, налицо размежевание апеллятивного и онимического ареалов. Показательный пример — ойконимный формант *-išt*, имеющий два ареала: один, четко выраженный, — в север-

новепсском Прионежье (Deremišt, Vasilišt, Tihoništ), другой, представленный несколькими примерами, — в Белозерье (Kindišt, Kaišt, Prangatišt). Однако на апеллятивном уровне на означенных территориях словообразовательный суффикс *-išt* со значением коллективности малопродуктивен, явно уступая в регулярности семантически однородному суффиксу *-žom* (см. подробнее на с. 81 — 82). Видимо, здесь проявляется та же закономерность, которая была отмечена и на русском онимическом материале: при достаточной регулярности моделей собственных и нарицательных имен с онимичными формантами их ареалы обычно не совпадают (Ю. С. Азарх 1981 : 26). Непродуктивность форманта *-išt* в нарицательных именах в ареале Прионежья и Белозерья способствовала распространению модели на *-išt* в топонимии. Наоборот, в Приюстье, где апеллятивная модель на *-išt* регулярна (kovišt 'березняк', porišť 'молодежь' и т. д.), не произошел переход аффикса в разряд онимических формантов.

Такое размежевание — и территориальное, и хронологическое — апеллятивного и топонимного словообразования закономерно вытекает из функции топоформанта как показателя топонимичности. Он призван отличать оним от апеллятива и в силу этого топонимия стремится к использованию показателей, не являющихся продуктивной апеллятивной моделью.

⁷ Эта же закономерность наблюдается и в финском языке, где чрезвычайно малая продуктивность локативного словообразовательного суффикса *-la* (L. Nakulinen 1968 : 110) возмещается активностью его в финской топонимии.

Очерк 2

ТОПОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕПССКОГО ЯЗЫКА

Топонимия представляет собой неотъемлемую часть лексики языка. Вместе с тем топонимическая лексика характеризуется своими особенностями, обусловленными целым комплексом факторов. Одна из современных точек зрения вводит онимическую лексику в состав специальной лексики, включающей в себя терминологию различных областей знания, номенклатуру науки, техники, производства, торговли. Отличительная особенность специальной лексики на фоне общей лексики языка — вторичность номинации, обязательная связь с индивидуальным конкретным предметом, отсутствие непосредственной связи с понятием, что в конечном итоге разводит слова специальной и общей лексики в разные системы (Теория и методика 1986 : 31—37).

Из всего спектра проблем, связанных с онимической лексикой и ее местом в лексической системе языка, мы избрали некоторые вопросы онимизации апеллятива в топонимии: какая лексика втягивается в топонимообразование, каков круг типовых, или частотных, вепсских топооснов, каковы последствия процесса онимизации для реконструкции утраченных языком слов и значений. Такой подход привлекателен с точки зрения теории ономастики, позволяя выявлять специфику топонима в языке. С другой стороны, он полезен и с позиции собственно лингвистики, в частности исторической лексикологии, изучающей словарный состав языка в диахронном плане.

ТИПОВЫЕ ВЕПССКИЕ ТОПООСНОВЫ

В этом разделе выявляется набор типовых топооснов, свойственных вепсскому языку. Понятие «типовых топооснов» объединяет наиболее характерные, наиболее употребительные лексические элементы — основы топонимов. Иначе говоря, это апеллятивы, которые, подвергаясь топонимизации, реализуются в наибольшем числе топонимов. Применительно к прибалтийско-финской топонимии, обладающей двуосновностью, можно говорить о наибольшем числе комбинаций.

Как это ни парадоксально, но вопрос о том, что для топонимии данного региона обычно, что можно считать типичным, каков, к примеру, набор типовых топооснов, иногда может поставить исследователя в тупик. Несмотря на то что топонимика уже относительно давно выделилась в самостоятельную отрасль языкознания, со своим предметом исследования, своими методами, своими целями и за-

дачами, традиция использования ее в качестве вспомогательной дисциплины, поставляющей материал для диахронных языковедческих исследований, разработки и подтверждения исторических гипотез, для обоснования географических и прочих факторов, продолжает довлеть до сих пор. Такое смещение акцентов отвращает от этимологически прозрачных, «будничных» топонимов, а они-то как раз и составляют основной костяк топонимии любой территории. Обычно принято считать, что характерный топонимический облик определенной территории образуют топонимы с раритетными основами. На самом деле топонимии зоны характеризуют раритетные основы (и форманты) на фоне типовых основ (Н. В. Подольская 1983 : 151). Для постижения топонимической типологии, системности топонимии важен именно анализ типовых элементов. Важная теоретическая значимость таких изысканий дополняется прикладными задачами. Среди них — создание ономастических атласов. В самом деле, какие из многочисленных вепсских топооснов отобрать для картографирования как наиболее характерные и регулярные, способные отразить вепсское своеобразие на фоне других прибалтийско-финских топонимов? Наиболее надежны для этих целей именно типовые топоосновы.

Проблемы выявления регулярного, типичного в топонимии обсуждаются в последнее десятилетие в ономастической науке. Определенные результаты достигнуты славянской ономастикой, где традиция заложена еще в 70-е гг. В. Шмилауэром, составившим свод типовых топооснов, общих для топонимии 14 современных славянских языков. Исследования в этом плане продолжают (Н. Вогек 1980, Н. В. Подольская 1983). Что касается прибалтийско-финской топонимии, то проблема частотных топооснов вплоть до последнего времени не ставилась как специальная, а возникала как частная в ходе лексико-семантических построений. Однако в 1990 г. появилось специальное исследование Э. Кивиниеми по этой проблеме, основывающееся на финской топонимии (E. Kiviniemi 1990). Выводы автора о том, из каких лексических элементов по преимуществу состоит финская топонимия и как они распределяются в зависимости от вида географического объекта, чрезвычайно существенны для прибалтийско-финской топонимии в целом. В этой главе они широко привлекаются в качестве сопоставительных данных для вепсского материала.

Анализ проводился на основе вепсской части топонимической картотеки Института ЯЛИ, которая включает приблизительно 5000 географических названий (плюс материалы смежных обрусевших районов). При достаточной широте охвата — в картотеке в большей или меньшей мере представлены все участки вепсского Межозерья — имеющийся в нашем распоряжении материал все же не может претендовать на исчерпывающе полный охват всего вепсского топонимного континуума. Однако мы полагаем, что он в целом адекватно отражает реальное соотношение продуктивных и непродуктивных элементов, и определенная условность в данном случае не препятствует выполнению поставленной задачи.

При кажущемся разнообразии основы вепских географических названий представляют собой в действительности вполне обозримый материал. Многочисленные названия-тезки, засвидетельствованные в вепском Межозерье, говорят об относительной бедности возможностей, которыми располагают всякий раз имядатели. Набор топонимов определяется рядом экстралингвистических обстоятельств: набор самих реалий, получающих название, зависимость восприятия человека от определенной эпохи, культурного уровня и т. д., так что общественно-экономические преобразования ведут к изменению частотности отдельных топонимов. Впрочем, выбор топонимов, их частотность определяются не только экстралингвистическими обстоятельствами. Существен сам характер языка и техника выражения в нем отдельных лексических категорий (Теория и методика 1986 : 177). Не менее важна и ономастическая типология, элементы которой раскрываются в данной главе.

Вепские топонимы представляют собой по преимуществу сложные конструкции, состоящие из основного элемента и определения к нему. Поэтому, говоря о типовых топонимных элементах, резонно выделять их как в составе атрибутов, так и на уровне детерминантов.

Типовые атрибутивные элементы

Ниже предложен обзор типовых вепских топонимов-атрибутов. При этом надо иметь в виду, что, конечно же, не вся топонимия состоит исключительно из типовых основ. Наряду с последними в образовании топонимов принимает участие множество основ, достаточно для топонимии случайных, имеются среди них и настоящие раритеты. В соответствии с общим психологическим законом избирательности лексическая избирательность составляет около 50% материала раритетного, единичного (Теория и методика 1986 : 177). В ономастической литературе в связи с этим принято выделять обязательные и необязательные, или факультативные, топонимы.

1. К числу обязательных вепских топонимов относятся географические термины — слова, которые отражают существующие в природе разновидности ландшафта. Инвентарь вепской ландшафтной терминологии включает около двух сотен лексем (И. Муллонен 1985 : 98). Приблизительно 2/3 из них принимают участие в образовании топонимов в качестве атрибутивного элемента. В общей сложности топонимы с атрибутами, выраженными ландшафтной терминологией, составляют до 10% вепского топонимического фонда. Это одна из самых значительных лексико-семантических групп топонимов. При этом, однако, продуктивность их различна — от одной единственной фиксации до больших серий, включающих десятки названий. Список десяти наиболее продуктивных топонимов, расположенных по мере убывания частотности, выглядит следующим образом: *oja* 'ручей', *kofb* 'глухой лес', *so* 'болото', *kangaz* 'бор, сухое возвышенное место', *peñ* 'мыс, полуостров', *mägi* 'гора, холм,

возвышенность', *saím* 'пролив', *palde* 'склон, косогор', *rand* 'берег', *seig* 'сельга, поросшая лесом гора'. Несколько примеров:¹

Oja (ојейне 'ручеек'): *Oja* Прион (3), *Ojät* (2), *K*, *Juñ* (3), *Ojad* Прион, *Ojaine* ~ *Ojaižed* Прион, *Ojeine* Прион, *Ojeižed* Бел, *Ojaljäv* *Ojät*, *Juñ*, *-mättaz* Прион, *-nijt* Прион, *-nit* Бел, *-pijdod* *Ojät*, *-röud* Прион (2), *Ojanlkar* *K*, *-sar* Прион, *-su* *Ojät*, *Ojäv* *Ojät* (2), *K*, *Ojeižennit* Бел, *Oeji* *Ojät*, *Oj* ~ *Ojозеро* *Ojät*, *Ojручей* *Выт*, *Oj* Прион, *Oямжа* *Выт*, *Oяник* *Выт* и др.

kofb: *Kofb* *K*, *Kofbed* Прион, *Ojät*, *Kofbljäv* *-gäfv* *Ojät* (4), *Kofbalmägi* *Ojät*, *-rand* *Juñ*, *Kofbelkešk* *Juñ*, *Kofblhäm* *Juñ*, *-nüt* *Ojät*, *-oja* *Ojät*, *Korbohoum* Прион; *Корба* Прион (2), *Ojät* (3), *Корба* ~ *Корбы* *Выт* (5), *За Корбой* *Ojät*, *Корба* ~ *Корбушина* *Ojät*, *Корбозеро* Прион, *Ojät* (2), *Корбое* *Ojät*, *Корбойка* *Ojät*, *Корбоя* *Выт*, *Корбручей* *Ojät* и др.

Не исключено, что часть топонимов русских районов возникла на основе русского географического термина *корба*, заимствованного применительно к обследуемой нами территории бывшего вепского расселения из вепского. Впрочем, структурный облик большинства указанных географических названий обрусевшей территории — имеются в виду сложные конструкции, характерные для прибалтийско-финской структурной топонимной модели — подтверждают их вепские истоки (ср. *Корбозеро* < *Kofbjäv, *Корбоя* < *Kofboja).

so: *So* Прион (3), *Шим*, *Soljeg* *K*, *-jäv*, *-gäfv* *Ojät*, *K*, *Шим*, *Juñ* (2), *-kar* *Шим*, *-kesk* *K*, *Juñ*, *-laht* *Ojät*, *-peñ* *Ojät* (2), *-nijt* Прион, *-nit* *Ojät*, *-nüt* *K*, *-nituine* Бел, *-röud* Прион, *-saf* *Ojät*, *-süd* *Juñ*, *-süudad* *Ojät*, *-südam* *Ojät*, *Sonltaga* *Juñ*; *Соверь* ~ *Собери* *Возн* (< *Sovef, *vef* 'край'), *Сонема* *Возн* (< *Soneñ, *peñ* 'мыс') и др.

kangaz: *Kangaz* Прион (5), *Ojät* (3), *Шим* (2), *Kanghad* *K*, *Kangalpena* Бел, *-seig* Прион, *Kangazlbor* *Ojät*, *-jäv*, *-gäfv* *Ojät* (3), *K*, Бел, *-nit* *Ojät*, *-oja* *Ojät*, *Шим*, Бел, *-röud* Прион (2), *-rand* *Ojät*, *-güun* *K*; *Кангасручей* *Ojät* и др.

В последнем гнезде обращает на себя внимание отсутствие южновепских фиксаций, связанное, видимо, со слабым представителем самой лексемы в южновепских говорах. Здесь налицо достаточно четкая тенденция к замене ее русским заимствованием *вог*, которое занимает устойчивые позиции и в топонимии этой территории.

Серии, включающие свыше десятка топонимов и представленные в разных точках вепского Межозерья, образованы также на основе ландшафтных терминов *bong* 'омут', *jäv* 'озеро', *jogi* 'река', *košk*

¹ Вслед за топонимом указывается географическая привязка: Бел — Белозерье, *K* — Капша, *Ojät* — Приоляте, Прион — Прионежье, *Шим* — Шимозеро, *Juñ* — южновепский ареал; *Возн* — Вознесенье, *Выт* — Вытегра. Цифра в скобках обозначает количество географических объектов с указанным названием. Вертикальной чертой отделяется общий (одинаковый) элемент для детерминантов, приводимых за знаком «-».

‘перекат, порог в реке’, luht ‘заливной луг, лужа’, ladv здесь ‘вершина, исток реки’, lomu ‘место, изобилующее валежником’, mugd ‘водоворот’, mättaz ‘холм, горка’, org ‘овраг, низина’; ‘дремучий лес, чашоба’, saf ‘остров’. До десятка топонимических фиксаций в вепском регионе дает каждая из следующих географических лексем: čirak ‘остров’, kuk(az) ‘холм, горка’, kar ‘небольшой залив’, laht ‘залив’, pova ‘трясина, топь’, purde ‘ключ, родник’, gäde ‘густой ельник’, *süfj здесь ‘горка, холм’, *vadağ ‘сырое болотистое место’. Серии из пяти и более атрибутивных элементов образуют alang ‘низина’, kall ‘скала’, land ‘низина, лужа’, pepa ‘нос (мыс)’; gäme ‘болотина’. При этом следует учитывать, что приводимые цифровые показатели не абсолютны. За ними — материал вепской картотеки Института ЯЛИ. Однако определенная условность не мешает выявлению типовых топооснов, ибо она отражает реально существующее соотношение продуктивных и непродуктивных гнезд.

Среди наиболее частотных топооснов — родовые ландшафтные термины, отражающие самые приметные особенности ландшафта (jogi, jäfv, oja, so, mägi и др.). В качестве продуктивных топооснов в целом ряде случаев выступают лексемы, выпавшие из современных вепских говоров (*vadağ, *kuk-, *land) или утратившие ландшафтную семантику (ladv, selg, süfj).² В связи с отходом от тесных, непосредственных связей человека с природой, вызванным изменениями в ориентации хозяйственной деятельности, отпала необходимость в разнообразной и детально разработанной географической лексике, осколки которой ныне сохраняются в топонимах.

Еще одно наблюдение касается заметного единства типовых топооснов для всего вепского Межозерья, которое зиждится на в целом единой для вепского языка географической лексике. Диалектные и говорные различия немногочисленны. Подобное единство, видимо, должно рассматриваться в контексте значительной близости, малой дифференциации вепских диалектов в целом. Существен и единый сходный ландшафт в зоне всего вепского Межозерья, позволяющий оперировать общей географической терминологией.³

Приблизительно треть вепской географической терминологии не участвует в образовании топонимов. Это вызвано несколькими обстоятельствами. Наиболее существенное из них связано с функциональным предназначением географических названий. Подавляющее большинство топонимов вызвано к жизни потребностями

небольшого коллектива, численно и территориально ограниченного (обычно жители одной деревни, одного куста деревень). В таких условиях в зону внимания попадает ограниченное количество географических объектов, а поэтому функцию индивидуализации, дифференциации способны выполнить и родовые термины (mägi для всех разновидностей гор, холмов, возвышенностей, so для всего видового разнообразия низинных болотистых мест). Нет необходимости в более детальной градации. В связи с этим в топонимии мала продуктивность лексем, детализирующих видовые ландшафтные термины.

Мало или непродуктивны в топонимии и обозначения малозначущих, несущественных в практической хозяйственной деятельности объектов. Возможно, поэтому в топонимии не закрепился целый ряд лексем со значением ‘низина, ложбина’ (laks, van, notk). Проникновению термина в топонимию препятствует и временный характер самого объекта, выраженного искомым термином (lätak ‘лужа’, lähte ‘пруреть’, tandar ‘истоптанное место’).

2. Вторая группа слов, образующих обязательные топоосновы, представляющая к первой, представлена названиями растений. Подобно ландшафтной терминологии слова этой группы лексики отражают реальные особенности тех объектов, в названиях которых они закрепляются. Спектр наименований представителей флоры, выступающих в качестве топооснов, достаточно широк, однако продуктивность их различна. Бесспорное лидерство принадлежит четырем топоосновам: hab ‘осина’, lep ‘ольха’, koiv ‘береза’ и *vehk ‘вахта, водяной трилистник’, каждая из которых зафиксирована в нескольких десятках топонимов в зоне Межозерья. Судя по данным Э. Кивиниеми, лидерство среди всех представителей мира флоры в финской топонимии надежно держит сосна — за счет суммы по крайней мере трех основ (mänty, honka, petäjä), обозначающих разновидности сосны (E. Kiviniemi 1990: 131, 135). В вепской же топонимике количество топонимов, образованных от этих трех основ, в совокупности не выводит сосну в абсолютные лидеры, позволяя ей в лучшем случае входить в десятку наиболее популярных в топонимике растений. Одна из возможных причин этого — отсутствие лексемы mänd в большинстве вепских говоров или семантический сдвиг, происшедший со словом в некоторых говорах, где mänd обозначает рыхлую заболону сосны, т.е. лексема вышла за пределы семантической группы ‘растительный мир’. Нет достаточно убедительных следов изначальной семантики (‘сосна’) и на топонимическом уровне (единственный пример в нашей картотеке, могущий претендовать на роль такового, — урочище Mändomorg в Прионежье: < ? *Mändom с собирательным суффиксом) — факт, свидетельствующий о том, что сдвиг в семантике и забвение слова произошли уже в достаточно отдаленное время.

Ниже приведены примеры гнезд с наиболее частотными топоосновами из мира флоры:

² Смотри подробнее в разд. «К реконструкции вепской лексики по топонимическим свидетельствам».

³ Своеобразие ландшафта на каком-то участке Межозерья обычно находит отражение в составе географической лексики. Примером может служить слово kall ‘скала’, имеющее прибалтийско-финские истоки, однако сохранившееся лишь в говорах прионежских (северных) вепсов. Оно воплощено в целом ряде топонимов (и в силу этого входит в число типовых топооснов), ареал которых, однако, не выходит опять-таки за пределы северновепского Прионежья. В данном случае топонимный ареал совпадает с апеллятивным, и в основе этого тождества — факт естественно-географического порядка: сама зона распространения скал ограничена территорией распространения северного диалекта (Прионежье).

hab: Habgäfv Оять, Бел (2), Habgäfv или Habuſar Шим, Hablhoumeh Оять (2), Бел, -häm Южн, -mättaz Прион, -nit Оять, Шим, -oja Прион (2), Оять (2), Бел, -saf Прион, Шим, Бел, -selg Прион, Оять (2), К, Бел; Габгамы Прион, Габегы Выт, Габкара Оять, Габнива Паша, Габорга Оять, Габостров Выт, Габручей Прион, Выт, Габсельга ~ Хабсельга Оять, Габсельга Возн, Выт, Паша, Габуй Оять, Габручей Оять, Гапский Мох ~ Хапский Мох Оять, Хабнема Оять; кроме того, серия географических названий, восходящих к habišt и habžom 'осинник': Habišt Южн (2), Nabožom Прион, Nabžom Шим (2), Naršom Прион; Гапшема Прион.

Lep: Lepdäfv, -gäfv, -jäfv Оять (4), -houm Прион, Оять, -kar Оять, -nijt Прион, -nit К, -oja Прион, Оять (2), Южн, -org Прион, Оять, Бел (2), -saf Прион, Lerišt Оять; Лепашка Возн, Лепкара Оять, Лепое Оять (2), Лепой Выт, Лепоя Выт, Леппой Оять, Лепуй Паша, Лепорга Прион, Оять, Выт, Лепожня Оять, Лепручей Прион (2), Оять (2), Лепсарь Паша, Лепшак Прион.

Koiv: Koiv Оять, Koivhoum Прион, -nijt Прион, -selg Оять (2), -so Оять, -süud Оять, Koivhoumeh К, Шим, -nəpa Прион, -oja Оять (2), Шим, -selg Прион, Шим, Koivužoja Оять, Koivišt Оять, Южн, Koizomselg Оять; Койбозеро Выт, Койбушка Выт, Койбыжа Оять, Койжема Прион, Оять, Койбозеро Оять, Койручей Прион, Оять, Койсельга Прион, Оять.

*vehk: Vehkjäfv Оять (3), К, Южн, Vehkäf Шим, ? Vehtingäfv Шим, Vehkem Оять, Vehkloja Прион, Южн, -org Прион, Оять, -so Шим, Южн, Vihkjäfv Оять, ? Vihkangäfv Бел; Вехкое Оять (2), Вехкой Оять, Возн, Вехкозеро Оять (6), Вехкручей Оять, Вехпожня Выт, Вехручей Выт, Вихкручей Оять (см. подробнее на с. 66).

Отмеченные выше представители мира флоры достаточно распространены в Межозерье, однако не только (и не столько) этим обстоятельством определяется их приоритет в вепсской топонимии. Определяющее значение имеют как чисто топонимические закономерности (в зоне таежных лесов каждый участок лиственного леса был той приметной деталью, которая в соответствии с законами топонимической номинации закреплялась в названии), так и внелингвистические особенности. Под последними имеется в виду прежде всего роль в хозяйственной деятельности местного населения. Именно эти участки разрабатывались под сельскохозяйственные угодья — подсечные и покосные. Многие из них и возникли как следствие сельскохозяйственного освоения.

Названные серии топонимов достаточно характерны для выявления закономерностей в сочетаемости атрибутивного элемента с детерминантом. В самом деле, какие факторы оказывают влияние на соединение этих элементов в комбинации? Материал свидетельствует, что это не происходит произвольно, существует четкая зависимость от экстралингвистического мира. В отличие от осины и березы, произрастающих на возвышенных сухих местах (-selg, -mättaz, -saf), на которых разделялись подсечные участки (-houmeh), ольха — растение низинного рельефа (-org), тяготею-

к берегам ручьев (-oja), озерным и речным заливам (-kar). Зона произрастания вахты четко тяготеет к воде (-jäfv, -oja). Эта экстралингвистическая обусловленность проявляется и на материале других топооснов, восходящих к лексике флоры и претендующих на роль типовых. Среди них того 'камыш, тростник', pedai, hong 'сосна', toin 'черемуха', kuž 'ель', представленные в пределах десяти топонимов каждый. Остальные в силу малой продуктивности менее показательны.

3. Самостоятельную группу обязательных топооснов образуют наименования представителей мира фауны. По количеству входящих в нее топонимов (примерно 6% всего вепсского топонимического фонда) она не уступает предыдущей группе. Основу составляют названия лесных животных, рыб и птиц. Список наиболее продуктивных десяти топооснов (в порядке убывания продуктивности) выглядит следующим образом: kondi 'медведь', kufg 'журавль', reboi 'лиса', mägr(+siga) 'барсук', särg 'плотва', ahven 'окунь', *majag 'бобер', samb(a) 'лягушка', tedr 'тетерев', lahn 'лещ'. В отличие от предыдущей группы топооснов, восходящих к миру флоры, в которой ощущается достаточно четкая зависимость от такого экстралингвистического обстоятельства, как хозяйственная деятельность, данная группа не подчиняется этой закономерности. Выявленный ряд топонимов не накладывается на иерархический ряд промысловых животных. К примеру, белка, лось, заяц — основные промысловые животные — вообще не попали в список продуктивных топооснов. Tedr 'тетерев' и mesoi 'глухарь' — главные промысловые птицы — явно уступают по представительству в топонимии журавлю (kufg). Примерно такие же особенности наблюдаются и в финской топонимии (E. Kiviniemi 1990: 137). Видимо, связь с экстралингвистическим миром гораздо сложнее, и картина, предстающая в топонимии, является следствием целого ряда взаимодействующих причин. Одна из них — возможность антропонимного происхождения некоторых основ этой группы. Многие из названий животных выступали в качестве антропооснов, входящих в языческий именослов прибалто-финнов, в том числе и вепсов (см. подробнее в главе «Вепсская ойконимия»), и это обстоятельство должно приниматься в расчет. Оно, однако, не способно прояснить все ситуации. Почему слово kondi, будучи самой популярной топонимной основой этого разряда, чаще всего представлено в гидронимии (названия озер, ручьев, небольших речек) и имеет к тому же нередко определенную географическую привязку — верховье водной системы, примыкающие к водоразделу гидрообъекты? Почему к числу продуктивных топооснов относится samb 'лягушка', присутствие которой вообще достаточно трудно объяснить с прагматических позиций?

Видимо, все эти обстоятельства, трудно объяснимые с позиций отражения реального мира, связаны с мифологическими представлениями, с той ролью, которая принадлежала известным представителям животного мира в картине мира местных жителей.

Сопоставление с аналогичными финскими и эстонскими топонимами выявляет одну особенность вепсского списка продуктивных топооснов, восходящих к миру фауны: почти полное отсутствие в нем основы с семантикой 'волк'. Действительно, основа *händikaz* 'волк' относится к числу раритетных вепсских топооснов. Между тем это нелогично и с позиций отражения реального мира, и с точки зрения мифологических представлений. В финской и эстонской топонимии она входит в число наиболее популярных основ для образования топонимов. В чем же дело? Можно предполагать, что эвфемизм *händikaz* (букв. 'хвостатый') — не единственный существовавший в языке в роли обозначения волка. Не исключено, что в двух топонимах — *Hukgäfv* и *Hukoja* запечатлелось другое обозначающее волка слово — *huk (ср. фин. *hukka*, кар.-лив. *hukku*, кар.-люд. *huk* 'волк'). Возможно, бытовали и еще какие-то не сохранившиеся в языке описательные названия для волка.

Иерархия топооснов, восходящих к названиям домашних животных, следующая (10 первых топооснов): *hebo* 'лошадь', *lehm* 'корова', *lambaz* 'овца', *ogeh* 'мерин', *hārg* 'бык', *sigā* 'свинья', *vaza* 'теленки', *varz* 'жеребенок', *kaži* 'кот', *koig* 'собака'. В этом ряду сложно определяется место топоосновы *kuk(oi)* 'петух'. Количество топонимов с этой основой достаточно велико (оно значительно превышает общее число образований с основой *hebo*), однако есть все основания утверждать, что в данном фонетическом облике произошло наложение двух разных корней: 1) *kuk(oi)* 'петух' (и связанная с ним антропооснова *Kukoi*), 2) ландшафтный термин *kuk — 'холм, горка' (см. подробнее с. 67). Причем среди топонимов, образованных на основе первого корня, есть ряд достоверных антропоименового происхождения, к примеру дер. *Kukoimäitaz* в Шелтозере, название которой связано с неофициальной фамилией жителей *Kukoihiine*; урочище Кукола на Ояти, где словообразовательная модель с -l-овым топоформантом служит указателем антропоименовой основы топонима, и другие. В то же время бесспорные случаи с первоначальной семантикой (т. е. *kukoi* 'петух') практически отсутствуют, и поэтому о представительстве ее можно говорить лишь абстрактно.

При первом приближении возможно усмотреть основу *kukoi* 'петух' в достаточно популярном на территории вепсского Межозерья топониме *Kukoihafj*, букв. 'петушиный гребень' и его вариантах, ср. в южновепсском ареале ур. *Kukihafj* с вариантом *Kukihafjmägi*, в Приоятье гр. *Kukihafj* (Ладва), ур. *Kukoihafj* (Ярославичи), гр. *Kukoihafj* — рус. Кукова Гарь (Чикозеро), в русском Приоятье ур. Кукогорье и ур. Кукарьяги ~ Кукоьяги, в Прионежье *Kukahafd*, на русской Капше Кугарья с русским соответствием Петуний Гребень. В связи с последним примером интересен и топоним Курий Гребень, возвышенность в русских районах бассейна Паши. В действительности же перед нами метафорический топоним, закрепившийся в названиях возвышенностей (холмов, горок), т. е. связь с петухом утрачена еще на этапе образования метафоры. Надо полагать, что

Kukoihafj — это пример типовой модели топонима — *composita*, который не создавался каждый раз заново из двух основ, а существовал как готовая модель имени, неоднократно воспроизводимая в топонимии на территории вепсского Межозерья. Это единица, приближающаяся к ландшафтному термину, типа продуктивных на Севере топонимов (в том числе в Межозерье) Железные Ворота — название узких порожистых мест на реках, или вепс. *Kilmoja*, букв. 'холодный ручей', чрезвычайно распространенного в качестве названий родников на вепсской территории.

Употребление наименований домашних животных в составе топонимов вызвано обычно двумя обстоятельствами: или хозяйственным использованием под места выпаса скота (характерные *Lambazsaf*, *Hebonem*, *Lehmorg*), или какими-то происшествиями с животными (в названиях омутов *Hebomong* и *Hebohoud*, довольно распространенных, отразилась память о гибели здесь лошади). В связи с этим они обычны в микротопонимии.

4. Значительную по числу образованных топонимов (приблизительно 9% от всего числа вепсских топонимов) группу обязательных топооснов образуют определения, характеризующие свойства объектов.⁴ Они фиксируют отличительный дифференцирующий признак, выделяющий данный объект из серии однотипных. Сопоставление может идти по величине (*epo, *suŋ* 'большой', три основы — *tuču*, *rečo*, *reŋ* — со значением 'маленький'), форме (*kaid* 'узкий', *kover* 'кривой, изогнутый', *kehker* 'круглый', *leved* 'широкий', *pitk* 'длинный'), цвету (*must* 'черный', *vouged* 'белый', *gusked* 'красный', *vihand* 'зеленый', *hobed* 'серебряный'), особенностям почвы (*kuiv* 'сухой', *gedu* 'грязный' и т. д.) и другим показателям. При этом в большинстве случаев название подтверждается географической характеристикой, т. е. правилом является отражение объективно существующих характеристик географического объекта. Другое дело, какая именно из присущих каждому из них многочисленных характеристик закрепляется в топониме и чем определяется этот выбор. Важно учесть, что он обусловлен во многом правилами функционирования конкретной топонимной системы. Каждый топоним возникает в ряду других географических имен, организующей основой этого ряда являются противопоставления (Ю. А. Карпенко 1964 : 50). Называя объект, имя индивидуализирует его, дифференцирует от других подобных. В качестве основы номинации избирается признак, отличающий данный объект от подобных. Из двух расположенных рядом вытянутых по форме озер лишь одно получает название *Pitkjäfv* 'длинное озеро', отражая в

⁴ Строго говоря, не все качественные основы могут претендовать на роль обязательных, так как часть из них указывает не на реально существующие отличительные признаки объекта, а на отношение человека, оценку им этих признаков. Имеются в виду топоосновы типа *čota* 'красивый' (*Čomanijt*, *Čotakivi* в Прионежье), *hond* в значении 'плохой', к примеру о ручье, протекающем через труднопроходимый бурелом, или озере в топких болотистых берегах (Гондручей, Гондозеро в Вытегорском районе), *käbed* 'красивый' (*Käbedkoŋb* Южн., *Käbedkalŋ* Прион) и некоторые другие.

своей семантике географическую реалию. В другом же лимнониме в целях дифференциации закрепляется какой-то другой признак (выбор которого, заметим, происходит в рамках имеющихся семантических моделей названия). Данный пример свидетельствует, что дающий название вынужден считаться с топонимной системой территории, особенно с названиями объектов того же рода, и отказываться при названии от имен, которые уже привязаны к близлежащим однородным объектам.

В число качественных входит около 40 вепских топооснов-прилагательных. В соответствии с продуктивностью они выстраиваются в следующий ряд: *suſ* 'большой', *must* 'черный', *pitk* 'длинный', *vouged* 'белый', *reſ* (*riſoi*, *muſu*) 'маленький', *korged* 'высокий', *kover* 'кривой, изогнутый', *kuiv* 'сухой', *süvä* 'глубокий', *raha* 'плохой', — под которым объединяются некоторые характеристики негативного содержания. В основных своих элементах данный ряд аналогичен списку, выявленному на основе анализа финской топонимии Э. Кивиниеми (E. Kiviniemi 1990 : 150), хотя упомянутая в последнем как наиболее продуктивная пара *vanha* 'старый' — *uusi* 'новый' для вепской топонимии нехарактерна. В Палль называет в числе наиболее продуктивных эстонских топооснов прилагательных в Тартумаа *rik* 'длинный' и *suur* 'большой' (V. Pall 1977 : 151). К аналогичному выводу приходит М. Калласмаа на основе анализа южноэстонской топонимии (М. Калласмаа 1981 : 11). Подобное сходство вепского списка со списками родственных топонимических систем убеждает, что мы имеем дело с глубинными топонимными универсалиями.

Ниже приведены топонимные гнезда трех наиболее продуктивных основ прилагательных:

suſ: *Suſ|bong* Оять, Бел, *-dorong* Прион, *-herem* Прион (2), *-houneh* Прион, Оять, *-jogi* К, *-jäfv* Оять (2), К, *-gäfv* Бел, *-kivi* Прион (2), Оять (2), К, Шим (2), К, *-kar* Бел, *-luht* К, *-mägi* Оять (2), Шим, *-neſm* Оять, Шим, *-nit* Оять (3), *-nüt* Оять, К, *Surednitud* Оять, К, *Suſ|oja* Оять, Шим, Южн, *-org* Прион, *-ralo* Южн, *-rihk* Южн, *-röud* Прион, *-riid* К, *-rolanj* Оять, *-gedu* Оять, Шим, *-saf* Оять, К, Бел, *-so* Прион, Оять, Шим, Бел, *-süud* Бел, *-zarolk* Прион (5), Оять (3), К, Южн (2), *-te* Оять и др.

must: *Must|houd* Шим, *-jäfv* Оять, *-daſv* Прион, *-gäfv* Оять, Шим (2), Бел (2), *Mustäfv* Оять (5), К, Шим, *Mustkäf* Шим, *Muskedgäfv* Бел, *Must|jogi* Оять, *-dogi* Прион, *-kara* Оять, К, *-kofb* Оять, *-oja* Прион, Оять (6), Шим (2), Бел (2), К, Южн, *-saf* Оять, *Must|neſm* Оять, Шим, *-vonk* Бел, *Mustadbongad* Прион; *Мустоболото* Оять, *Мустей* К, *Мустое* Оять и др.

pitk: *Pitk|ſur* Прион, *-houm* Прион, *-houneh* Оять, Бел, *-jäfv* Оять (3), Южн, *-gäfv* Бел, *Pitkäf* Оять, Шим (2), *Pitäfv* К, Шим, *Pitk|kangaz* Оять, *-lodo* Шим, *-mägi* Оять, Бел, *-mättaz* Прион, *-niit* Прион, *-nit* Оять, Бел, *-nüt* Оять, К, *-oja* Оять (3), Шим, *-ralo* Южн, *-rēd* Южн, *-saf* Оять, Шим, *-sīd* Южн, *-süud* Оять (2), К, Шим, Бел (2), *-so* Оять, Шим, *-zarolk* Южн: *Питкая* Оять, *Питкозеро* Оять, *Питкуй* Паша.

В вепской атрибутивной топонимии, как в финской и в эстонской, на первом месте по продуктивности стоит топооснова *suſ*. Причина ее популярности кроется в том, что размер — самый наглядный, самый первоочередной дифференцирующий признак. Причем выполнение различительной функции возможно и вне антонимической пары *suſ*—*reſ*, на это указывает количественное преобладание топонимов с атрибутом *suſ* над топонимами, в которых воплотилась основа *reſ*. Обращают на себя внимание еще некоторые закономерности при образовании антонимических пар, которые связаны с особенностями топонимной номинации. В топонимии существует своя система отношений, отличная от апеллятивного уровня. К примеру, антонимом к *kuiv* 'сухой' выступает не *märg* 'мокрый, сырой', а *vezi-* 'водянистый'; *raha* 'плохой', имеющий на апеллятивном уровне антоним *hüvä* 'хороший', в топонимии ведет себя несколько иначе, так что антонимом к нему может выступать или *käbed* (*ĉoma*) 'красивый', или *suſ* 'большой' (в топонимии за основой *raha-* часто закрепляется значение 'маленький'). Антонимом для топоосновы *pitk* 'длинный', по крайней мере в лимнонимах (названия озер), выступает *kehker* 'круглый', в микротопонимии сопоставляются основы *pitk* и *poik* 'поперек, поперечный' (ср. *Pitksüud*—*Poiksüud*, *Pitknit*—*Poiknit*, *Pitksaf*—*Poiksaf*), а противопоставление *pitk*—*lühud* 'короткий', характеризующее апеллятивный уровень, не актуально для топонимии. Еще одно характерное для названий озер противопоставление проходит по линии *süvä* 'глубокий' — *lač* зд. 'мелкий'; *süvä*—*madal* 'мелкий' менее характерно. В этих моделях проявляется то самое специфическое ономастическое, которое улавливается как раз на основе относительно больших массивов материала.

Несколько слов о цветовых обозначениях. Кроме упомянутой пары *must*—*vouged* в небольшом количестве топонимов выступает *rusked* 'красный', остальные цвета практически не представлены. Подобное соотношение характерно и для топонимии других прибалтийско-финских языков — карельской—ливвиковской (Н. Н. Мамонтова 1982 : 51), финской (E. Kiviniemi 1990 : 155). Видимо, перед нами общефинская универсалия, а может быть, и общеономастическая, — такой же набор наиболее продуктивных цветовых топооснов представлен и в славянских, и в тюркских языках. Вообще считается, что словесные обозначения черного, белого и красного цветов в разных языках мира появились прежде других цветовых лексем, так что цветовые топоосновы согласуются, видимо, с этой общеязыковой универсалией.

В топонимической литературе широко обсуждается вопрос о мотивах номинации, скрывающихся в парных определениях черный—белый. Столь бедный набор цветовых определений по сравнению с реальными цветовыми признаками объектов и одновременно большая продуктивность этой пары заставляют думать, что это не случайность. Существуют предположения о том, что в антонимической паре черный—белый отражается древняя система цветового обозначения сторон света, согласно которой у одних народов се-

верные объекты назывались черными, а южные (или западные по другой системе) белыми; у других народов существовала обратная цветовая символика (А. В. Суперанская 1970), т. е. сущность цветовых определений совсем не цветовая. Исследователями славянской ономастики замечено, что цветовая пара черный—белый особенно характерна для гидронимии, прежде всего названий небольших рек, причем черных рек в два с лишним раза больше, чем белых. Улавливается определенная связь выбора цветового определения с направлением течения: черные и белые реки часто имеют ярко выраженное меридианальное или широтное направление (А. В. Суперанская 1985: 54). В целом, однако, признается, что мотивы закрепления пары черный—белый в топонимии могут быть различными и далеко не все они выявлены.

Не вполне ясны они и в приложении к вепсской топонимии. На вепсском материале прослеживается та же закономерность, которая присуща и другим прибалтийско-финским топонимическим системам: пара *must*—*vouged* воплощается преимущественно в гидронимии (озера, ручьи, реки), при этом *must* явно превалирует количественно. Топонимов с основой *must* приблизительно в два раза больше, чем с *vouged*. Надо полагать, что далеко не всегда за цветовыми основами скрывается цветовая характеристика. Более того, возможно, что семантика элементов *must* и *vouged* в топонимии вообще отличается от семантики соответствующих апеллятивов. С достоверностью сейчас можно говорить о том, что цветовые определения *must* и *vouged*, выступая в паре, выполняют роль систематизирующих определений в топонимном ряду, так что по крайней мере для одного из входящих в пару топонимов основанием для номинации не является реальная цветовая характеристика.

Анализ топонимных гнезд, в которых воплощаются атрибуты, выраженные прилагательными, наводит на мысль об определенной закономерности в образовании комбинаций атрибут + детерминант. Определение *kaid* 'узкий', как правило, предполагает детерминант *jäfv* 'озеро', как и *kovet* 'кривой, изогнутый', *süvä* 'глубокий'. Атрибут *kogged* 'высокий' чаще всего привязывается к основному элементу *-mägi* и *-seig*, *mürk* 'крутой' — практически всегда к *-mägi* (тяготение к аллитерации?), *laged* 'открытый, безлесый' — к *-so*. Создаются своего рода типовые комбинации, в которых атрибут предполагает достаточно ограниченный набор детерминантов. Наоборот, если взять за точку отсчета основной элемент, то, очевидно, можно говорить о типовых атрибутивных элементах (типовом наборе определений) применительно к каждому детерминанту.

К описанной группе качественных названий тесно примыкает группа топооснов, формально выраженных существительными, однако несущих качественную функцию. Это топоосновы, характеризующие особенности почвы: *kivi* 'камень', которая в топонимии закрепляется прежде всего в атрибутивной функции (в названиях каменных мест), т. е. в роли *kivine* 'каменный, каменный'; *gedu* 'грязь' — соответственно в функции 'грязный'; *gozme* 'ржавчина' —

в роли *gozmekaz* 'ржавый'.⁵ Продуктивность топооснов этой семантической подгруппы достаточно высока, практически все они входят в число наиболее частотных вепсских топооснов (от 60 до 30 фиксаций в топонимах): *kivi* 'камень', *savi* 'глина', *čuru* (*čurur*) 'дресва, крупный песок', *lete*, *led* 'песок, песчаный', *gedu* 'грязь', *gozme* 'ржавчина' и некоторые другие.

5. Самостоятельную семантическую группу образуют топоосновы, в которых содержится указание на местоположение географического объекта относительно какого-то центра, принимаемого за точку отсчета. Это достаточно компактная группа (около 1.5% вепсских топонимов), в которую входят до полутора десятков топооснов. Из них лишь три: *čoga* ~ *čuga* 'угол', *ala-* 'низ, нижний' и *ülä-* 'верх, верхний' — могут претендовать на роль наиболее продуктивных вепсских топооснов (каждая из них имеет до 30 фиксаций в топонимии по материалам картотеки Института ЯЛИ). Остальные не выходят за пределы десятка и по степени убывания продуктивности выстраиваются в следующий ряд: *pera* 'задний, расположенный сзади', *čur* 'угол, тупик, пространство, не имеющее выхода', *kesk* 'средний', *koht* 'расположенный напротив', *ağj* 'конец', *rohj(eine)* 'север(ный)', *taga* 'задний'. Этот вепсский ряд в основных своих элементах и их последовательности схож с соответствующим рядом, выявляемым на финском топонимическом материале (E. Kiviniemi 1990: 156). Наиболее заметное отличие представлено топоосновой *väli* 'промежуток, промежуточный, средний', третьей по продуктивности в финском ряду и отсутствующей в вепсском. Причина в данном случае заключается в том, что лексема, некогда, видимо, существовавшая в вепсских говорах (ср. оз. *Väljäv* — рус. Вялезеро), была ими утрачена. Ее функции приняла на себя лексема *kesk* 'середина, средний', которая и воплотилась в вепсской топонимии.

Подавляющее большинство топонимов данной семантической группы относится к числу наименований культурных объектов (сельскохозяйственных участков, деревень и хуторов в составе куста поселений и т. д.) — очевидно, в силу того что этот отличительный признак (относительное расположение) удобен и естествен для наименований микрообъектов, тесно примыкающих к поселению, по сути дела входящих в его зону.⁶

⁵ Топонимия отдает предпочтение более коротким формам, к тому же в полном соответствии с прибалтийско-финской (финно-угорской) словообразовательной моделью «существительное, предшествующее в основной форме другому существительному, может выступать в роли прилагательного-определения» (ОФУЯ 1974: 215).

⁶ Населенный пункт может быть ориентиром и для природных объектов, однако в этом случае срабатывает несколько иной принцип названия, чем в наименованиях культурных объектов: указывается не ориентация по отношению к центру, принимаемому за точку отсчета, а непосредственно сам центр (*kodi* 'дом, домашний': *Kodijäv* ~ *Kodafv*, *Kodikail*, *Kodiseig*, *Kodoja*, *Kodikořb* и др. В наименованиях культурных объектов основа *kodi* практически не присутствует. Причина подобного размежевания культурных и природных объектов кроется, видимо, в разном масштабе и типе отношений: природные объекты более удалены от поселения и воспринимаются как нечто внешнее по отношению к нему, в то время как культурные объекты по-своему входят в состав пространства поселения.

Среди наименований природных объектов топоосновы данного круга употребимы в лимнонимах (Alah-, Ülä-, Pef-, Tagičl jäfv, Кескасозеро, Чегозеро и др.), где ориентация присходит чаще всего внутри единой водной системы, обычно по течению реки.

Любопытный материал для выявления специфически ономастического дает сопоставление топооснов данного семантического разряда с апеллятивами, бытующими в языке. Список вепских лексем с семантикой 'угол' включает по крайней мере 6 единиц (СВЯ): čoga (čuga), čurg, kočk, saum(soum), čur, čumb, причем первые четыре имеют значение 'угол дома в избе'. Из всего этого набора лексем топонимия отдает явное предпочтение слову čoga, в меньшей степени čur. Остальные же представлены в топонимии или раритетными единичными образованиями, или не представлены вовсе. В чем причины подобной избирательности топонимии? Здесь мы вступаем в область ономастической типологии, обусловленной и фактами психологического порядка («видение» объекта), и закономерностями топонимики, и закономерностями языка. Механизм номинации далеко не в каждом случае до конца ясен, ибо не просчитаны все составляющие. К примеру, популярность топоосновы čoga может иметь еще саамскую традицию: саамская лексема, послужившая основой для возникновения čoga ~ cūga в вепском и южнокарельских диалектах, достаточно популярна и в современной саамской топонимии. Специфическое ономастическое прослеживается и на примере антонимической пары ala- 'низ, нижний' — ülä- 'верх, верхний', которая далеко не всегда оказывается таковой в топонимии. Основа ülä- явно отдает предпочтение гидронимии (названия рек и озер), в то время как границы употребления ala- размыты (и агронимы, и оронимы, и гидронимы, и другие топонимные классы). Надо полагать, верхнее расположение озера, реки — существенная основа для названия в отличие от нижнего: это указание на пути передвижения, на водоразделы. Эта традиция имеет уже довепские истоки (ср. многочисленные Илексы, Илежмы и проч. на Русском Севере, привязываемые к водоразделам). Топонимическая особенность, таким образом, обусловлена обстоятельствами экстралингвистического порядка.

б. В силу того что человек — субъект владения и использования земли, слова, указывающие на человека, занимают чрезвычайно важное место в топонимии. Ядро этой группы составляют антропонимы — имена, фамилии, прозвища людей. Приблизительно 18% вепских топонимов (т. е. почти пятая часть) имеет отантропонимное происхождение. Это, безусловно, самая значительная группа топооснов.⁷ В общей массе антропонимов преобладают христианские имена, что вытекает из самого материала, основу которого составляет нестабильная во времени микротопонимия. Вследствие

⁷ Типовая топооснова — это прежде всего частотная основа апеллятивного происхождения (Н. В. Подольская 1988). Отступление в данном случае от этой формулировки вызвано исключительно важным значением и активностью антропонимии в образовании вепских топонимов.

этого, а также целого ряда причин социально-экономического порядка следы дохристианского именованослова незначительны. В составе топооснов — христианских имен абсолютное большинство составляют мужские имена. В силу социального статуса женщины женские имена не закреплялись ни в фамилиях, ни в топонимах. В результате женские имена в географических названиях представлены единичными примерами, типа Dafganboŋg (Dafg, рус. Дарья), Okšaŋkaiv (Okša, рус. Ксения), Palagannit (Palag, рус. Пелагея), Uđđankaiv (Uđdoi, рус. Евдокия), Malijnnit (Maloi, Malij, рус. Меланья), Ašeinnit (Aše, рус. Анна).

Несмотря на столь большую долю отантропонимных названий в общей массе вепских топонимов, среди топооснов-антропонимов очень немного тех, которые по числу образовавшихся от них топонимов могут претендовать на роль типовых частотных вепских топооснов. Причина в том, что не отдается осязательного преимущества каким-то определенным календарным именам. Наши подсчеты свидетельствуют, что в вепской топонимии закрепилось около сотни христианских имен и каждое из них достаточно равномерно представлено в топонимах. Может быть, на этом общем фоне несколько выделяются по количеству образованных топонимов вепские соответствия христианских календарных имен Иван, Петр, Яков, Михаил, Алексей, Семен, Антон и некоторые другие. В этом материале чрезвычайно интересна разнообразная палитра некалендарных форм имени, существовавшая в вепских говорах и отразившаяся в топонимии. К примеру, имя Иван представлено в вепских топонимах по крайней мере десятком вариантов (Ivan, Ivšu, Ivač(u), Ivoi, Joušoi, Juša, Jukoi, Vaña, Vaňku).

В финских географических именах удельный вес отантропонимной топонимии почти в два раза меньше, чем в вепской. Она составляет около 10% финских топонимов и формируется в основном за счет ойконимов на -la (Е. Kiviniemi 1990: 143). В вепской же топонимии лишь четвертая часть отантропонимных географических имен падает на наименования поселений, а три четверти — это микротопонимы из разряда наименований различных примыкающих к поселению угодий, прежде всего сельскохозяйственного назначения. В чем причина различий вепской и финской систем наименования, типологически родственных? Надо полагать, она основывается на внелингвистических факторах, а именно на разной системе расселения и землепользования в период формирования основного костяка топонимии. В Финляндии основной единицей поселения и землепользования являлись хутора. А это значит, что в топонимии при назывании происходила дифференциация внутри земель одного владельца и указание на самого владельца не могло нести различительной функции. В вепском Межозерье господствовали деревни, т. е. земля находилась в пользовании у нескольких крестьянских хозяйств. В этих условиях естественным принципом называния становится указание на владельца земельного участка. Там, где вепская топонимия выходила из положения за счет антропонимии, финляндская была вынуждена искать какую-то другую основу диф-

ференциации. Часто таковой для нее становились ландшафтные особенности. Этим, возможно, вызвана тщательно разработанная система ландшафтной лексики в топонимии Финляндии.

По сравнению с отантропонимной топонимией отапельятивные топоосновы, содержащие указание на человека, немногочисленны, как незначительно и количество топонимов, образованных от этих топооснов. В эту группу объединяются термины, характеризующие социальный, производственный, семейный статус человека: ак 1) 'женщина, жена', 2) 'старуха', baboi 'бабушка', bajať 'барин, господин', diak 'дьяк', koka 'тетка', matš 'старуха', poid 'колдун, колдунья', paimen 'пастух', pař 'поп', prihoi 'парень', prikašik 'приказчик', razbainik 'разбойник', sãdat 'солдат', ser 'кузнец', svaťj 'сватья', uk 'старик' и некоторые другие. Однако к ряду относительно популярных в вепсской топонимии можно причислить лишь единицы из них: pař, bajať, uk, ak, diak. Присутствие в этом списке pař, bajať, diak вытекает из отношений собственности на землю. Сложнее с топоосновами ak и uk. Если первая (ak) закрепляется в микротопонимии и можно говорить о выражении ею посессивности, то особенность основы uk — функционирование в гидронимии (Ukojãfv, Ukoja, Ukolso, Укозеро, Укручей и др.), где за ней вряд ли стоят посессивные отношения. Разная сфера функционирования ak и uk свидетельствует о том, что в топонимии это не антонимическая пара, каковой она является на апеллятивном уровне. И если ak закрепляется в топонимии в обычной своей семантике 'женщина, старуха', то для uk не исключена мифологическая семантика, которая присуща прибалтийско-финской лексеме Ukko (А. Turunen 1979).

7. В последнюю группу обязательных топооснов условно могут быть объединены основы топонимов, связанные непосредственно с хозяйственной деятельностью местного населения. Набор их достаточно разнообразен (около 70 топооснов): это лексемы, отражающие виды производственной деятельности (сельское хозяйство, охота, рыбная ловля, смолокурение и т. д.), различные постройки и сооружения хозяйственного назначения (мельницы, риги, амбары, лесные избушки, бани, сараи, заборы, мосты — практически все возможные разновидности строений на местности), пути и средства передвижения (колесные дороги и зимники и соответственно средства передвижения по ним — телеги, сани, волокуши, места развилки и перекрестков на дорогах и проч.), отдельные бытовые предметы (лодка, топор, котел, дубинка, корзина и т. д.). Далеко не всегда ясна конкретная основа номинации, т. е. причины, приведшие к закреплению искомого слова в топониме. Однако в целом, видимо, можно утверждать, что в топонимии находят отражение разные стороны материальной культуры носителей топосистемы. Показательный пример — целый набор топооснов, связанных с обозначением разного рода изгородей и проходов в них, закрепившийся в вепсских топонимах: Aidkivi (aid 'изгородь'), Rindẽidso (rindaid 'осек из сваленных друг на друга деревьев и сучьев'), Libundaид (ср. libuda 'подниматься вверх', т. е. libundaид 'забор, через который

переброшены доски для перехода'), Pũštaidkujo (pũštaid 'косая изгородь'), Osekhãmez (osek 'осек'), Rehtoja (reht 'прясло изгороди или ворота'), Kuugačso (kuugač 'большие ворота на проезжей дороге'), Zavoranpũud (zavor 'ворота'), Verainit (verai зд. 'ворота').

В общей массе вепсских топонимов доля географических названий, несущих этнографическую информацию о материальной культуре населения, составляет около 7%. Список наиболее частотных топооснов, отражающих виды производственной деятельности, выглядит следующим образом (в порядке убывания продуктивности): pust 'пустошь, залежь', põud 'поле', ligo 'место замачивания льна или конопли', hein 'сено', kašk 'подсека', *peřg 'вычищенное под покос или пашню место', nit 'покос'. Все они связаны с земледелием. Прочая деятельность представлена довольно скудным количеством топонимов, типа Notsarik (not 'невод'), Tervhoud, букв. 'смоляная яма', Hilihoud, букв. 'угольная яма', Padoja (pado 'закол для ловли рыбы'), Ridasaf (rida 'ловушка для птиц'). Среди разного рода построек и сооружений наибольшую популярность в топонимии имеют melnic 'мельница', riħ 'рига', peři 'дом, изба', kor 'яма для хранения картошки и репы зимой', časouñ, 'часовня', sild 'мост', rist 'крест' и некоторые другие. Что же касается отдельных бытовых предметов, отразившихся в топонимии, то набор их достаточно широк и разнообразен (veneh 'лодка', šuhlik 'берестяной черпак', kindaz 'рукавица', pada 'горшок, чугун', sabr 'зарод, стог' и др.), однако большинство из них имеет в топонимии ранг раритетов. В целом из довольно значительного числа топооснов, характеризующих хозяйственную деятельность населения, количество имеющих не менее 30 топонимических фиксаций⁸ ограничено шестью-семью основами: melnic, pust, riħ, peři, matk, põud, ligo. Основная сфера употребления топооснов названного разряда — микротопонимия, названия примыкающих к селению угодий.

Если сложить проценты, в которых исчисляется доля каждой из семи перечисленных выше групп типовых топооснов в общем количестве вепсских географических названий, то сумма составит более 50%. Что представляют собой оставшиеся 40 с лишним процентов? Прежде всего это вторичные оттопонимные географические имена, сложившиеся в результате метонимического переноса готовых названий на смежные объекты (порог Sepaňkošk < д. Sep, ур. Gãfvso barbik < бол. Gãfvso, бол. Koiseľgso < ур. Koiseľg). Известно, к примеру, что около трети вепсских гидронимов Приоятья представлено оттопонимными образованиями (И. Муллонен 1988: 112). При этом среди гидронимов вторичных образований в целом меньше, чем в других классах топонимов. Если метонимический перенос гидронима на смежные орографические объекты — это обычное явление, то обратный процесс происходит значительно реже. Следовательно, теоретически доля секундарных географических

⁸ Напомним, 30 топофиксаций — условная цифра, позволяющая причислять топооснову к разряду типовых.

названий в составе вепсской топонимии в целом даже превышает количество таковых в гидронимии и, видимо, приближается к 40%. Кроме того, незначительный процент падает на единичные топоосновы, не входящие в отмеченные семантические группы, а также затемненные с точки зрения этимологии географические названия.

Наибольшей популярностью обладают, как мы выяснили, отантропонимные топоосновы. За ними следует ландшафтная терминология. Это естественно с позиций номинации: характерный географический признак является одновременно и индивидуализирующим. Частотность топооснов, выраженных прилагательными, вызвана тем, что прилагательные называют самый показательный, самый наглядный с точки зрения номинации признак географического объекта (размер, форма и т. д.). Далее по продуктивности следует группа разнородных топооснов, объединяющихся в разряд «хозяйственная деятельность населения». Приблизительно одинаковой частотностью обладают топоосновы, восходящие к миру флоры и фауны, однако если в первых отражается материальный мир, то появление в ряду частотных топооснов наименований представителей животного мира нередко явно отражает мифологические представления.

Определенная закономерность выявляется и в распределении топооснов в зависимости от типа географических объектов. Топоосновы, восходящие к миру флоры и фауны, встречаются преимущественно в названиях природных объектов, т.е. в гидронимии и связанных с ней названиях мысов, заливов, островов, порогов, а также в оронимии. Как природные, так и культурные (агроонимы, ойконимы и проч.) объекты входят в арсенал ландшафтной терминологии, а также топооснов-прилагательных, хотя предпочтение отдается все же природным объектам. Антропоосновы бесспорны в названиях культурных объектов. Последние явно превалируют и в составе топонимов, атрибуты которых указывают на относительное местоположение географического объекта, а также на хозяйственную деятельность местного населения.

Вышеизложенное представляет собой ответ на вопрос, что обычно, что типично для вепсской топонимии на уровне атрибутивных элементов, что есть традиция и какие элементы в нее укладываются. Традиция складывается под влиянием совокупности факторов, среди которых существенная роль принадлежит психологическому фактору. В случае единства культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире, отношение к нему в основных, определяющих чертах едино. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта при его номинации на разных участках территории. Не менее важна и роль модели. Носитель языка вместе с языком овладевает с детства и системой окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью присваивать имена географическим объектам. Влияние модели распространяется на все стороны топонима —

и на структуру, и на семантику, и на выбор лексических элементов для номинации.

Полученные результаты, возможно, не безупречны и не во всех деталях корректны. Однако они могут служить своеобразным фоном для исследования отдельных топонимных массивов, отобранных или по географическому принципу, или в соответствии с разрядной классификацией, на этом фоне проявляются и региональные, и видовые свойства и особенности, выявляются раритетные основы.

Обзор детерминантов вепсских топонимов

Выбор основного элемента топонима, обозначающего вид (род) географического объекта, детерминирован целым набором факторов: ландшафтные особенности края, уровень развития общества и особенности деятельности местного населения, от этого во многом зависит, какой набор объектов попадает в зону человеческого внимания; языковые моменты, в частности диалектные особенности лексики, и т. д.

Статистические подсчеты выявляют более полутора сотен детерминантов в вепсской топонимии.⁹ Это географические термины и близкие к ним по смыслу единицы. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что выделенные детерминанты чрезвычайно неоднородны. Значительная часть — это раритетные образования с ограниченным распространением, некоторые из них характеризуются практически одной единственной фиксацией (-land: поле Tutukland; -glad (< гладь 'гладкое ровное место'): пок. Kušanglad, -joug 'нога': Paroinjoug; -dälg 'след': ур. Ukondälg; -sova 'заколина сена': поле Levoinsova, Ontisova; -rädëg 'ельник': пок. Zaňukanrädëg и др.). Ясно, что не им принадлежит роль меток, характеризующих вепсскую топонимию. Характерный облик ее обусловлен прежде всего теми детерминантами, которые отличаются большим числом комбинаций. Таковых около 70. Частота встречаемости каждого из них колеблется от нескольких десятков до нескольких сотен случаев употребления. Наиболее системны в этом смысле гидронимы с основными элементами -järv 'озеро', с его фонетическими вариантами (в пределах 500 названий), -oja 'ручей' (350 названий), -so 'болото' (ок. 400 топонимов). Что касается топонимов, оформленных детерминантом -jogi 'река', то частотность их на порядок ниже

⁹ Для сравнения: 210 не первых компонентов географических названий насчитывает топонимия Западной Эстонии (М. Калласмаа 1981: 12), около ста пятидесяти детерминантов в ливвиковской топонимии Олонцкого района КАССР (Н. Н. Мамонтова 1982: 171—173). По подсчетам Э. Кивиниemi из двух тысяч финских лексем, служащих для обозначения понятия 'географический объект' (т.е. ландшафтные термины; лексемы, обозначающие географические объекты, возникшие в результате хозяйственной деятельности, и проч.), в качестве детерминантов в финской топонимии выступает не более 200 (Е. Kiviniemi 1990: 54).

(50—60 топонимов): основная масса топонимов характеризуется одночленностью, отсутствием детерминанта, что обусловлено целым рядом причин, главным образом топонимического свойства (см. подробнее И. Муллонен 1988 : 26—28). Системность в гидронимии вызвана несколькими причинами. Прежде всего все перечисленные детерминанты выражены лексемами, имеющими общевепское распространение. Они практически не имеют диалектных эквивалентов, которые могли бы ограничивать их употребление.¹⁰ Далее, существенным фактором является обилие самих водных объектов в вепском ареале, основная часть которого входит в так называемый озерный пояс Северо-Восточной Европы (А. Колмогоров 1907 : 2). Наконец, водные объекты, благодаря их первостепенному значению для жизни человека, были не только названы человеком прежде прочих объектов окружающего мира, но и названы преимущественно все. В зоне распространения жизнедеятельности вепсов немного безымянных гидрообъектов.

Для наглядности и конкретизации изложенных выше положений о специфике собственных имен в лексической системе языка, об особенностях и закономерностях номинации, проявляющихся на уровне детерминантов, остановимся подробнее на двух группах основных элементов (детерминантов). Первая характеризует названия сельскохозяйственных угодий (культурные объекты), вторая связана с оронимами, т. е. собственными именами элементов рельефа земной поверхности (природные объекты).

Земледелие являлось главным занятием и основой экономики вепского населения, поэтому наименования сельхозугодий — массовый и богатый материал для анализа. Нас будет интересовать характерный для данного разряда топонимов набор детерминантов, их ареал, свойственная для каждого из них и для класса в целом семантическая сочетаемость с атрибутом и в конечном итоге тот набор лингвистических и внеязыковых факторов, которыми обусловлены выявленные модели наименований.

Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует, что названия пашенных и сенокосных участков чрезвычайно разнообразны и по структуре, и по семантике атрибутов, и по набору детерминантов. Ниже несколько примеров, подтверждающих разнообразие лексем, выступающих в качестве основных элементов в названиях сельскохозяйственных участков:¹¹ пок. Vaškančičša : čičša < рус. диал. чища 'участок, очищенный от леса под луг или

¹⁰ Чтобы быть более корректным, надо упомянуть о представленном в пяти южновепских гелонимах географическом термине -balat < рус. болото, а также о нескольких названиях ручьев с основным элементом -gъva 'канавы' в Прионежье и -log(a) 'ложбина' в средне- и южновепском ареале, которые, естественно, не меняют общую картину.

¹¹ Здесь не принимаются во внимание названия, вторичные в качестве наименований сельхозугодий, а также те, детерминанты которых не являются маркирующими для искомого класса географических имен (например, многочисленные названия полей с детерминантами -mägi, -mättaz 'холм, горка', покосов с детерминантами -org 'низина', -selg 'гора' и др., а также топонимы с основным элементом -agj, -čuga 'конец, край', -rega 'задний' и др.).

пашню' (Даль); пок. Hebokond: *kond 'земельный участок'; пок. Suřluht: luht 'заливной луг'; поле Matfeinadel: nadel < рус. надел 'участок земли, находившийся в частном владении (иногда, наоборот, в общем пользовании деревни)'; пок. Tougoһnoһm: poһm 'целина, лужайка'; Kalinanobod: obod < рус. обод 'несколько пожен и полей, огороженных одной оградой'; пок. Zaharovjideomalaine, Peņumalāne: omalaine (umalāne) 'пастбище', пок. Košampalatež: palatež: 'пожор в лесу', ур. Noidampalo: palo 'огнище, сожженная подсека', поле Timoipašn: pašn < рус. пашня; пок. Vaňukanselgitež: selgitež 'чища, чищик' (от глагола selgita 'чистить, расчищать'); поле Piikadpalad: pala 'земельный надел в поле'; поле Marjanzagard: zagard 'огород', ур. Markinanupotež: upotež здесь 'заливной луг' и др. Среди наиболее характерных детерминантов, представленных целой серией топонимов каждый, сельскохозяйственные термины houmeһ, herema, ma, nit, poud, rust, poľank, zapoľk.

-poud 'поле'. Эта общевепская лексема представлена в качестве детерминанта в более чем 250 топонимах вепской территории. На фоне других топонимов, оформленных детерминантом — сельскохозяйственным термином, обращает на себя внимание незначительное количество отантропонимных названий. Цифры говорят сами за себя: в Прионежье соотношение отантропонимных и всех прочих топонимов с детерминантом -poud выражается как 14 : 78, в Белозерье соответственно 7 : 31, в южновепском ареале 5 : 29. Причину, совершенно очевидно, следует искать в фактах внелингвистических, а именно в той системе землепользования, которая установилась в северной деревне в пореформенный период (конец XIX—начало XX в.). Основу крестьянского хозяйства составляло надельное землевладение, которое почти полностью было сосредоточено в руках общины. Общине принадлежала прежде всего пашня, которая периодически подвергалась переделам между членами общины (История северного крестьянства 1985 : 55—67). В таких условиях общинного землевладения антропонимия, отражающая частное владение землей, естественно, не могла получить широкого распространения в наименованиях пахотных угодий. В полном соответствии с общинной системой землевладения последние отражают посессию другого рода — принадлежность пахоты определенной деревне (т. е. определенной общине): ср. в Прионежье поля Karampoud < дер. Kar(a), Kukoimpoud < дер. Kukoi, Luckampoud < дер. Luck, Magipoud < дер. Mägi, Posadpoud < дер. Posad и др. Впрочем, как свидетельствует материал, наиболее популярны локативные названия, указывающие на местоположение поля в окрестностях деревни: Časovnappoud у часовни, Daľpoud (в ур. Daľ), Därvempoud на берегу озера (därv 'озеро'), Dogipoud у реки (dogi 'река'), Kirikonpoud у церкви (kivik 'церковь'), Kohtpoud против деревни (koht 'расположенный напротив'), Melnicpoud у мельницы, Ojarpoud по ручью (oja 'ручей'), Paјarpoud в районе кузницы (paјa 'кузница'), Pegaрpoud за деревней (rega 'расположенный сзади'), Pohdeinerpoud (pohdeine 'северный'), Riһpoud у риги (riһ 'рига'), Sopuud на краю болота (so 'болото'),

Veneipõud (< руч. Venei) в Прионежье. Такой способ номинации выглядит уместным и естественным в контексте той системы землевладения и землепользования, которая сложилась в пореформенный период.

-nit 'пожня, покос' — еще один сельскохозяйственный термин, имеющий общевепское распространение. Более 300 топонимов с детерминантом -nit включает наша картотека вепских топонимов. При сравнении с предыдущей группой названий (на -põud) налицо смещение акцентов в сторону увеличения числа названий с антропонимной семантикой. Они составляют приблизительно 50% от общего числа названий на -nit в Прионежье, южновепском ареале, на Капше, несколько меньше в Белозерье и на Ояти. Данный факт увязывается вновь с реалиями пореформенной системы землепользования в северной деревне. Она характеризовалась довольно значительной пестротой общинных порядков. В то время как пашня полностью концентрировалась на надельных землях, сенокосы (а также лес и выгоны) могли быть куплены крестьянами у казны или общины в частное владение или арендованы (История северного крестьянства 1985: 59—60). Это обстоятельство влекло за собой закрепление в названии покоса такого дифференцирующего признака, как указание на его владельца: Grišannüüt, Härgannit (< нехристианский антропоним *Härg), Ivšunüüt, Kikunit, Ortānit, Pоровannit, Simaknit (Оять), Fešoinnit, Johorovannit, Lourušinnit, Petranit, Savoinüt (Капша), Fařannit, Kokanit, Svincovannit (Белозерье), Martinit, Oikunit, Osipahnenit, Petrušinnit (южные вепсы), Ašeinniiĵ (Ašeĭ < рус. Анна), Vušakohneniiĵ, Namaniĵ (Нама < рус. Фома), Iřłaniĵ, Hörčinniiĵ (Hörč — прозвище, ср. фамилия Hörčhiĵne, рус. Герчин), Sobakinanniĵ, Umšakonniĵ (Прионежье).

Распределение между локативным и квалитативным типами явно складывается в пользу локативного, причем значительный процент составляют вторичные топонимы, восходящие к наименованиям тех урочищ, в которых покосы размещались. Несколько примеров: Jougoikošk | nit, Mudakorb | nit, Šloksüüd | nit (Капша), Čarselĵ | nitud, Čoborg | nitud, Harāčojan | nit, Ignuselĵ | nit, Kačnütud (по реке Kač), Kurnnüt (< ур. Kurn), Lehmhoum | nitud, Ojařv | nit (Приоятье), Bonganišk | nit, Luuřulup | nit (Белозерье), Gramotkorb | nit, Kondnit (дер. Kond), Pađečunit (< оз. Pađeč), Rihmägi | nit (южные вепсы), Härmaselĵ | niĵ, Kodiselĵ | niĵ, Lepojan | niĵ, Patreĩnčur | niĵ, Sarbahtniĵtud (< р. Sarbaht), Sougiverēi | niĵ (Прионежье).

Такая семантическая приуроченность позволяет извлечь определенную информацию о местонахождении сенокосных угодий на прежних подсеках, лесных расчистках, в болотистых местах и речных поймах. Отметим, что эти сведения о размещении сенокосов согласуются с данными историко-краеведческой литературы (напр., Я. А. Балагуров 1962: 150). В свою очередь, квалитативные топонимы дают представление о качестве пожен: Redunit (redu 'грязный'), Rozmenit (rozme 'ржавчина (на воде)'), Sonit (so 'болотный'),

Kivinit (kivi- 'каменистый'), Novan=ut (nova 'трясина, топь'), Poudēnüt (poude 'склон, косогор'), Vezinüt (vezi 'водянистый'), Čomaniiĵine (čoma 'хороший'), Tazodniĵtud (tazo 'ровный, гладкий'), Osokniĵ (osok 'осока') и др.

-houmeh 'подсечное поле'. Хотя трехполье являлось в пореформенный период преобладающей системой земледелия, подсечная практика не потеряла еще своего значения.¹² В условиях лесного Севера она являлась существенным средством расширения пашни. Картотека вепской топонимии насчитывает около 150 топонимов с основным элементом (детерминантом) -houmeh и его фонетическими вариантами, равномерно распределенных по всей вепской территории.¹³ Данный факт находится в соответствии с общевепским распространением апеллятива houmeh — иными словами, топонимный ареал в данном случае согласуется с лексическим. Примерно половина топонимов интересующего нас типа имеет в атрибуте антропонимы (набор которых довольно разнообразен — от прозвищ до официальных фамилий) или заменяющие их слова с посессивной семантикой: Koigānhoumeh (видимо, в атрибуте антропоним прозвищного характера Koig, ср. koig 'собака') в Корбиничах на Капше; Bajarihoumeh (bajař 'барин, господин'), Maloinhoumeh, Kanzahoumeh (kanz 'семья'), Koponovoidehoumeh Miřkahoumeh, Pouřuhoumeh в Приоятье; Ondreinhoumez в Шимозере, Arřanhoumeh (личное имя Arřa < Арсений), Gūmalanhoumeh (от прозвища Gūmal, ср. gūmal 'бог'), Ondruřkanhoumeh, Semukhoumeh в Белозерье, Bārihāmez (принадлежала семье Барчаковых), Gavroinhāmez, Namahāmhed (личное имя Нама < Фома), Kažihāmhed (от прозвища Kaži, ср. kaži 'кот'), Ořšinahnehāmez, Oñčanhōm, Petranhāmez в ареале расселения южных вепсов, Iřłahoumeh, Jecahoum, Lukahoumeh, Simahoum, Terahoumeh, Timukhoumeh — в вепском Прионежье. Вторая половина топонимов на -houmeh распределяется между квалитативными (фиксирующими характерные особенности местности) и локативными (определяющими местоположение называемого географического объекта) названиями с преобладанием первых: Lephoum (lep 'ольха'), Piťkhōm (piťk 'длинный'), Tuhkhōm (tuhk 'зола, пепел') на Ояти; Gäřgmāinehoumeh (gäřgmāine 'последний, крайний'), Piťkhamēh, Surhāumeh (sur 'большой') в Белозерье; Habhām (hab 'осина'), Lūžikhāmez (lūžik 'костяника'), Māžikhāmez (māžik 'земляника'), Pāthāmez (pāth 'склон, косогор') у южных вепсов; Čuřrhōm (čuřr 'крупный песок, гравий'), Houdham (houd 'яма'), Kanabrūmeh < *Kanabrhoumeh (kanabr 'вепск'), Ledahoumeh (led 'песчаный'), Paltēhoumeh

¹² Еще в 30-х гг. нашего столетия подсечная система во всей полноте существовала в вепских селах Приоятья (З. П. Малиновская 1930: 191).

¹³ Естественно, что в современных топонимах элемент -houmeh — это память о подсечном земледелии, в настоящее время эта группа географических названий функционирует в качестве наименований пашенных и сенокосных угодий, а также как названия лесных урочищ.

(halte 'склон, косогор'), Savihoumeh (savi 'глина'), Piikahoum, Suurehoum, Tazohoumeh (tazo 'ровный, гладкий') в Прионежье.

Семантический облик топонимов и в данном случае есть во многом отражение объективного внелингвистического мира. Подсечные участки, не входившие в общественную собственность, разрабатывались и принадлежали отдельным хозяевам. С этим связано обилие отантропонимных наименований. Совместное владение подсечным урочищем — большая редкость, исключение из общего правила. Этот отличительный признак сразу подмечался топономией, ориентирующейся в семантике на общеономастическую тенденцию к обособлению: ср. Ithihnehoumeh (ihthijne 'общий, совместный') в Приолятье, Sebrahoumeh (sebr 'сообщество, артель') в Приолятье. Не исключено, что эти топономические факты отражают существовавший на Севере институт земледельческих товариществ (себры). В них объединялись крестьяне, стремившиеся к расширению земельных владений, однако не обладавшие для этого необходимым личным капиталом (С. А. Приклонский 1884 : 121). Заметное число качественных названий вызвано, по всей видимости, тем обстоятельством, что при выборе места подсечного участка важную роль играли тип почвы, виды произрастающей растительности, особенности ландшафта. Именно эти признаки и зафиксированы прежде всего в качественной топонимии на -houmeh.

-herem(a) 'пар в севообороте'. Сложный по составу (here 'навоз' + ma 'поле') апеллятив распространен в говорах, расположенных на восточной периферии вепсского ареала: Прионежье, Шимозеро, Белозерье. Однако лишь в Прионежье он проник в топонимию. На этой территории он отмечен как в самостоятельном топономическом употреблении (ср. поля под названием Herem, Herema в Каскесручье, Рыбреке, Другой Реке, Залесье), так и в качестве основного элемента в сложных топонимах. При этом моделью являются отантропонимные атрибуты: Dakovahneherem, Falaherem, Feškaherem, Härghanherem (ср. уличная фамилия Härghijne), Kalinanherem, Klimšhijneheremaine, Oudehijneherem, Peškaherem, Uđeherem и т.д. Несколькими единичными примерами представлен качественный тип: Kivihherem, Savihherem, Sureherem. Такая раскладка, кажется, свидетельствует в пользу частного владения земельными участками, классифицируемыми как -herema.

Каковы причины, обусловившие популярность апеллятива herema в топонимии Прионежья, в то время как на других территориях бытования лексемы топонимная модель на -herema не получила распространения? Видимо, вопрос должен решаться в общем контексте топономической номинации. Определенную роль могла сыграть и аналогия с моделью на -ma, известной в Прионежье (см. ниже).

-ma. Одно из значений полисемантической лексемы ma 'поле, участок земли под какой-либо культурой'. Оно и является основным для образования топонимов — наименований земельных участков с детерминантом -ma. Об этом недвусмысленно свидетельствует группа названий, в которых определяющий элемент указывает

на произрастающую культуру: поле Kartohkma в Приолятье, поле Nižuma (nižu 'пшеница') в Приолятье и в Прионежье, поле Nagrižma (nagriž 'репа') у южных вепсов — т. е. значение основного элемента детерминирует семантику атрибута.

Группа топонимов на -ma в целом незначительна, количество названий колеблется в пределах десятка на Ояти и в Прионежье, на остальных вепсских территориях известны лишь единичные случаи: поле Loukomad в Белозерье, ур. Rādma ~ Raidma в южновепском ареале. Маркирующий для наименований сельскохозяйственных угодий признак — продуктивность отантропонимного типа — характеризует и топонимию на -ma, причем наиболее убедительно он представлен в Прионежье:

Ikkuma ~ Ivkuma < л. и. Ivku, Ivkoi, рус. Иван; Karpjima < л. и. Karpji, рус. Карп; Levoima л. и. Levoi, рус. Леонтий; Olkoma < л. и. Olku, Olkoi, рус. Алексей; Patejima < л. и. Patji, рус. Потап; известно, что земельным участком владела семья Потаповых; Uđoma < л. и. Uđoi, рус. Евдокия.

Еще одна семантическая модель топонимов на -ma — это качественные названия, характеризующие особенность грунта: в Приолятье ур. Kovama (kova 'твердый'), Roudma, Roudmad (roud 'железо'), в Прионежье поля Raudma, Žijkejima (žijkei 'жидкий'). Данная модель, видимо, детерминирована семантикой 'почва, грунт', которая свойственна лексеме -ma наряду с указанным выше значением.

-pu(ц)st 'пустошь, залежь'. Около полусотни названий земельных участков с данным детерминантом равномерно распределены по вепсской территории. С чем связано присутствие лексемы в наименованиях сельхозугодий? На Севере значительное количество пашни находилось в запущенном состоянии. Земли запускались «по бедности», «по невозможности обрабатывать» и т. д. (Я. А. Балагуров 1962 : 140). Естественно, что эти запущенные земли было легче и выгоднее возродить, вновь вернуть в оборот. Так среди наименований сельхозугодий появлялись географические имена с детерминантом -rust, определением к которому в абсолютном большинстве случаев служит антропоним: Demoimpust, Gourampust, Gordampust, Ihoipust (< дохристианский антропоним *Ihoi), Ilampust, Kažimpust, Klimampust, Küršimpust (< антропоним Kürš), Lāripust, Makōpust, Mišimpust, Nemcampust (? < прозвище), Oreškampust, Reboipust (< антропоним *Reboi, ср. reboi 'лиса'), Tegumpust и др. Пустоши появлялись чаще всего на бывших подсеках, обработанных под пашню и находившихся в частном владении. С этим обстоятельством связано такое бесспорное преобладание посессивных топонимов.

-zapoik 'заполье (отдаленное поле или пожня)'. Как и предыдущий, этот сельскохозяйственный термин заимствован из русского языка, в процессе распространения трехполья. Запольки — превращенные в постоянную пашню или луг бывшие подсеки, и в силу этого они расположены в некотором отдалении от поселения, часто в лесном наделе.

Топонимы с интересующим нас основным элементом (около 100 названий) известны практически по всему вепсскому ареалу, однако более половины их общего числа зафиксировано в Прионежье, где, очевидно, модель получила наибольшее распространение. В полном согласии с сельскохозяйственным бытом в наименованиях запольных участков преобладают посессивные. Здесь сказалось и то, что подсеки, на месте которых возникали запольки, не были в общинной собственности, и то, что сами запольки, свободные от подати, оставались в личном владении (С. А. Приклонский 1884: 171). Связь с наименованиями подсек прослеживается и в том, что для обеих групп топонимов на -*hoimeh* и на -*zarõk* характерен качественный тип номинации, ср. *Kivizarõk* (*kivi* 'каменистый'), *Lagedzarõk* (*laged* 'безлесый и ровный'), *Peñzarõk* (*peñ* 'маленький'), *Piikzarõk* (*piik* 'длинный'), *Suřzarõk* (*suř* 'большой'), *Uzzarõk* (*uz* 'новый') и др. В основе этого лингвистического факта, видимо, внелингвистическая реалья: отражение своеобразного генетического родства подсек и запольков.

-*rolaņk* 'поляна (пахотная, реже сенокосная)'. Топонимы с этим детерминантом (около 30 названий) фиксируются в селах, смежных с русским ареалом, а именно в районе с. Корбиничи на Капше и в среднем течении Ояти (с. Надпорожье, Ярославичи, Норгино), т. е. на западной периферии вепсского ареала, в зоне контакта с русским населением. На остальной вепсской территории топонимы с основным элементом -*rolaņk* спонтанны, т. е. данный топонимный тип не стал здесь популярной моделью. Что касается семантического облика, то на Капше наблюдается последовательно выраженная посессивность: *Johoran-*, *Joušan-*, *Kužan-*, *Kužman-*, *Matfejan-*, *Meidan-* ('наш'), *Miškan* | *rolaņk*. В Приюстье наряду с посессивными топонимами представлены и качественные (*Mirkrolaņk*: *mirk* 'крутой', *Sufrolaņk*), и локативные (*Lähembainepolaņk*, *Tagembainepolaņk*: *lähembaine* 'ближайший, ближний', *tagembaine* 'дальний, задний', *Mustj-äřvrolaņk* в ур. *Mustjäřv*), т. е. в смысле семантической сочетаемости с атрибутом топонимы на -*rolaņk* входят в общую систему названий сельхозугодий.

В целом набор детерминантов интересующего нас разряда топонимов (названия сельхозугодий) достаточно один и целен для всего вепсского ареала, как и характер семантики атрибутов. За исключением термина *hegem*, привязанного исключительно к Прионежью, остальные не ограничены территориально.¹⁴ Другое дело, что популярность, активность некоторых из них проявляется неравномерно в вепсском ареале: детерминанту -*ša* отдается предпочтение в Прионежье и Приюстье, -*rolaņk* получил распространение на западной границе вепсского ареала, -*zarõk* — у северных вепсов.

Прежде чем перейти к выводам, осветим кратко специфику выбора детерминанта для названий природных объектов, на роль которых выбраны оронимы, т. е. названия элементов рельефа земной поверхности.

¹⁴ В данном случае не имеются в виду раритеты.

В качестве детерминантов в обозначениях возвышенных участков местности в вепсской топонимии представлен десяток орографических терминов с разной частотностью: *mägi* 'горка, холм', *selg 'поросшая лесом гора, сельга', *mättaz* 'горка, холм', *kaļi* 'скала', *kreža* 'горка', восходящее к рус. диал. *кряж* 'крутой склон горы или скалы' (СРНГ), *sürj 'горка, возвышенность', *roude* 'склон горы', *harj* здесь 'вершина, макушка горки, холма', *goga* из рус. гора, *šuhu здесь 'возвышенность'. Три последних в списке термина — раритеты, в нашей картотеке зафиксированы лишь единичные случаи употребления их в качестве основного элемента топонима. Есть определенные особенности в географическом распределении названных детерминантов: -*kaļi* и -*kreža* типичны для вепсского Прионежья, преимущественно к прионежским относится и -*mättaz*; ареал бытования -*sürj* расположен в Приюстье, к берегам Ояти тяготеет и топонимная модель с детерминантом -*roude*. Такое географическое распространение основывается, с одной стороны, на диалектных изоглоссах названных орографических терминов, с другой — диктуется и модой на определенную модель.

Бесспорное лидерство в ряду детерминантов, призванных обозначать возвышенный рельеф, принадлежит детерминанту -*mägi*. Это естественно для родового термина. В предыдущем разделе уже отмечалось, что в топонимии, рождающейся в относительно небольшом коллективе носителей топонимии и для нужд ограниченной территории, родовые термины вполне способны выполнять роль индивидуализации. Кроме того, они одновременно и систематизируют, вводят в ряд однотипных, что сложнее для неродовых терминов, отягощенных дополнительными оттенками семантики.

Около 40% атрибутивных элементов, выступающих в сочетании с детерминантом -*mägi*, выражены антропонимами. Это большой процент, более чем вдвое превышающий установленную в предыдущем разделе долю отантропонимной вепсской топонимии. Столь значительное число антропонимов в данном случае обусловлено тем, что многочисленные топонимы на -*mägi* являются наименованиями сельскохозяйственных угодий, для которых, как мы уже выяснили, чрезвычайно характерно выражение посессивности. Кроме того, такой большой процент отантропонимных имен на -*mägi* набирается в определенной степени за счет названий поселений (прежде всего территории Приюстья), для которых ойконимная модель «антропоним + *mägi*» является типовой. Достаточно упомянуть, что по результатам наших подсчетов около половины названий приюстьских поселений образовано по данной модели.¹⁵

Достаточной популярностью обладают и атрибуты с качественной семантикой, причем наиболее частотные модели здесь *Korgedmägi*

¹⁵ Она (т. е. модель) становится особенно заметной на фоне ойконимии смежных вепсских территорий, где названия поселений с детерминантом -*mägi* значительно менее системны, особенно по мере продвижения на восток — в Шимозерье и Белозерье. Видимо, применительно к Ояти следует говорить о типовой модели, влиявшей на формирование новых ойконимов.

(korged 'высокий'), Mürkmägi (mürk 'крутой'), а также характеризующие особенности почвы Savi-, Сидг-, Kivi-, Pesk-, Letę | mägi. Любопытно, что для детерминанта -selg, следующего в рассматриваемом списке детерминантов за -mägi, важной оказывается другая характеристика — флора местности, ср. многочисленные Nab-, Koiv-, Nin-, Vahtar-, Raju | selg. В основе этого различия — разный исходный момент, точка отсчета номинации. Она продиктована прежде всего внелингвистическими факторами — взгляд человека на них с точки зрения хозяйственного назначения и использования. В отличие от горок (mägi), прилегающих к поселению и используемых под пашню (в связи с этим существен характер почвы), сельги обычно располагаются в лесах, на определенном отдалении от поселения, и обычно отличаются от окружающих лесных хвойных массивов лиственным лесом, появившимся в результате использования сельги под подсеку.

Продуктивность посессивного типа атрибутов, выступающих при основном элементе -selg, также восходит к хозяйственному использованию лесных сельг под подсечные участки. Доля локативных топонимов среди названий на -mägi и -selg менее значительна, очевидно, в силу того что эти природные объекты играли существенную роль для ориентации на местности и в связи с этим, скорее, сами служили ориентирами, чем привязывались к другим объектам.

Еще одно замечание о географической привязке топонимов с отмеченными основными элементами selg и mägi. Что касается топонимов на -selg, то количество их заметно убывает по мере продвижения из Прионежья на юг и одновременно прибывает доля топонимов, где selg функционирует самостоятельно (Selg). Оба этих факта увязываются с исчезновением лексемы selg из соответствующих говоров и отмечают направление, в котором происходил этот процесс: с юга на север. Последнее обстоятельство предопределялось во многом самой географической характеристикой: сельги как таковые более распространены в северной части вепсской территории.

Детерминант -mägi представлен по всему вепсскому Межозерью, однако плотность его далеко не одинакова. Он наиболее частотен в Приоетье, по мере продвижения на юг и особенно на восток продуктивность его ослабевает, а в Прионежье он представлен лишь несколькими единичными примерами (Aka-, Hebo-, Hurdan-, Mörk-, Rugiž-, Veza-, Voi | mägi). Немногочисленность топонимов на -mägi в Прионежье вызвана тем обстоятельством, что лексема mägi практически полностью вытеснена из Прионежья словом mättaz 'холм, горка', которое взяло на себя и топонимические функции.¹⁶ Заметим, что основная семантика mättaz в

¹⁶ Любопытно было бы найти ответ на вопрос, чем вызвана в Прионежье подобная замена одной лексемы другой. Не исключено, что сказалась смена ландшафта. Для населения, продвинувшегося в Прионежье из Присвирья, mägi ассоциировалось

вепсских говорах 'кочка', а значение 'холм, горка' представлено в Прионежье и некоторых приоятских говорах. Топонимическую активность mättaz имеет прежде всего в Прионежье, где оно закрепляется не только в названиях возвышенных участков, но и достаточно широко бытует в ойконимах (подобно -mägi в Приоетье). В незначительном количестве mättaz представлен в Приоетье, единичные фиксации известны на южновепсской территории. Семантика сочетающихся с ним атрибутов идентична семантической характеристике детерминанта -mägi (что еще раз подтверждает восприятие функций последнего), т. е. преобладают отантропонимные атрибуты, а число качественных и локативных приблизительно одинаково.

Из всего множества орографических терминов, указывающих на отрицательный рельеф местности (т. е. низины), в качестве детерминантов в вепсской топонимии выступают лишь единицы: org 'овраг, низина' (средневепсский диалект), log(a) 'ложбина, овраг, низина', kaг 'яма, углубление'. При этом каждый из них вряд ли может претендовать на роль типового, ибо воплотился в незначительном числе топонимов. Такое ограниченное распространение особенно заметно на фоне больших и разнообразных серий географических названий, привязанных к положительному рельефу местности. В этом факте совершенно отчетливо проявляется особенность географического названия назначением, функцией объекта называния: в условиях Межозерья низинный рельеф играл значительно менее существенную роль в практической деятельности, да и в ориентации на местности, чем возвышенности, к которым привязывались и поселения, и сельскохозяйственные урочища и проч. и которые к тому же были заметными ориентирами. В силу немногочисленности топонимов данного разряда сложно обрисовать и сочетаемость с атрибутами.

Какие же закономерности и особенности топонимической номинации на уровне детерминантов выявляются из описанного материала? Это прежде всего влияние внелингвистического мира на процесс называния. Им определяется во многом и выбор детерминантов, и набор сочетающихся с ним атрибутов. Вместе с тем явно существуют и лингвистические предпосылки. Выбор детерминанта, в частности, связан с лексической системой говора или диалекта, т. е. выбор происходит из той приуроченной к сельскому хозяйству или ландшафту географической лексики, которая функционирует в данном говоре или диалекте. Детерминант -hegeta закрепился в топонимии Прионежья, где лексема функционирует и на апел-

прежде всего с возвышенными берегами рек Присвирья, к которым оно было привязано. Прионежье же с его небольшими лесными реками и соответственно невысокими холмами по их берегам — это другой ландшафт, требовавший и других словесных обозначений. Возможно, в этом кроются корни постепенного забвения mägi и передачи его функций слову mättaz.

лятивном уровне, однако не известен, к примеру, в южновепской топонимии, не будучи соответственно известен здесь и в апеллятивном употреблении. Исчезновение по тем или иным причинам лексемы из говора или диалекта приводит и к утрате ее топонимической популярности в ареале диалекта или говора. Наглядным подтверждением служат, к примеру, топонимы на *-kond*, *-sũrj* в Прио-отье, на *-mägi* в Прионежье. Не следует, однако, ставить топонимию в полную зависимость от процессов, происходящих на апеллятивном уровне. Немаловажную роль играет функционирование самой топонимной системы. Наиболее наглядно это проявляется в том, что выбор дифференцирующего определения происходит в рамках существующих моделей названия. Практически весь материал укладывается в три наиболее распространенных и у других народов типа номинации (посессивный, качествен-ный и лока-тивный), и всякое новое название ориентируется на эту сложившуюся систему. Об этом же свидетельствуют многочисленные пары и группы названий, образующихся по законам топонимного ряда с системными антонимическими определениями (ср. *Alahanzapolk—Ülähanzapolk*: *alah* 'низ', *üläh* 'верх'; *Penedzapolkad—Suredzapolkad*: *rep* 'маленький', *sur* 'большой'; *Lüzikhāmez—Māzikhāmez—Mustikhāmez*: *lüzik* 'костяника', *māzik* 'земляника', *mustik* 'черника'). Роль модели сказывается и на выборе детерминанта: популярный на искомой территории определяемый (главный) элемент названия оказывается, как говорится, под рукой, когда возникает необходимость в номинации очередной географической реалии (*-ma* на Ояти, *-hegeta* в Прионежье, *-mägi* в прио-отской ойконимии).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕПСКОЙ ЛЕКСИКИ ПО ТОПОНИМИЧЕСКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ

Ономастика изначально служила источником изучения этнолингвистических отношений древности. Реальная основа для этого — особенности ономастического материала, обусловленные вторичностью ономастической номинации, тесной связью имени с именуемым объектом, отсутствием непосредственной связи с понятием и другими свойствами собственного имени. Топонимы, мотивированные в момент происхождения (т. е. отражающие определенное свойство географического объекта), в процессе функционирования в системе географических имен утрачивают дотопонимическое значение, поскольку на первый план выступает адресно-указательная функция имени. Явление онимизации, т. е. переход апеллятива в топоним,

сопровождающееся обособлением от породившего его апеллятива, приводит к важным последствиям в области исторической лексикологии: лексемы, утраченные по тем или иным причинам в процессе развития языка, продолжают жить — в качестве звукового комплекса, не отягощенного смысловым содержанием (семантической наполненностью), — в онимах. Вследствие этого топонимия обладает большой информативностью для реконструкции определенных групп лексики прошлых эпох. Естественно, что способность к онимизации свойственна далеко не всем группам лексики. Лексико-семантические изыскания в области топонимии позволяют выделить основные разряды топонимной лексики. Это ландшафтная терминология, лексика флоры и фауны, лексемы, отражающие некоторые особенности материальной и духовной культуры, и т. д.

Значение топонимии для вепских лексических реконструкций вызвано практически полным отсутствием вепских письменных памятников — самого важного источника изучения языка прошлого.

Кроме того, лексика вепских говоров поздно попала в поле зрения исследователей, т. е. отсутствуют ранние диалектные записи, а более поздние отражают лексический состав говоров все же достаточно фрагментарно. Нет и вепской письменной традиции, способствующей закреплению словарного состава. В такой ситуации ономастическая лексика является практически единственным значительным источником реконструкции утраченных вепских слов.

Привлечение топонимического материала для исследований в области исторической лексикологии широко применяется этимологами. Авторы Этимологического словаря финского языка (SKES), в частности, используют вепскую топонимию для наполнения вепской части словарных статей. Элементы методики реконструкции лексики по топонимическим свидетельствам можно найти в работах В. Ниссиля Л. Кеттунена, В. Палля по прибалтийско-финской топонимии. В области русского языкознания наиболее плодотворно эта методика разработана Г. П. Смолицкой, докторская диссертация которой посвящена реконструкции лексики на основе свидетельств гидронимии Поочья (Г. П. Смолицкая 1981).

Применительно к вепскому материалу основные положения методики восстановления лексики, разработанные упомянутыми авторами и дополненные нашими собственными наблюдениями, могут быть сформулированы следующим образом.

Метод топонимического исследования вепской лексики представляет собой этимологический анализ топонимов территории вепского заселения (современного и прошлого), основным моментом которого является соотнесенность их с лексемами родственных прибалтийско-финских языков, по определенным причинам сохранившимися утраченные вепским языком слова. Для надежности реконструкции должна быть учтена обязательная массовость, повторяемость искомого топонимного корня в исследуемой топосистеме, т. е. основной единицей анализа является не отдельный топоним, но топонимный ареал. Важным моментом является также

наличие аналогичных топонимов в родственных топосистемах, что свидетельствует о принципиальной способности данной лексемы к онимизации. Наконец, для восстановления полной «биографии» реконструированного слова целесообразно исследовать его методом лингвистической географии, т. е. восстановить его ареал по данным топонимии. В связи с этим данный очерк снабжен несколькими картами, на которых наглядно представлена зона распространения апеллятивов и соответствующих им топонимов. Ниже приведены некоторые реконструкции вепских лексем по предложенной методике.

*čuhak, *čuhuk* 'возвышенное место, холм, горка'. В вепской топонимии обнаруживается несколько названий с указанной основой: в средневепском ареале *Čuhuk* (Каргиничи), *Čuhak* (Ладва), *Čuhakod* ~ *Čuhakmägi* (Сапра), *Čuhuk* (Озеровичи), возможно, *Čučkem* (Нажмозеро)?, *Čuhlak* ~ *Čuhlakmägi* (Ярославичи); в ареале, смежном с вепским Прионежьем, Чугаки (Таржеполь), на южновепской территории *Čuhakomägi* ~ *Čihakomägi* (Перелесок).¹⁷ Помимо общности основы их объединяет и сходная географическая характеристика: перед нами ряд названий возвышенных участков местности — горок, холмов и т. д. Часть из перечисленных топонимов — простые по структуре образования (*Čuhuk*, *Čuhak*), т. е. имеют самостоятельное топонимическое употребление. Эта характерная деталь указывает, в каком направлении должен вестись поиск этимологических истоков слова, ибо самостоятельное топонимическое употребление свойственно прежде всего местным географическим терминам или словам, близким к ним по значению. Есть основания предполагать, что и интересующая нас топооснова *čuhak*, *čuhuk* представляет собой онимизированный географический термин. Какова же его семантика?

В качестве возможного сопоставительного материала здесь уместно упомянуть топонимы вепской территории с элементом *sihu*: в средневепском ареале *Čuhuselg* (Каргиничи), как вариант к отмеченному выше *Čuhuk*; *Čuhumägi* (Рябов Конец), *Čuhu* (Нюровичи), *Peņ Čuhu* и *Suř Čuhu* (Шондовичи), в ареале бывшего вепского расселения на Свирско-Оятском водоразделе Чугусельга (Юковичи). Они тоже связаны с возвышенными участками, и этот географический критерий позволяет выйти на вепскую лексему *sihu* 'конек крыши, чердак'. В ее семантике заключен признак высоты, возвышения над окружающими реалиями. Это обстоятельство плюс топонимическое функционирование слова (в том числе самостоятельное топонимическое употребление) позволяют предполагать

¹⁷ Южновепский топоним — не совсем надежный пример, ибо есть основания предполагать отантропонимное происхождение атрибута: *Čihak < южновепс. *čihak* 'драчун'. На это же указывает и его морфологическое оформление (*Čuhako-* ~ *Čuhakou-*, где формант *-ō* < *-oi* восходит к рус. *-ов*, оформляющему отантропонимную топонимию, — см. выше). С другой стороны, не исключено, что с утратой семантической наполненности вепским *čuhak* произошло переосмысление его внутренней формы в составе топонима.

и географическую семантику у лексемы *sihu*, которая могла развиться в результате семантического сдвига.¹⁸

Имея в распоряжении лишь ограниченные вепские данные, не подкрепленные материалом родственных или смежных по территории распространения языков, преждевременно, очевидно, делать окончательные выводы о реконструированной ландшафтной семантике вепс. *sihu*. Рискнем все же предположить, что это слово, оформленное суффиксом *-(a)k*, и послужило основой для образования лексемы *sihuk*, *sihak*, которая и сохранилась в перечисленных выше топонимах. Он известен вепским говорам и на апеллятивном уровне: *peṅak* 'мыс' (ср. *peṅ* 'тж'), *sařjak* 'остров' (ср. *sař* 'тж'), *kendäk* 'берег реки или озера у самой воды' (ср. *kend* 'тж'), *pařak* 'грязь, слякоть' и др. Однако значительно большую популярность он приобрел в топонимии. Несколько примеров: *Süřdak*, *Lařak*, *Hařjak*, *Vijařak*, *Vařak*, *Mälak*, *Hütak*, *Kořjak*, *Čořak* и др.

Не исключено, что на образование *Čuhak* ~ *Čuhuk* сказалось влияние топонимной модели, однако достаточно широкий ареал вепских топонимов заставляет склоняться к мысли об апеллятивном (а не исключительно топонимическом) бытовании *Čuhuk* ~ *Čuhak*.

Поиски аналогов, с тем чтобы представить вепский материал на широком прибалтийско-финском фоне, не увенчались успехом. Несколько единичных топонимов, которые удалось обнаружить за пределами ареала вепского расселения (среди них *Čuhakkomägi* на р. Важинке; расположенное на склоне горы поле Чухи в Пудожье), генетически также могут восходить к вепскому источнику. Исходя из материала, который имеется на сегодняшний день, видимо, приходится говорить о специфически вепских словах *sihu* и *sihak* ~ *sihuk*.

*eñä-(*)*eno-* 'большой'. Современные вепские говоры знают производное данной лексемы — наречие *spatb* 'больше'. Однако производящая основа в чистом виде в них, как, впрочем, и в родственных языках, не сохранилась. Она реконструируется на основе данных вепской топонимии. Опыт такой реконструкции предпринимают авторы SKES, приводя в соответствующей словарной статье вепский гидроним *Enařv* < *Enäjärvi* (SKES). Русский эквивалент его — Вонозеро, образовавшийся в соответствии с фонетическими закономерностями севернорусских говоров эпохи освоения новгородцами Севера, позволяет расширить список топонимов с основой *eñä-*, внося в него лимноним Вонозеро, расположенное на Свирско-Оятском водоразделе, в ареале бывшего вепского расселения. На фоне окружающих небольших по размерам лесных озер оба на-

¹⁸ Аналогом может служить русская лексема *шелом*, которая наряду со значением 'конек крыши, навес' приобрела в некоторых говорах и семантику 'холм, горка'. Последняя послужила основанием для широкого топонимического функционирования слова, в том числе в русских говорах Карелии.

званных Вонозера действительно отличаются своими значительными размерами, подтверждая тем самым истинность предлагаемой этимологии. Еще одно убедительное топонимическое подтверждение бытования вепсской лексемы — потамоним Enojogi ~ Enoja ~ Jenjogi ~ jenjogi ~ Genoja, рус. р. Генуя (басс. р. Капши). Это, собственно, верхний участок р. Капши, от истоков до впадения в оз. Капшозеро, причем название имеет вариант Surjogi — бесспорный аргумент в пользу правильности предложенной этимологии, ибо атрибут его (sur 'большой') семантически эквивалентен реконструированному вепсскому (приб.-фин.) *enä.

В последнем примере налицо неустойчивость 'е' в начальной позиции (Enojogi ~ Jenjogi, рус. Генуя¹⁹), являющаяся отображением характерной для вепсских говоров тенденции к нарастанию j в начале слова, которую принято связывать с влиянием русской фонетики (Е. А. Tunkelo 1946 : 553). С учетом данной фонетической закономерности можно ставить вопрос об отражении изначального *enä и в топонимах Jепnеt, мыс на оз. Шимозеро; руч. Ение и ур. Еное в бассейне р. Ояти; р. Ейное, впадающая в упоминавшееся выше оз. Вонозеро на Свирско-Оятском водоразделе, р. Янега в бассейне Свири (*Jäneg < !*Jeneg по аналогии с Kalag, Toizeg и др., в которых конечный -g представляет рудимент детерминанта jogi 'река'). В этом контексте чрезвычайно любопытна и интерпретация северновепсского варианта названия Онежского озера Jänine (< jäniž-). Не просматривается ли в нем изначальное вепсское *enä-? Во всяком случае русский эквивалент — Онежское — свидетельствует в пользу первоначального 'е' в начале слова в оригинале.

*kiz- (*kidz-) 'мох (растущий на дне водоемов)'. Ср. оз. Kizidärv, рус. Кижозеро, бол. Kiziso (Кривозеро); оз. Кижое в русском Приожье и остров Кижский на р. Ояти. Все названные топонимы связаны с водными объектами, что уже само по себе немаловажно в смысле географического подтверждения этимологии. Однако более существен тот факт, что близкородственные языки сохранили лексему, утраченную вепсскими говорами: ср. ливв. kiidzin 'мох (в том числе растущий на дне водоемов)', 'лишайник' (KKS), kiidzin 'тина, водяной мох в невысыхающих лужах' (Н. Н. Мамонтова 1982 : 54), в Приладожской Карелии kiidzi 'мох (растущий на дне озера)' (V. Nissilä 1975 : 59). Известно, что такой мох находил широкое применение в хозяйственной деятельности жителей Севера. С помощью специальных граблей он добывался со дна водоемов, сушился и использовался затем, к примеру, при строительстве домов для перекладывания бревен. Естественно, что слово закрепилось в названиях мест произрастания Kiidzillahti (Суоярви), пок. Kiidziminniittü (Олон.), мыс Kiidzimniem, зал. Kiidzimenlahti (Пряж.), бол. Кижиммох, зал. Кижимлахта, р. Кижим (Пуд.), видимо, остров Кижы (Медв.).

¹⁹ Начальный 'г' в рус. Генуя появляется в результате перехода j < ġ, характерного для некоторых севернорусских говоров и являющегося, видимо, отражением субстратных прибалтийско-финских фонетических явлений (см. подробнее: В. С. Суханова, И. Муллонен 1986 : 38—45).

Вепсское топонимическое употребление — след бытования лексемы и в вепсских говорах.

*kond 'крестьянский двор с прилегающим участком земли'. Примеры топонимического употребления: в Приожье пок. Kondud (Шондовичи), б/д. Perjankond (Озера), пок. Ukonkond (Озера), ур. Малса Конд (Каргиничи), пок. Nebokond (Нажмозеро), в верховьях реки Капши ур. (б/д.) Minankond (Нюрговичи), ур. Tagazkond (Чидово), у южных вепсов дер. Kond (Сидорово), поле Ondrejankond (Лакта), ур. Kond (Боброзеро), в Белозерье ур. Kondus (Куя), поле Kondusine (Залесье). В русском (обрусевшем) Приожье: ур. Кондуши (Мустиничи), ур. Кондуши (Имоченицы), ур. Кондуши (Тервиничи), поле Кондасельга (Ляшезеро), в Прионежье поле Кокшаконда (Ладва). Этот внушительный ряд топонимов — достаточно веское подтверждение былого функционирования лексемы *kond в вепсских говорах, подтверждение тем более реальное, что лексема известна практически всем родственным языкам, ср. соб.-кар. kontu, kondu, ливв. kondu, люд. könd, kondu, фин. kontu, konto 'крестьянский двор; хозяйство; земельный участок' (SKES, KKS, LMS). Она входит и в число типичных прибалтийско-финских топооснов. Ниже некоторые примеры из топонимии Карелии, где она часта в наименованиях земельных угодий: в соб.-кар. топонимии Kontu (Ювалакша Калев.), пок. Klmoizenkondu (Кибошнаволок Муез.), пок. Kondapoza (Кимоваара Муез.), в южной Карелии дер. Rajakondu, рус. Погранкондуши (Олон.), ур. Dürginkond (Михайловское Олон.), поле Hodarinkondu (Мачезеро Пряж.), дер. Kond ~ Kondunkülä (Сельги Конд.), на русской территории гора Райдаконда (Шуньга Медв.), пок. Кондуша (Авдеево Пуд.) и др.

Семантика вепсской лексемы реконструируется как по данным родственных языков, так и с учетом характера географических объектов, в названии которых присутствует элемент -kond в качестве детерминанта. Это деревни, а также сельскохозяйственные угодья (поля и покосы), причем применительно к последним часто сохраняется память о располагавшихся на их месте поселениях, к ним привязывают иногда и предания об основателях поселения. Отдельный вопрос составляет выявление причин, которые привели к утрате лексемы вепсскими говорами. Одна из возможных причин — вытеснение ее семантически эквивалентным рус. деревня, которое первоначально означало лишь крестьянский двор с прилегающим к хозяйству участком земли (см. подробнее в очерке «Вепсская ойконимия»).

*pugand 'узкое место с быстрым течением в реке'. Представлен названиями: руч. Pugandoja (басс. р. Ояти), дер. Пуганда ~ Поганда на Ояти (обрусевшая территория), ур. Поганда на р. Свирь в ареале бывшего вепсского расселения (ПКОП, с. 187). Немногочисленные топографические свидетельства дополняются чрезвычайно показательными данными из русских говоров Пудожья — территории предполагаемого бывшего вепсского расселения. Русским говорам Пудожья известен самобытный ландшафтный термин пугонда 'узкое место у реки' (Карт. ЛГУ) или пуганда 'место с быстрым течением

и камнями на реке; стремнина; узкое русло с быстрым течением' (Карт. географических терминов ИЯЛИ). Ареал пудожского термина ограничивается бассейном р. Водла. Топонимическое употребление слова в Пудожье также связано с указанным бассейном: географические названия с элементом пуганда сосредоточены главным образом вдоль русла самой Водлы, причем все они без исключения являются наименованиями речных перекатов, порогов (Пуганда на р. Водла, Мегрепуганда на р. Сухая Водла, Пуганда, Житная Пуганда, Извозная Пуганда, Черная Пуганда, Верхняя Пуганда, Нижняя Пуганда в среднем течении р. Водлы). Четкая и узкая локализация слова, специфика семантики позволяет предполагать, что перед нами не русская лексема, а субстратное включение из прибалтийско-финских источников. Такое предположение имеет в качестве реальной основы историю новгородского освоения Пудожья — территории, лежащей на древнем пути из Обонежья в Заволочье. Многочисленные исторические и языковые факты свидетельствуют о тесном контакте здесь русских переселенцев с местным прибалтийско-финским населением. В частности, в географической терминологии русского Пудожья выявляется целый ряд несомненных приоб.-фин. заимствований (каля, кедовина, корба, лахта, луда, мандера, мяндак, орга и др.). В этом контексте естественны поиски прибалтийско-финского источника и для термина пуганда. Поиски, однако, осложняются тем, что в отличие от слов, отмеченных выше, для которых прибалтийско-финский оригинал налицо, для лексемы пуганда прибалтийско-финский источник не обнаруживается, т.е. современные прибалтийско-финские языки не знают соответствующей лексемы. Видимо, русские говоры, расположенные вдоль р. Водлы, в свое время усвоили и сохранили до наших дней субстратный ландшафтный термин, утраченный позднее языком-оригиналом (вепским). Попытаемся с учетом закономерностей прибалтийско-финского словообразования, лексических и фонетических особенностей вепского языка реконструировать вепскую лексему, отразившуюся в топонимии Приоятья и в русских говорах и топонимах Пудожья: веп. *puḡand, образованное от глагольной основы *puḡ-*, которая реализована в вепс. *puḡetada*, фин. диал. *pukea*, *pujotella* 'просовывать, протискивать'. В качестве словообразовательного форманта выступает суффикс *-nd* (приоб.-фин. *-nto*), который характерен для вепских отглагольных существительных: ср. *vätä* 'играть' — *vänd* 'игра', *verta* 'жечь пожогу' — *veḡand* 'костер при сжигании подсеки', приоб.-фин. *kesä-* 'быть незанятым, нетронутым, девственным' — *kezand* 'поле под паром'. В этом же ряду может быть и *puḡetada* 'просовывать, протискивать' — *puḡand 'узкое место с быстрым течением на реке'. В контексте вышесказанного знаменательным оказывается и то обстоятельство, что формант *-nto* чрезвычайно продуктивен в образовании прибалтийско-финской географической терминологии (L. Nakulinen 1968 : 142—143), что уже само по себе — важный момент в пользу истинности предлагаемой нами реконструкции. Кроме того, в прибалтийско-финской (в том числе

и в вепской) географической лексике отглагольные существительные — обычное явление. Несколько примеров: *puḡde* 'родник' (ср. *puḡskta* 'просачиваться, брызгать водой'), *pöḡde* 'водоворот' (ср. *pöḡuda* 'кружиться, вертеться'), *uḡo*, *uḡondeḡ* 'ложбина, овраг' (ср. *uḡda*, *uḡdada* 'прорывать, размывать, прокладывать дорогу'). *Puḡand (ср. *puḡetada*) есть отражение общих закономерностей. Реконструированная же семантика ('узкое место с быстрым течением в реке') подтверждается как значением вепской глагольной основы (в узком порожищем русле вода «протискивается»), так и семантикой русской диалектной лексемы пуганда. Таким образом, свидетельства топонимии и русских говоров дают основания для реконструкции вепской лексемы *puḡand на Свири, Ояти, Водле — реках, служивших путями сообщения. Отсутствие аналогов в других прибалтийско-финских языках вызвано, очевидно, тем обстоятельством, что это вепское новообразование от приоб.-фин. основы, т.е. в других прибалтийско-финских языках соответствующей ландшафтной лексемы не было. Для обозначения соответствующего понятия использовались другие лексемы.

*räbeh (*räbez) 'болотистое место (поросшее кустарником)'. Представлен в Приоятье в названиях: бол. *Räbänova*, *Räbäso*, руч. *Räboja*, пок. *Rebeh*. На смежной русской (обрусевшей) территории известны руч. Рябаза, Ребогоручей ~ Ребручей, поле Ребоха, оз.Рябозеро. Данные родственных языков: фин. диал. *räpeikkö* 'кустарник, молодая поросль' (SKES), *gääriö* 'непроходимое место, топь', к которому Я. Калима в свое время возводил рус. диал. (архангельское) рябы 'малорослый лес на болоте или в тундре' (J. Kalima 1919); в ливв. *räbe(j)ikkö* 'редколесье с плохой древесиной на болотистом месте' (SKES). Наличие лексемы в финском и карельском, а также топонимические свидетельства территории вепского расселения позволяют предполагать бытование в прошлом вепской лексемы в форме *räbeh < *räbez. Существенным фактором, подтверждающим бытование вепского ландшафтного термина и восстанавливающим его семантику, являются русские говоры Приоятья, усвоившие в свое время вепское слово и сохранившие его в форме рябега (<*räbeh) 'сырое низкое место в лесу' (Картотека ЛГУ). Истинность предложенной реконструкции подтверждается и наличием интересующей нас топоосновы в родственных языках: ср. пок. *Räräkkü* (Видлица Олон.), бол. *Räräkkö* (Ведлозеро Пряж.). В Карелии, на территории бывшего прибалтийско-финского заселения, известны бол. Ребязинское (Кулмуksа Конд.), р. Ребежа (Челмужи Медв.), пок. Ребухи (Бостилово Пуд.), которые в переработанном под влиянием особенностей русских говоров виде отразили разные фонетические варианты прибалтийско-финской лексемы.

**sar(a)* 'небольшая речка, приток более крупной реки'. *Sar(a)* в качестве топоосновы зафиксирована в десятках названий небольших лесных рек и ручьев на современной и бывшей вепской территории: в бассейне Ояти целая серия потамонимов *Sara*, *Sar*, *Sarka*, *Saraoja*, *Sarazoja* (см. И. И. Муллонен 1988 : 96), в верховьях

Капши р. Sar ~ Sarajogi и р. Sark; р. Saražk в южновепском ареале, руч. Saŕoja в Белозерье.²⁰ В справочнике «Реки и леса Ленинградской области», одном из достаточно полных списков гидронимов Ленинградской области, отмечены в бассейне Свири, Паши и Ояти (современная и бывшая вепсская территория) 10 рек с названием Сара, 14 рек Сарка, а также Сар-ручей в бассейне Ояти и Саруй в бассейне Паши (Д. Шанько 1929). В вепских говорах лексема sar(a) имеет семантику 'развилка (раздвоенный ствол или сук); разветвление', однако топонимическое функционирование ее практически исключительно в составе названий рек делает реальным предположение о гидрографической семантике слова, которая, собственно, является естественным продолжением развития значения 'развилка, разветвление' → 'ответвление, приток реки' → 'небольшая речка'. Свидетельством закрепления гидрографического значения является употребление слова в качестве детерминанта в сложных потапонимах (р. Kondisara, Куйсара, Лепсара, Пойсара, Рандсара), где по правилам прибалтийско-финской двухкомпонентной структурной модели определяемый компонент, или детерминант, обозначает разновидность называемого объекта. Добавим к этому, что атрибутивные элементы в приведенных выше гидронимах этимологизируются средствами вепского языка, что также косвенно подтверждает вепское происхождение детерминанта.

Что касается данных родственных языков, то по крайней мере в Приладожской Карелии бытовало saaga 'большой ручей' (V. Nissilä 1975 : 34). На фоне массового бытования гидронимов с элементом saŕa в вепской среде данные родственных языков довольно скудны: Suaroga, Anninsuaru (Олон.). Зато топоосновы Сара ~ Сора широко распространены на территории Русского Севера: в Пудожье (данные топонимической картотеки Института ЯЛИ), в Белозерье (А. И. Попов 1948). Они известны в Волго-Двинском междуречье (О. В. Востриков 1980 : 74), в бассейне Двины. Наряду с прибалтийско-финским источником для указанной территории не исключен и саамский (А. К. Матвеев 1970 : 329—330). Возможно, перед нами след прибалтийско-финско-саамской праязыковой основы.

*sürj 1) 'край, бок, сторона', 2) 'возвышенность, горка'. Некоторые примеры топонимического употребления: в средневепском ареале поле Sirjpeid (Чидово), ур. Murdoisirj (Ладва), пок. Sirj, Antiksirj, Marsirj (Ярославичи), ур. Kastęsirj (Мязозеро), поле Mišaŕsü rj (Вонозеро), гр. Reboisürj (Подпорожье), гр. Kivisürg, ур. Sürgaized (Войлахта), поле Houdsürg (Пелкаска), в Прионежье гр. Sürdak, ур. Sürd (Каскесручей) и др. Лексема sürj известна современным вепским говорам исключительно в значении 'пришва (часть ткацкого станка)'. Поскольку такая семантика не способствует закреплению лексемы в топонимии, то в основе многочисленных вепских географических названий с элементом sürj надо полагать

²⁰ Выбраны только те топонимы, о которых с достоверностью известно, что они образованы от основы sar(a), а не от фонетически близкой sar 'остров'.

изначальную семантику 'край, бок, сторона', которая присуща прибалтийско-финским языкам (SKES), однако утрачена современным вепским языком.²¹ Наиболее наглядным подтверждением истинности сказанного являются так называемые «ситуативные» ойконимы, в которых основа sürj закрепляется за деревней, располагающейся на краю гнезда поселения, в стороне от основной массы деревень: дер. Sürj (Пелдуши), Sirj (Ярославичи), Sürg (Шимозеро), Sürd (Шокша) и др.

Топонимия дает основания и для дальнейших семантических реконструкций вепс. sürj. Дело в том, что целый ряд топонимов с данным элементом — это наименования горок, холмов, возвышенных участков местности. Информация об этом заключена уже в самих названиях: ур. Korktad Sürjad (Корбиничи), пок. Korgedsürj ~ Kortasürj (Ладва), ур. Korktad Sürgad (Шимозеро), ур. Коргосирье в русском Приюстье, ср. korged 'высокий', горы Kerisürjmägi (Долгозеро), Ladvsürjmägi (Озера), Sürjämägi (Вонозеро), ср. mägi 'холм, горка'.

Географическая характеристика, как известно, существенный момент в реконструкции ландшафтной терминологии по топонимическим свидетельствам, и закрепление топоосновы за объектами, обладающими сходной географической характеристикой, определяет направление поиска. Последнее обретает реальность в контексте данных родственных языков, ср. фин. диал. surjä 'возвышенный участок местности, холм, гряда', surjunen 'вершина горы', соб.-кар. süre 'возвышенность, гора, гряда холмов', водское sürjü 'возвышенность (на болоте)', эст. диал. sügi 'гряда (на болоте)' (SKES). В этом прибалтийско-финском окружении становится возможным восстановление семантики 'возвышенность, гора' и для вепской лексемы *sürj. Добавим, что данная семантика присуща, как свидетельствует материал, и некоторым ойконимам (к примеру, название дер. Sürg (Пондала) имеет вариант Sürgamägi, а дер. Sirj, рус. Перелесок, в ареале расселения южных вепсов располагается на горе Sirjmägi), так что в целом проблематично, какая характеристика — окраинное ли положение или ландшафтные особенности — послужила основой номинации.

*vadag 'низкое болотистое место'. В бассейне Ояти известны три реки с названием Vadag (русские варианты р. Вадога, р. Вадожка), бол. Vadagso, оз. Вадоги. К ним примыкают, по-видимому, названия ручья Vadaoja, озера Vadajärv, болота Vadaso, в которых основа vada- восходит к первоначальной форме *vadag. Последняя восстанавливается, например, из наименования располагающихся по ручью Vadaoja покосов Vadaged (nütud). В пользу данной исходной формы свидетельствует и следующий факт: характерное для вепской гидронимии бассейна Ояти выпадение конечной гласной

²¹ По данным SKES в средневепском диалекте лексема sirj, sürj имеет значение 'край, сторона', однако судя по примерам, которые приводятся в подтверждение, это, видимо, реконструированная авторами словаря семантика, ибо они апеллируют к топониму Sürj и к наречиям sirjha 'в сторону', sürjas 'в стороне'.

двуслогового атрибута перед детерминантом -oja (Čogoja < *Čogaoja), а также выпадение j в сложных лимнонимах в положении между гласными (Mudafv < *Mudajäfv) не происходит — по-видимому, в силу аспирации на месте выпавшего «g» — в гидронимах Vadaoja и Vadajäfv (не Vadoja и Vadafv). К перечисленным примерам добавим пок. Vadaged (в верховьях Капши), три реки с названием Вадога ~ Вадоги и оз. Вадожное на водоразделе рек Оять и Капша (современные обрусевшие районы), ур. Вадоги (Деревянное Прион.), пок. Вадоги (в Тихвинском районе неоднократно — на русской Капше и Паше), бол. Vadoiso (Рябов Конец в верховьях Капши).

Повторяемость топоосновы vadag и закрепление ее в названиях объектов, обладающих сходной географической характеристикой (низкие, болотистые места), вызвали предположение о возможности поиска для нее ландшафтного этимона. В поисках аналогов мы обратились к данным восточных финских диалектов, которым известен географический термин vataja с широким спектром значений, объединяющихся вокруг смыслового стержня 'болотистое, поросшее кустарником или чахлым лесом место, используемое иногда под покосы'; в ливвиковском диалекте карельского языка vadajikko 'болотистое место, поросшее чахлыми березками и ивняком' (SKES). С точки зрения фонетических закономерностей возражений для сопоставления *vadag с фин. vataja не возникает: ср. фин. kataja 'можжевельник' — вепс. kadag 'тж', фин. диал. kajaja 'чайка' — вепс. kajag 'тж', фин. диал. majaja 'бобер' — вепс. *majag (восстанавливается по топонимическим свидетельствам). Vataja — *vadag входит в этот же ряд.

Выполняется и еще один важный критерий, подтверждающий истинность проведенной реконструкции, — наличие аналогичных топонимов в родственных языках. Финский исследователь В. Ниссиля отмечает в Восточной Финляндии названия vattaikko, vattaavuag, которые возводит к апеллятиву vataja 'сырая местность, болото'. У ливвиковских карел на территории Олонецкого района КАССР зафиксированы, судя по работе Н. Н. Мамонтовой, два топонима vadai с производными vadajannurmet и vadaiennurmet (Н. Н. Мамонтова 1982: 69). Этимология, предложенная для них в исследовании по ливвиковской топонимии, а именно возведение к апеллятиву vada 'брод (вид невода)', представляется нам недостаточно аргументированной. Скорее, они входят в один ряд с рассматриваемыми вепскими и финскими географическими названиями.

Наконец, существенным дополнительным фактором, подтверждающим существование в вепском языке в прошлом ландшафтного термина *vadag, являются русские говоры Приоятья и сопредельных территорий, которые в свое время усвоили вепское слово и сохранили его (по данным СРНГ) в форме вадога 'зарастающие, высыхающие болота; пожни в низких сырых местах по берегам озер и речек'.

Важным моментом для восстановления полной «биографии» реконструированного слова является исследование его методом лингвистической географии, т. е. восстановление его ареала по данным топонимии. Топонимия на vadag образует достаточно плотный ареал в Приоятье, на территории проживания средних вепсов, и значительно слабее представлена в южно- и северновепской топонимии, соответственно на юг и на север от Приоятья. Однако топонимические свидетельства смежных русских территорий позволяют утверждать, что ареал топонимии на vadag не замыкается означенной выше вепской территорией, а распространяется на восток от нее, на водораздел Онежского и Белого озер и далее в Архангельскую область, в район Каргополя. Отметим некоторые примеры на территории, расположенной между озерами Онежским и Белым: пок. Вадасельга, Вадоги, Вадаж, бол. Вадоги, Вадоболото, оз. Вадозеро, н/п Бадожский Погост; в Каргополе и прилегающей территории верховий р. Онеги покосы Вадоги, Бадоги, Вадога, лесные урочища Вадога Большая, Вадога Кривая, р. Вадога и др. На упомянутой русской территории (условно территория между Онежским, Белым озерами и озерами Лаче) много топонимии прибалтийско-финского типа, более конкретная этническая интерпретация которой, однако, затруднена значительным сходством в топонимии разных прибалтийско-финских народов, а также нивелирующим воздействием русской адаптации. Бесспорно вепский фонетический облик топонимного элемента vadag позволяет видеть в нем своеобразный критерий вепского происхождения топонимии прибалтийско-финского типа на упомянутой территории. А это, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о вепском прошлом этой оказавшейся на пути русской колонизации Севера и в связи с этим довольно рано обрусевшей территории.

*vehk 'вахта трехлистная'. SKES в словарной статье vehka приводит данные по всем прибалтийско-финским языкам, и лишь вепский раздел строится на топонимических сведениях (Vehkei в Прионежье в качестве названия ручья и поселения при нем и южновепское руч. Vehk-oja). Действительно, вепская лексема фиксируется исключительно в топонимическом употреблении: топонимы с основой vehk- закрепляются за местами произрастания этого водяного растения. Иллюстрации SKES могут быть дополнены материалами нашей картотеки, доказывающими, что слово *vehk- (< *vesk-) принадлежит к числу типичных вепских топо(гидро)основ. В Приоятье многочисленны названия Vehkjärv и Вехкозеро, Вехтозеро, Вешкозеро (три последних в русском употреблении или на обрусевшей территории), ручьи Vehkoja, Вехкое, Вехкой, Вехручей (см. подробнее И. Муллонен 1988: 103), здесь же пок. Vehkem, ур. Vehkorg: на восток от Приоятья оз. Vehkär (Сапра), оз. Vehkär — рус. Вехт-Ярьвозеро и оз. Veskingärv ~ Vehtingärv — рус. Вешкозеро ~ Вехкозеро, а также руч. Veskoja ~ Vešakimoja — рус. Вешк-ручей в Шимозерье; в Белозерье, возможно, Viňkaņgärv, у южных вепсов оз. Vehkjärv, бол. Vehkso, оз. Vehťjärv ~ Vestjärv,

руч. Vehkoja; в верховьях Капши оз. Vehkjärv и др. Широкое топонимическое употребление, распространяющееся на весь ареал вепсского расселения, свидетельствует не только о былом апеллятивном бытовании слова, но и, видимо, о существенной роли самого растения в жизни местного населения.²² Отход от хозяйственного использования реалии приводит со временем и к утрате слова, ее называющего.

Восстановленные 10 лексем полностью утрачены вепсским языком. Однако реконструктивные возможности топонимики распространяются не только на язык в целом, но и на отдельные его подразделения — диалекты, говоры, группы говоров. Топонимика с ее возможностями консервации определенных моментов былого состояния языка позволяет восстановить утраченные отдельными диалектами (говорами) лексемы и таким образом обрисовать реальную ситуацию распространения слов по диалектам, вычертить диахронные изоглоссы. Такая способность топонимики, безусловно, заслуживает внимания, ибо та лексическая система, которая существует сегодня по диалектам и говорам, в значительной степени разрушена русским вторжением (особенно это актуально для прионежских, восточных говоров средневепсского к южновепсскому диалекту). Топонимика не всесильна, однако она позволяет реконструировать отдельные элементы лексической системы, а следовательно, представить в более полном виде ее былое состояние. Поясним это несколькими примерами.

Слово *laht* 'озерный или речной залив' сохранилось спорадически в разных концах вепсского ареала, однако из значительной части говоров оно выпало, а его функции перешли к слову *kar* 'небольшой залив, бухта'. Между тем топооснова *laht* бытует во многих из тех говоров, которым она не известна в апеллятивном употреблении, в частности в Шимозерье дер. и зал. *Laht*; в верховьях Капши зал. *Laht* ~ *Lahtkar*, ур. *Laht*, ур. *Lahtoi*; на верхней Ояти зал. *Solahtkar*, в южновепсском ареале дер. *Laht*, дер. *Kortlaht* и др., и по сути дела реконструирует былой единый общевепсский ареал лексемы.

Другой показательный случай связан с лексемой *kuk* (*kaz*) 'холм, горка', которая известна практически одному говору — каскесручейскому в вепсском Прионежье, и на этой основе, казалось бы, может быть причислена к разряду эндемиков. Однако на деле каскесручейское слово выступает на широком топонимическом фоне, охватывающем значительную часть вепсской территории — как современной, так и прежней: гр. *Kukazmägi* ~ *Kukoimägi* ~ *Kukhadmägi* (Шимозеро), ур. *Kukoimägi* ~ *Kukoinemägi* (Войлахта), гр. *Kukoimägi*

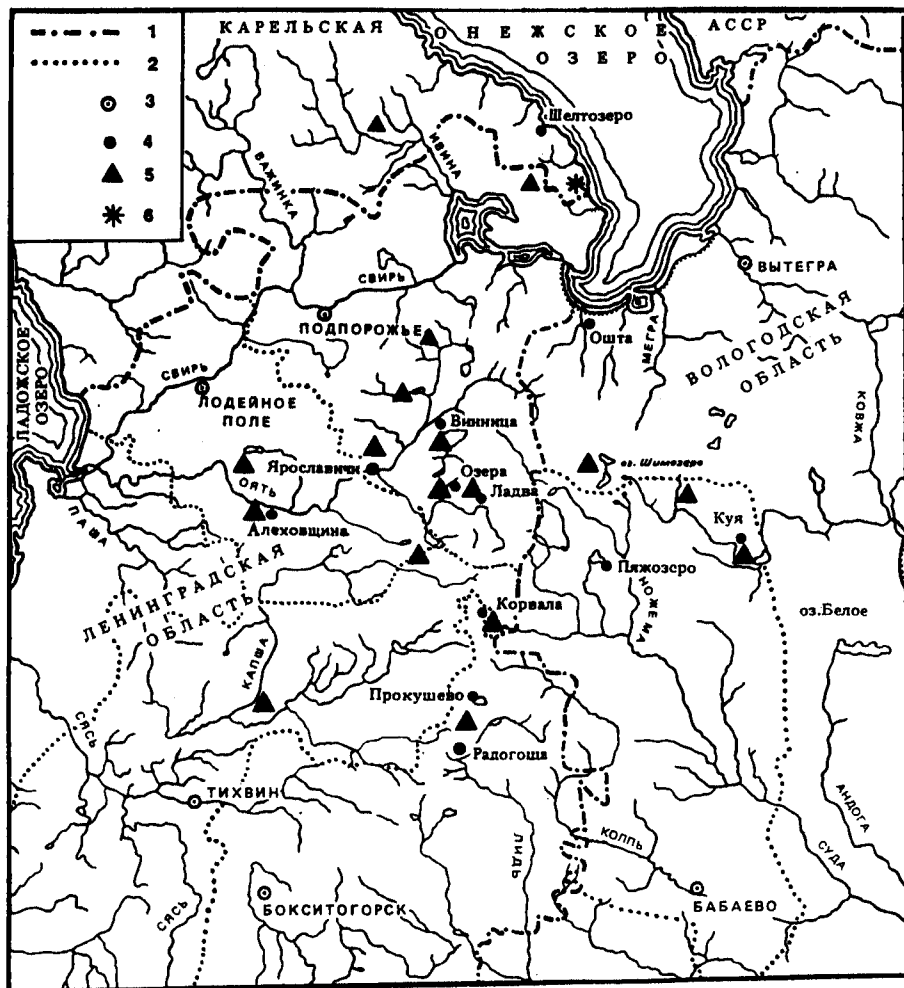
²² Высушенные и растолченные корни водяного трилистника использовались в неурожайные годы в качестве добавки к муке для выпечки хлеба (см., например: Aimo Tugunen 1979 : 376). Растение применялось и в лечебных целях.

(Пондала), ур. *Kukahoumhed*, гр. *Kukazmägi*, гр. *Kukmägi* (Оять), дер. *Kukas* (Корбиничи), гр. *Kukimägi* в южновепсском ареале, на русской Ояти ур. Кукова Гора, гр. Кукуй, ур. Куков Кряж и др. — вот лишь некоторые примеры из обширного списка, доказывающего, что слово *kuk-* — *kukaz* ~ *kuk-haz* входило в разряд общевепсских лексем,²³ а теперь сохранилось лишь на северной окраине вепсской территории. Топонимный ареал, таким образом, восстанавливает былой ареал современного вепсского диалектного слова. Он, собственно говоря, отражает реалии прошлого времени, когда было налицо совпадение апеллятивного и топонимного ареалов. Причем речь должна идти об относительно недавнем прошлом, ибо топооснова бытует в подвижной, нестабильной во времени микротопонимии (карта 3).

Следует признать, что в целом лексические расхождения между тремя вепсскими диалектами чрезвычайно незначительны, и даже существующие оказываются во многом фактом позднего времени, появляясь как следствие выпадения лексем из отдельных говоров или диалектов.

Еще один существенный момент — предоставляемая топонимикой возможность семантической реконструкции, т. е. восстановления отдельных значений слова, утраченных последним. В силу специфики топонимического материала наиболее плодотворно, естественно, восстановление ландшафтной, естественно-географической семантики. Таковая, к примеру, была присуща вепсской лексеме *selg*, которая ныне функционирует в вепсских говорах в значении 'спина'. Однако многие десятки случаев употребления слова в топонимах, причем таких, где *selg* выступает в роли детерминанта, т. е. указывает на географический класс реалии, не оставляет сомнений в былой ландшафтной семантике вепс. *selg*. Последняя сохранилась во всех родственных языках ('кряж, горный хребет, возвышенность'). Топонимный ареал *selg* простирается на всю вепсскую территорию, однако плотность его неравномерна. Наиболее активна данная топооснова в Прионежье, по мере продвижения на юг, на средне- и особенно южновепсскую территорию, интенсивность *selg* в топонимии заметно убывает. Причем здесь, на южной и юго-восточной окраине вепсского Межозерья, удельный вес *selg* в самостоятельном топонимном употреблении (ур. *Selg*, дер. *Selg*, пок. *Selgad* и т. д.) заметно выше, чем в Прионежье и на Ояти. Причину, очевидно, следует искать в географической обусловленности: «сельги» как объект ландшафта распространены на севере вепсского Межозерья, а по мере продвижения на юг зона их постепенно сходит на нет.

²³ Забвение первоначальной семантики, видимо, привело со временем к народноэтимологическому сближению топоосновы с вепс. *kukoï* 'петух', повлиявшему и на грамматический облик топоосновы (см. подробнее И. Муллонен 1988 : 71—72).

Карта 3. Kuk (kaz) в вепсской топонимии.

5 — элемент kuk (kaz) в топонимии; 6 — kuk (kaz) 'холм, горка' в лексике.

Надо полагать, дальнейшее накопление материала позволит значительно расширить список реконструированных вепсских слов и по диалектам, и применительно к языку в целом. Уже и сейчас есть определенные основания для реконструкции таких вепсских лексем, как *mase1g 'возвышенность, представляющая собой водораздел водных систем' (ср. на обрусевшей территории Межозерья ур. Масельга на водоразделе Свири и Ояти, хутор Масельгский на водоразделе Ояти и Капши, ур. Масельга на Паше), *perg 'раскорчеванный, расчищенный участок земли' (поле Perg, Pergatęz,

ур. Перьгое, дер. Пергуши, руч. Пергручей в Приолятье) и некоторых других (см. также: И. И. Муллонен 1983: 101—103). При этом надежность этимологических изысканий обуславливается знанием законов и особенностей топонимической номинации.

Очерк 3

ВЕПССКАЯ ОЙКОНИМИЯ

Ойконимия — один из крупных разрядов географических названий. Это материал, достойный внимания и как языковой источник, и в плане выявления некоторых особенностей исторической и этнической ситуации на обследуемой территории.

Выбор ойконимии в качестве объекта исследования обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, ойконимический материал обширен, позволяет оперировать большими количествами названий, что, естественно, повышает надежность и глубину анализа. Наша картотека включает около 500 ойконимов территории современного расселения вепсов и примерно такое же количество наименований поселений в смежных русских районах; последние привлекаются в процессе исследования и как материал для сопоставления, и как источник, сохранивший следы вепского происхождения и позволяющий в некоторых случаях реконструировать вепский оригинал.

Во-вторых, ойконимический материал полнее всего засвидетельствован в различных исторических документах. Это позволяет проследить эволюцию названий, начиная от самых ранних фиксаций, и на основе диахронного аспекта исследований делать выводы как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Немаловажна и ббльшая по сравнению с другими топонимическими разрядами экстралингвистическая информативность ойконимии. Это наиболее социально обусловленный класс географических названий, что, безусловно, делает из ойконимии ценный исторический источник. Изменения в общественной и хозяйственной жизни населения отражаются в ойконимах. Впрочем, несмотря на нестабильность, подвижность ойконимной системы во времени, некоторые представители этого топонимического класса, в частности обобщающие названия крупных гнезд поселений, часто имеют древнюю историю и могут служить источником сведений об относительно ранних этапах освоения территории. Вепсская ойконимическая картотека включает в себя названия кустов поселений (Šoutafv, Viňhal, Voilaht, Arskaht), концов или частей этих кустов (Alažagđ, Deremišti, Namamättaz, Kukei Markimättaz, Noumančug, Rapimposad и др. в составе с. Шелтозеро), отдельных деревень, не входящих в гнезда (Vanhimseľg, Haršom), хуторов, выселков (Vojaf, Saf, Nabukad, Ledo). В целом это достаточно пестрое единство, элементы которого характеризуются разным временем появления, специфическими особенностями номина-

ции, присущими каждому из названных ойконимических разрядов. Объединяющим же началом служит то, что все это названия поселений сельского типа (комонимы), возникшие естественным путем и функционирующие неофициально. Формы официального употребления, закрепившиеся в справочниках, списках населенных мест, картах и прочих письменных источниках, — русские. Причем нередко, особенно когда речь идет об отдельных частях гнезд поселений, официальные названия образуются от совсем иных основ, чем неофициальные вепские и неофициальные русские: Korbal—Корбиничи—Алексеево, Viňhal—Ярославици; в составе Шимозерского куста: Pust—Доровская, Mančimägi—Фокинская, Laht—Кузнецовская, Haršimägi—Яковлевская, Agg—Фоминская и т. д. Интересен вопрос о хронологических рамках, в которые укладываются возникновение и функционирование вепских ойконимов. Судя по свидетельству некоторых письменных источников, они достаточно широки. К примеру, есть основания предполагать, что некоторые из вепских ойконимов в адаптированной русской форме упоминаются уже в приписке к Уставу Святослава Ольговича (XIII в.), где среди погостов, обложенных данью, упомянут погост «в Тервиничих», ср. современное с. Тервиничи (вепс. Terl), «у Вьюнице», ср. современное с. Винницы (вепс. Vinjl). Названия многочисленных вепских поселений, дошедших до наших дней, перечислены в Писцовых книгах Обонжской пятины XV и XVI вв. Возраст многих вепских ойконимов, таким образом, исчисляется столетиями. Другие же — среди них прежде всего названия хуторов, выселков, отдельных концов гнезд поселений — относительно молоды. Возникновение их восходит к рубежу XIX—XX вв. и к началу нашего века, т. е. та вепсская ойконимная система, которая сегодня налицо, складывалась в течение длительного времени, отражая по сути дела все этапы вепского заселения территории. Элементы ее, несмотря на взаимовлияние, взаимопроникновение старого и нового, естественное в рамках единой мобильной, не застывшей системы, сохраняют, однако, во многих конкретных случаях отпечаток времени своего возникновения.

Такая хронологическая, а также упоминавшаяся выше социальная обусловленность ойконимии вызвала определенную направленность очерка о вепской ойконимии, в котором упор делается на отражение в названиях вепских поселений особенностей формирования и истории последних. Сквозь призму этого фактора будут рассматриваться и структурные особенности, и семантические модели вепских ойконимов.

О СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕПССКОЙ ОЙКОНИМИИ

Прибалтийско-финский топонимный тип — это, как известно, по преимуществу сложные конструкции, состоящие из детерминанта, указывающего на разряд называемого объекта, и определяющего его атрибута (например, оз. Kodil järv 'домашнее озеро', руч. Kivloja

‘каменный ручей’, гр. Mürklmägi ‘крутая гора’). На этом общем фоне вепсская ойконимия отличается значительным числом (около 50%) простых по структуре односоставных наименований. Основная причина широкого распространения их заключается в том, что ойконимы в отличие от других разрядов вепсской топонимии обладают целым набором специфических ойконимных формантов, которые, присоединяясь к словообразовательной основе имени, несут так называемое классификационное, или разрядное, значение. Являясь специфическими, присутствия только ойконимам, такие форманты указывают на видовую или разрядную принадлежность наименований и в этом смысле замещают детерминант. В ходе анализа структуры ойконимным формантам предполагается уделить основное внимание, ибо они интересны еще и тем, что в них наиболее ярко проявляется определенная специфика топонимного словообразования, в частности элементы, мало популярные в апеллятивах, оказываются активно действующими для названий поселений.

Краткий обзор начнем со сложных ойконимов. Для обозначения понятия ‘поселение’ в вепском языке существует целый ряд лексем, в том числе külä, derevń, posad, tanaz, futor и др. (см. ниже). Однако их роль в образовании ойконимов крайне незначительна. Случаи употребления их в роли детерминантов сложных ойконимов единичны (Parimposad, Sufposad, Keškülä, Aksintanaz, Arsanfutur и некоторые другие). Это отличительная особенность ойконимии на фоне других топонимических разрядов, где в сложных конструкциях в роли детерминанта традиционно выступает слово (термин), указывающее на класс называемого объекта (озеро Pitkljäfv, руч. Oinazloja).

Наиболее распространенная сложная двусоставная ойконимная модель — это оформление наименований детерминантом -mägi или -mättaz (последнее — у прионежских вепсов): в Приольте Jušimägi (Ладва), Johorkmägi (Пелдуши), Karpmägi (Вонозеро), Kopoimägi (Ярославичи), Lafamägi, Levoimägi (Ладва), Mikšamägi (Ладва), Minamägi (Надпорожье); у южных вепсов Bolamägi, Fedramägi, Maksimägi, Omosmägi; в Шимозерье Mikoimägi (Кривозеро), Haršimägi, Hofamägi, Mančimägi, Uđjmägi (Шимозеро); в Прионежье Hamamättaz, Haragommättaz, Markimättaz, Minamättaz, Koirammättaz, Seňkammättaz, Kirikommättaz. Вообще лексемы mägi, mättaz имеют значение ‘холм, горка’ и первоначально, при образовании наименований, они, очевидно, отражали географическую характеристику местоположения поселения. Однако постепенно, в процессе функционирования, в наименованиях поселений первоначальный смысл отходит на задний план, и детерминант -mägi, -mättaz начинает восприниматься в вепсской топонимии как своеобразный номенклатурный термин, заключающий в себе указание на класс называемого объекта. Подтверждением служит параллельное бытование вариантов с детерминантом -mägi и без него: ср. дер. Juš—Jušimägi, Johork—Johorkmägi, Mikšovad—Mikšamägi, Hotoi—Hotoimägi, Totarou—Totarömmägi. В Прионежье зафиксированы

случаи, когда детерминант -mättaz выступает в качестве синонима к детерминанту -posad ‘деревня’: Dimšammättaz ~ Dimšamposad, Ostašummättaz ~ Ostašumposad, варианты ойконимов Dimš и Ostaš. Очевидно, этот факт также должен рассматриваться как отражение отмеченного процесса перехода лексемы mättaz в Прионежье в разряд ойконимных номенклатурных терминов данной территории. Он вводит географическое название в класс ойконимов.

Все прочие детерминанты представлены отдельными примерами каждый: Arsan|futor, Kirikan|futor (Белозерье), Radim|pust (Радогоща), Makoi|pust (Лакта), Aksin|tanaz (Пондала), Marku|tan (Войлакhta), Keš|tanh (Озера) и др.

Атрибутивный элемент сложных ойконимов, выделяющий исконный географический объект среди других объектов того же класса, по общему прибалтийско-финской ойконимии правилу выражен именем существительным или прилагательным, выступающими в роли определения к детерминанту: Suvagđ ‘юг-конец’, т. е. ‘южный конец’, Sufposad ‘большая деревня’. Для атрибута, выраженного антропонимом, характерна генитивная форма. Генитив выполняет здесь наиболее типичную для него посессивную функцию: Noumančug, букв. ‘Наумов Конец’, Vaňkamposad ‘Деревня Ивана, Ваньки’, Seňkammättaz ‘Сенькина Гора’, Matfejanselg ‘Матвеева Сельга’, Markandefuđn ‘Деревня Марка’, Radimpust ‘Родинова Пустошь’. Сюда же относятся ойконимы, утратившие в результате ассимиляции показатель генитива -п и приобретшие внешне форму номинатива: ср. названия шелтозерских деревень Melkamättaz < *Melkammättaz < *Melkanmättaz, рус. Мелькина Гора; Hamamättaz < *Hamammättaz < *Hamanmättaz, рус. Гамова Гора; Minamättaz < *Minammättaz < *Minanmättaz, рус. Минина Гора.

Среди сложных по структуре названий представлены и так называемые многосоставные имена. Они, как правило, вторичны, содержат в себе уже готовое название и возникают как результат конкретизации вида объекта, введения его в один ряд с наименованиями данного рода: Levonanselg|posad, Üližagđ|posad (Прионежье), в которых элемент -posad ‘деревня’ указывает на новизность называемого объекта.

При анализе простых по структуре ойконимов должен приниматься во внимание тот факт, что часто их современный облик является результатом эллиптического развития. Эллипсису подвергается как атрибутивный элемент, так и детерминант сложного названия, в зависимости от того, какой из оставшихся элементов способен выполнять функцию индивидуализации, выделения из ряда подобных. К примеру, ойконим Haragommättaz (Горное Шелтозеро) широко бытует в форме Mättaz, образующейся в результате эллипсиса атрибута. То, что было бы невозможно в Бережном Шелтозере, около половины ойконимов которого оформлены детерминантом -mättaz (Hamamättaz, Markumättaz, Melkamättaz, Minamättaz и т. д.), вполне объяснимо в Горном Шелтозере, из пяти названий деревень которого лишь одно включает в свой состав

элемент -mättaz, и, таким образом, отличительный признак заключен уже в нем самом.

Подавляющее большинство одночленных ойконимов представлено отантропонимными образованиями: в Приоэтье Feñk, Minač, Ogešk, Ofoñ, Pañč, Savič (Ярославичи), Juš, Kukoi, Lap, Kürš, Makar (Ладва), Blas, Markoi (Надпорожье), Ignaš, Semoi, Johorovad (Озера) и т. д., а также многочисленные -l-овые ойконимы, основная масса которых сосредоточена именно на этой территории (см. ниже); в Прионежье Dokuč, Klimejina, Ondfušk, Fila, Mitrei и другие, у южных вепсов Jušk, Klui (< фамилия Клюев), хутор Nikanor, Vušak, Timb, в Шимозерье Gouroi, Miron (Кленозеро), Ontip (Кривозеро), Onton (Торосозеро) и др. Некоторые из них имеют параллели среди сложных по структуре образований: Hotoi—Hotamägi, Lučk—Lučkamättaz, Deremišt—Deremamposad, Mitrei—Mitreimposad. При подобном сосуществовании простой и сложной форм не просто установить, какая же из них первична. По всей видимости, часть из указанной группы названий представлена эллипсисами, тем более что указание на двукомпонентную структуру сохраняется в некоторых случаях в русском варианте названия: Krik—Крюкова Сельга (*Krikunselg), Lučk—Лучкина Гора (*Lučkanmättaz). Однако неравномерно усматривать эллипсис в каждом простом наименовании. Основная часть их является таковыми по происхождению, а наличие двукомпонентного варианта обуславливается законом топонимного ряда, аналогией с окружающими сложными по структуре наименованиями. Широкая известность названий поселений, а также тот факт, что поселение является центром, вокруг которого группируются различные географические реалии, способствует тому, что нет настоящей необходимости в оформлении ойконима поясняющим его номенклатурным термином.

Среди простых по структуре ойконимов выделяются производные и производные в топонимии образования. Производные топонимы омонимичны послужившим для их образования нарицательным именам: дер. Čoga < čoga 'угол', дер. Süfj < süfj 'край, сторона', дер. Haršom < haršom 'осиновый лес' и антропонимам: дер. Ondruš < Ondfušk, рус. Андрюш(к)а, Андрей; дер. Vušakohne < фамилия жителей Vušakohne, рус. Бушаковы; дер. Kiitaš < прозвище одного из жителей деревни Kiitaš, связанное с тем, что последний служил во время первой мировой войны писарем в Китае.

Производные ойконимы образуются с помощью словообразовательного аффикса, специфичного для данного класса имен.

Ниже анализируются вепские ойконимные форманты, их происхождение, хронология, ареал, выявляется характер основ, к которым каждый из формантов присоединяется. Все это не только несет лингвистическую информацию, но и выводит на решение задач, находящихся за пределами лингвистики (например, этническая история народа).

Среди вепских ойконимных суффиксов наибольшей информативностью обладает, без сомнения, -l-овый формант. Истоки его в древнем финно-угорском -l-овом суффиксе, который вследствие

своей локативной функции получил широкое распространение в прибалтийско-финской топонимии, где основная его функция — ойконимная, а отличительная особенность — присоединение к отантропонимным основам. Наиболее интенсивные скопления ойконимов на -la находятся в южной Финляндии, на Карельском перешейке, а также в восточном Приладожье, заселенном карелами-ливвиками (V. Nissilä 1962 : 92). Они распространены и в Эстонии, образуя наиболее плотный ареал на севере республики (V. Pall 1977 : 195—196).

На вепсской территории прибалтийско-финский -l-овый ойконимный формант представлен неравномерно, и эта неравномерность, как нам представляется, сложилась исторически. В ней отголосок истории и путей освоения вепсами Межозерья. Судя по нашим материалам, формант -l бытует прежде всего в ареале проживания средних вепсов, преобладая в западной его части (р. Оять и смежные с ней районы Капши), где наименования поселений на -l многочисленны: дер. Hübjoil, Nirgl, Kokoil, Kikoil, Varbal, Čikl, Viñhal, Vidl, Vingl, Šondal, Kerkoil, Pecoil, Kingl, (Оять), Ozroil, Korbal, Hirgoil, Haragol, Nurgoil, Noidal, Hundal (Капша). Он частично распространился и на смежную территорию южновепсского расселения: в бассейне р. Лидь известны дер. Čaigl, Peloil, Časl, Čagil и др. Приведенные примеры охватывают ареал современного вепсского расселения в Межозерье. Однако следы былого функционирования интересующего нас форманта обнаруживаются и на русской (обрусевшей) территории, сопредельной с указанным выше ареалом. В частности, в среднем течении р. Паши известны дер. Канжела, Пудроль, Кожлина, Тагола, Чаголина (ср. дер. Čagil на Капше), Кайбола, Имолово, к ним примыкает название бывшего погоста Кожела (XV в.); в низовьях Капши дер. Мурдола и Нуроля. В приведенных ойконимах русская адаптация практически не завуалировала вепсский оригинал, -l-овый формант в них налицо.

Иначе происходило усвоение вепсской -l-овой ойконимии русским языком в низовьях Ояти, Капши и в Присвирье, где в ойконимии массовое распространение получила модель на -ичи| -ицы: дер. Перхиничи, Люговичи, Тененичи, Шеменичи, Пижевичи, Шириничи, Федотовичи, Лембовичи, Гедевичи, Куневичи, Гуреничи, Уштовичи и др., причем случаи присоединения форманта к русской основе (типа Федотовичи) единичны. В массе своей основы субстратны. Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, в вепском Приоэтье и на Капше вепсская ойконимия на -l передается на русский язык именно с использованием русской ойконимной модели на -ичи| -ицы: дер. Nirgl—Ниргиничи, Terl—Тервиничи, Karhil—Каргиничи, Šondal—Шондовичи, Ozroil—Озровичи, Nurgoil—Нюровичи, Reboil—Ребовичи, Vingl—Винницы и т. д. Исходя из этого, правомерно предполагать, что на смежной обрусевшей территории во всяком случае часть ойконимов, оформленных показателями -ичи| -ицы (последний является «цокающим» вариантом -ичи типа Кургеницы, Вачукиницы и т. д.) — это в основе своей скрытая русской адаптацией вепсская -l-овая ойконимия. По мате-

риалам финляндского исследователя В. Ниссиля, которому удалось зафиксировать в языке карел-людигов, проживающих в северном Присвирье, некоторые прибалтийско-финские (В. Ниссиля считает их изначально вепскими) варианты для наименований современных русских сел Свири, можно реально восстановить -l-овый оригинал для некоторых русских ойконимов на -ичи|-ицы в Присвирье: Кинницы < Kinul, Пиркиничи < Pirkla, Согиницы < Sagil и др. (V. Nissilä 1947 : 13). Еще одним подтверждением вышеприведенного предположения выступает название села Юковичи. Это старинное русское присвирское поселение зафиксировано в XIII в. в приписке к Уставной грамоте Святослава Ольговича как погост «на Юсколе» (Я. Н. Шапов 1976 : 148), т. е. опять-таки современной форме на -овичи предшествовала -l-овая модель.

Ниже, в ходе анализа семантики основ -l-овых ойконимов, будет обращено внимание на то, что в основе многочисленных ойконимов на -ичи, бытующих в смежной с ареалом вепского заселения русской территории, восстанавливаются, как и в -l-овой ойконимии, вепские антропонимы (ср., например, ойконимы Мустинич, Рахковичи, Коковичи и др.). Данный семантический критерий — еще одно свидетельство в пользу -l-ового оригинала названий на -ичи на интересующей нас территории.

Отвлекаясь несколько от хода основного повествования, позволим себе остановиться на одной примечательной детали. Будучи одной из древнейших общеславянских моделей названий поселений, модель на -ичи возникла в результате перенесения наименований жителей на занимаемую ими территорию (S. Rospond 1937 : 209), в результате подавляющее большинство ойконимов на -ичи имеет антропонимное происхождение. Показательно, например, что из 120 ойконимов на -ичи, зафиксированных в новгородских писцовых книгах XV—XVI вв., более 100 образованы от антропонимов (С. А. Полковникова 1970 : 491—492). Семантическое родство ойконимов на -l и на -ичи не может остаться незамеченными и наводит на мысль о том, не явилась ли именно подобная семантическая близость основ причиной оформления суффиксом -ичи вепской -l-овой ойконимии при переходе в русскую языковую практику?

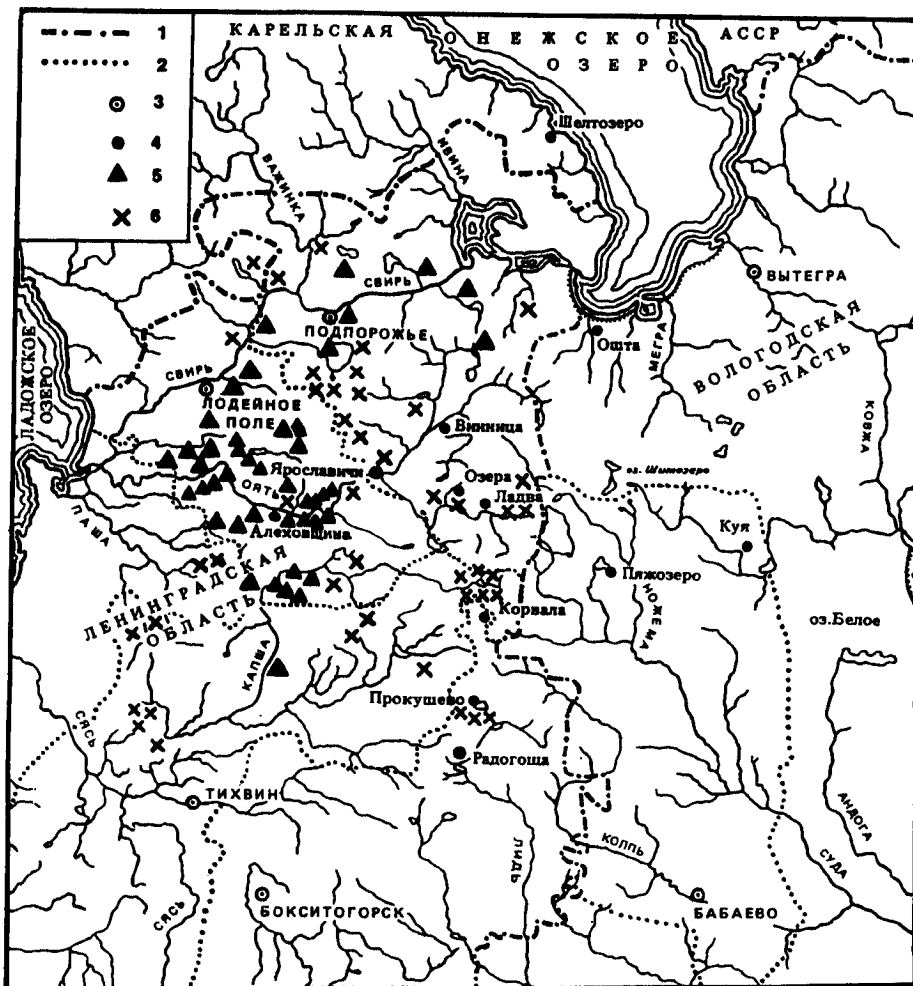
Несомненный интерес представляет и ареал ойконимов на -ичи в Межозерье. Последние образуют сплошной массив в нижнем течении Ояти, от устья реки до впадения в Оять рек Шапши и Ащины. Далее единый этот массив делится на три потока: один идет вдоль Ояти, другой по северным притокам Ояти рекам Савинке и Шапше переходит в южное Присвирье и достигает Свири, третий же уходит на юг от Ояти и распространяется вдоль течения реки Капши. Как видим, ареал ойконимов на -ичи практически дублирует ареал вепской -l-овой ойконимии, по крайней мере центральную ее часть.

Выше приведен целый ряд доказательств в пользу того, что ойконимия на -ичи в русском Межозерье имеет безусловную связь с вепской -l-овой ойконимией и, таким образом, при очерчивании ареала ойконимов на -l она должна быть принята во внимание. С учетом сказанного ареал вепской -l-овой ойконимии в Межозерье

вырисовывается следующим образом: Оять, Свирь в среднем течении, Капша, частично, видимо, Паша. По мере продвижения на южную периферию вепского заселения в Межозерье количество -l-овых ойконимов резко сокращается: названия поселений, оформленных -l-овым показателем, концентрируются здесь, на реке Лидь, вокруг бывшего Пелушского погоста, древнего южновепского центра. А на восточной окраине вепского Межозерья — в бассейне рек и озер, тяготеющих к Белозерью, и на северной — в Прионежье указанный ойконимный тип практически не получил распространения. Здесь не фиксируется ни одного надежного ойконима на -l, а преобладают названия поселений, восходящие к наименованиям природных объектов — реки, озера, озерные заливы: дер. Kalag < р. Kalag, дер. Šoutarv < оз. Šoutarv, дер. Vehkoi < руч. Vehkoi, дер. Voilaht <? зал. Voilaht, дер. Šimgäfv < оз. Šimgäfv, дер. Šatafv, < оз. Šatafv, вероятно, дер. Pondal, рус. Пондала, восходящее к названию реки Пондала, т. е. первоначален потамоним, который, видимо, входит в один ряд с другими наименованиями рек на -ла: Сондала, Мужала, Пяжела и др. Таков ареал -l-овой ойконимии в вепском Межозерье; центр распространения данной инновации находился, надо полагать, на западе вепского ареала — в юго-западном Присвирье (карта 4).

Исследователь финской топонимии В. Ниссиля, а за ним финский историк Е. Вахтола, анализируя топонимию Финляндии, приходят к выводу о том, что скопления ойконимов на -la, -lä находятся в местах наиболее раннего оседлого земледельческого освоения, в то время как территории, где преобладают ойконимы, образованные на основе наименований природных объектов, осваивались позднее (V. Nissilä 1962 : 92, J. Vahtola 1980 : 137). Этот вывод поддерживается на основе анализа эстонской топонимии В. Палль (V. Pall 1977 : 196, 237). По всей видимости, он резонен и для вепской топонимии. Судя по целому комплексу лингвистических, исторических и географических данных, территория юго-восточного Приладожья — это ареал, освоенный вепсами раньше других территорий. Курганы юго-восточного Приладожья свидетельствуют о появлении в южном Присвирье на рубеже I и II тысячелетия оседлого земледельческого населения (В. В. Пименов 1965 : 71, С. И. Кочкуркина 1985 : 179). Именно оседлое население привело к появлению поселений, а следовательно, и их названий. Причем, ареал наиболее интенсивного скопления ойконимов (реконструированных) указанного типа поразительным образом совпадает с ареалом наиболее раннего появления курганов (см. карту распространения курганов X—XI вв.: С. И. Кочкуркина 1973 : 62, С. И. Кочкуркина 1985 : 159, 161), позволяя детализировать, уточнить ту часть территории южного Присвирья, которая была освоена вепсами прежде других в Межозерье. Это Оять, точнее, ее нижнее течение.¹

¹ Более подробный анализ ойконимии -l-ового типа в контексте истории освоения вепсами Межозерья см. в главе «Этноисторические мотивы вепской ономастики».

Карта 4. Топоформанты -i и -ичи в ойконимии Межозерья.

5 — формант -ичи; 6 — формант -i.

Принято считать, что ойконимия благодаря ее большей социальной обусловленности в сравнении с другими разрядами топонимии очень нестабильна, изменчива и в силу этого недолговечна (с этим, кстати, связана и этимологическая прозрачность наименований поселений). Вепсская ойконимия в целом подтверждает данный тезис. Однако что касается -i-овой ойконимии, то она в подавляющем большинстве случаев закреплена за кустами поселений, а не за отдельными деревнями. Этот факт и обеспечивает ее стабильность, долговечность. Наименования гнезд поселений, как известно, достаточно устойчивы, многие из них сохранились с глубокой древ-

ности. На возраст -i-овой ойконимии косвенно указывает и ее этимологический анализ: лишь 60% всех -i-овых наименований поселений (с учетом ойконимов на -ичи — лишь 50%) поддается этимологизации, для значительного же количества ойконимов происхождение основы затемнено или же возможные этимоны неубедительны. Среди них *Sondal*, *Vingl*, *Vilhal*, *Mufjeil*, *Caigl*, *Časl*, *Kingl*, а также многочисленные ойконимы на -ичи|-ицы: Шутиницы, Шириничи, Шангеничи, Чимкиничи, Уштовичи, Суббочиницы, Рекиничи, Пилотовичи, Мириничи, Куневичи, Гуреничи, Герпиничи, Веченицы, Вачукиницы и др.

Хотя вопрос о характере основ вепских ойконимов на -i требует дополнительных изысканий, на основании имеющихся фактов родственных прибалтийско-финских языков, а также наших вепских материалов правомерен вывод о том, что подавляющее большинство поддающихся этимологии названий восходит к антропонимам. Причем если в финской и карельской топонимии многочисленны названия поселений на -la, восходящие к христианским личным именам (V. Nissilä 1962 : 91, 1967 : 283), то вепсская ойконимия на -i имеет дело практически только с дохристианскими (нехристианскими) вепскими антропонимами. Из общего числа вепских ойконимов с -i-овым формантом выявилось лишь два примера, которые могут быть, хотя и не бесспорно, возведены к православному именованию:

1) дер. Jerl, рус. Ереничи, Лериничи (Капша); ср. также бывшая дер. Jeramägi в южновепском ареале, дер. Jerkovaд на Ояти. В основе можно предполагать вепский антропоним *Jera, *Jerk, восходящий соответственно к рус. Ера, Ерка, которые в свою очередь являются производными от Ерофей, Ераст (Н. А. Петровский 1984 : 286, 287);

2) дер. Kikoil, рус. Кижовичи (Оять). В основе, очевидно, вепское личное имя *Kikoi, (ср. в русских источниках Кико, Кикин (Н. М. Тупилов 1903 : 177, 570), восходящие к имени Кирилл). Аналогии известны в топонимии Карелии. В. Ниссиля возводит к данному календарному имени название карельско-людиковской деревни Kikki (Кикки), а также карельские микротопонимы Kikinsuari, Kikallambi, Kikonniemi, на сопредельной русской территории дер. Кикино, Кикин Бор, Киково (V. Nissilä 1967 : 34).

И все-таки приведенные этимологии не безупречны, прежде всего потому, что современный вепский именовослов не сохранил двух указанных антропонимов и можно только предполагать их существование. Основная масса отантропонимных основ вепской -i-овой ойконимии представлена, как уже упоминалось, вепскими дохристианскими именами и прозвищами (см. подробно в разд. «Семантические модели»).

Другие встречающиеся в составе вепских ойконимов форманты в силу их относительной молодости и разрозненности примеров их употребления менее показательны с точки зрения историко-генетических процессов, хотя чрезвычайно интересны как языковые факты. В основном они восходят к омонимичным апеллятивным суффиксам с собирательной семантикой. Наглядный пример — следы

древнего прибалтийско-финского суффикса коллективного значения *-veh*, практически не сохранившегося в вепсских говорах в апеллятивном употреблении,² в некоторых вепсских ойконимах: дер. *Agvëh*, *Orgvëh*, *Seļgvëh* в составе средневепсского куста поселений Мягозеро, дер. *Orgvëh* ~ *Orgëh* в приоятском Надпорожье, дер. *Zinkvëh* и *Mišukvëh* в северновепсском кусте Другая Река. Чем вызвано перенесение и закрепление его в ойконимии? Очевидно, объяснение кроется в семантически сходной смысловой функции, выполняемой аффиксом в нарицательных и собственных именах. Первоначально формант *-veh* служил для обозначения патронимии, коллектива жителей малодворной (однодворной) деревни, населенной родственниками, т. е. выполнял своеобразную собирательную функцию. Практически ойконимы данного типа возникли в результате перенесения наименования жителей на занимаемую ими территорию: *Seļgvëh*, *Orgvëh*, *Agvëh*, (Мягозеро) первоначально обозначали население по месту жительства (*seļg* 'гора', *org* 'низина', *agj* 'край, угол'), а затем стали функционировать как ойконимы, закрепившиеся за соответствующим поселением, подобно тому как *Zinkvëh* и *Mišukvëh* (Другая Река), выступающие в качестве наименований двух деревень, первоначально служили, видимо, для названия жителей этих деревень. Последний факт находит подтверждение в современных фамилиях жителей: Зинковы в дер. *Zinkvëh*, Мишукковы в дер. *Mišukvëh*. На основании зафиксированных нами немногочисленных примеров трудно судить, имеем ли мы дело с рудиментами ойконимной модели, имевшей в прошлом более широкое распространение, или же это только единичные примеры. Все-таки достовернее исходить, видимо, из того, что ойконимы на *-veh* не развились в стройную систему, со своим ареалом, с определенным типом основ и т. д.

Теми же причинами (выполнение своего рода собирательной функции при обозначении патронимии) вызвано наличие еще одного вепсского ойконимного аффикса — форманта *-išt* (ср. на апеллятивном уровне *koivišt* 'березняк' от *koiv* 'береза'; *poģišt* 'молодежь', от *poģ* 'молодой'). Данный ойконимный формант имеет два островных ареала: один, четко выраженный, в северновепсском Прионежье, другой, представленный несколькими примерами, в Белозерье. В обоих отмеченных ареалах формант *-išt* встречается исключительно в наименованиях поселений, в то время как другие разряды топонимов (микротопонимов) его не знают совершенно, отдавая предпочтение семантически сходным суффиксам *-žom* (*-šom*) и *-ik*. В связи с этим *-išt* воспринимается здесь, особенно в Прионежье, где ойконимы на *-išt* более многочисленны, в качестве своеобразного указателя этого разряда топонимов. Функционируя в ойконимах, формант *-išt* оформляет отантропонимные основы, причем, если в случае с *-l*-овой ойконимией речь шла практически

исключительно о дохристианских вепсских именах, в данном случае налицо церковный именовослов. В Прионежье дер. *Deremišt* (*Derem* < рус. Еремей), дер. *Fedorišt* (*Fedor* < рус. Федор), дер. *Voinikišt* (ср. жители по фамилии Войниковы), дер. *Vasilišt* (*Vasilei* < рус. Василий), дер. *Tihoništ* (*Tihon* < рус. Тихон). К ним тяготеет дер. *Parišt*, также содержащая в себе указание на жителя: *rapp* 'поп, священник'. В Белозерье дер. *Prangatišt* — в вепсском варианте названия, видимо, метатеза, ср. русский вариант дер. Панкратово; дер. *Kindišt*, рус. Киндаево, ср. русское календарное Киндей (с производным Киндя, Киндюша) или производные Киндя, Киндюша, от календарного Акиндин, Иакинф (Н. А. Петровский 1984 : 299); дер. *Kaišt*, рус. Каино, восходит, возможно, к русскому календарному Кай (Н. А. Петровский 1984 : 127). Сам характер основ — церковный именовослов — свидетельствует о более поздней активности модели на *-išt* по сравнению с *-l*-овой моделью. Важно отметить, что оба ареала интересующей нас модели — Прионежье и Белозерье — это территория относительно позднего вепсского освоения по сравнению с коренной территорией юго-восточного Приладожья. Возникает закономерный вопрос, есть ли какая-то связь во всплесках продуктивности модели на *-išt* в обоих означенных ареалах. Случайно ли, что из всей серии вепсских собирательных суффиксов и в Прионежье, и в Белозерье был избран один и тот же формант *-išt*? Было бы заманчиво искать объяснение этой аналогии в едином источнике происхождения, и определенные основания для этого есть. На основе некоторых языковых данных, а также с учетом материалов исторической географии можно предполагать, что в Прионежье вепсское население частично проникло с Онежско-Белозерского водораздела, откуда шло и освоение вепсского Белозерья. Впрочем, не исключено, что единое время, единая функция, единый характер основ вызвали к жизни в разных ареалах и единую топонимную модель. При этом должно быть принято во внимание то общее для различения собственных и нарицательных имен правило, что при достаточной продуктивности модели территория распространения собственных и нарицательных имен обычно не совпадает с омонимичными формантами внутри одной языковой системы (Ю. С. Азарх 1981 : 15). Так вот, судя по данным СВЯ, у северных и особенно у белозерских вепсов в апеллятивах наблюдается явная тенденция к употреблению для обозначения собирательности суффикса *-žom*, в то время как семантически однородный суффикс *-išt* для этих территорий малохарактерен: *kivižom* 'место, изобилующее камнями' Бел, *bolžom* 'место, обильно поросшее брусникой' Бел, *habžom* Бел, *hapšom* Прион 'осинник', *kužžom* Бел, *kuššom* Прион 'ельник', *pedaižom* Бел, *ped ižom* Прион 'сосняк' и т. д. (ср. в Приолятье *kivišt*, *habikišt*, *kuzišt*, *pedejišt*). Подобная непопулярность форманта *-išt* на уровне нарицательных имен, видимо, и способствовала и в Белозерье, и в Прионежье, оказавшихся в сходных условиях, распространению модели на *-išt* в топонимии.

В ряду отмеченных формантов *-veh* и *-išt* должно рассматривать и ойконимный формант *-d*, получивший достаточно широкое рас-

² Ср. апеллятивы типа *poģvëh* 'выводок птиц'. Очевидная непродуктивность *-veh* в апеллятивах могла способствовать переходу форманта в разряд топонимных.

пространение в наименованиях деревень, входящих в куст поселений (т. е. частей гнезда поселений), и восходящий к грамматическому показателю множественного числа. Однако если у нарицательных имен категория числа является семантико-грамматической, то у собственных имен она формальна, т. е. не имеет специализированного словообразовательного значения, а прежде всего указывает на разряд собственного имени, в данном случае на принадлежность к ойконимии: дер. Arhipovad, Čigovad, Feikovad, Jerkovad, Johogovad, Kobegid, Maimistad, Mikšovad, Paskačud, Nilkičud, Petrojevad и др. в Приоятье. В разряд ойконимных формант перешел через переходную ступень — антропонимию, где обозначал, как и в описанных выше случаях с формантами -veh и -išť, коллектив жителей. Связь с последним многие ойконимы на -d сохраняют по сей день: ср. дер. Kobegid — жители Кобягины, дер. Mikšovad — Микшины, дер. Paskačud — Паскачевы. То, что многие из ойконимов указанного типа имеют отфамильное происхождение, т. е. в основе их русские формы фамилий на -ов| -ев (дер. Arhipovad, дер. Johogovad), свидетельствует, без сомнения, о молодости ойконимного типа на -d. Это подтверждается и самими объектами названия: ойконимы на -d служат наименованиями мелких частей поселения, хуторов. Наибольшее распространение данный ойконимный тип получил в Приоятье. Причем, наряду с ним здесь бытует и другой тип ойконимов — бесформантные, восходящие к соответствующим антропонимам названия: ср. дер. Kūrš (жители Кюршины), Mikkef (жители Миккеревы), Makar, Minač, Markoi, Ontip, Ofoń, Pańč, Semoi, Savič и др. Такое сосуществование двух типов ойконимов (оформленных показателем -d и бесформантных), восходящих к однотипным основам, свидетельствует о неустойчивости модели на -d и в конечном счете тоже о ее молодости.

Своеобразно образование ойконимов в ареале расселения южных или бокситогорских вепсов. Представленные в здешней ойконимии форманты -ou > -ō и -ip — следы явного русского влияния, усвоения русской посессивной модели на -ово и -ино: дер. Totogou — рус. Татарово, Vočou — рус. Боцево, Makō — рус. Маково, Mihailō — рус. Михайлово, Juhnō — рус. Юхново, Zahagin — рус. Захарино, Pāšin — рус. Паньшино, Kiškin — рус. Кишкино. Упомянутая модель представлена несколькими примерами и в ойконимии белозерских вепсов: дер. Puzou — рус. Пузово, Turžin — рус. Туржино, Kalinou — рус. Калиново. Данные территории являются южной и юго-восточной границами вепского ареала, и в силу окраинного расположения, а также ранних и прочных контактов с русским населением вепские говоры этих территорий подверглись на разных языковых уровнях значительному русскому влиянию. Не избежала его и топонимия. Показателен в этом смысле тот факт, что русская ойконимная модель на -ово и -ино представлена в русских вариантах вепских ойконимов практически по всему вепскому ареалу, она широко распространена на территории, смежной с ареалом вепского заселения. Однако лишь здесь, в юго-восточном углу вепского Межозерья, она была усвоена вепской топонимной систе-

мой — свидетельство прочных и давних здешних вепско-русских связей.

Каждый из описанных формантов, за исключением, может быть, ойконимов на -veh, не образующих в силу единичности примеров системы, характеризуется своим ареалом в вепском Межозерье (-išť в Прионежье, -d по преимуществу на Ояти, -ou(-ō) у южных вепсов), хотя единичные случаи употребления того или иного форманта можно обнаружить и вне основного ареала. Для выполнения одной и той же функции на разных участках вепской территории используются разные форманты. Объяснение этому факту следует искать и в лингвистических, и в экстралингвистических моментах. Среди последних особенности расселения, время заселения, контакты.

Признак, объединяющий все отмеченные выше вепские ойконимные форманты — присоединение их к отантропонимным основам. Это вызвано во многом внелингвистическими факторами — расселением малодворными — первоначально однодворными — деревнями, в названиях которых естественным образом закреплялось имя основателя или владельца крестьянского двора. Подавляющее большинство ойконимов, оформленных формантами, и сейчас выступает в качестве названий отдельных деревень — частей куста поселений, выселков, хуторов, причем некоторые из них по сей день сохраняют связь с фамилиями (именами, прозвищами) живущих. Исключением являются -l-овые ойконимы, которые, возникнув как названия однодворных поселений, постепенно, в ходе роста и сегментации последних, распространялись на все гнездо, и сейчас большая часть их выступает в качестве наименований гнезд поселений.

Каждый из описанных формантов имеет свой ареал и свою относительную хронологию появления. Эти два момента дают материал для выявления определенных фактов этнической истории вепского Межозерья. В частности, они свидетельствуют в пользу более раннего освоения вепсами Ояти и смежных с ней районов по сравнению с Прионежьем и Белозерьем. В свою очередь, аналогии в ойконимных формантах Прионежья и Белозерья имеют важное значение не только в собственно лингвистическом аспекте (проблема развития общих словообразовательных моделей), но и могут рассматриваться как возможное следствие единых источников заселения.

Восприятие русских ойконимных формантов на юго-восточной границе вепского ареала вызвано, по всей видимости, тесными и длительными контактами с русским населением, следствием окраинного положения здешних вепских говоров. Значительное русское влияние обнаруживается здесь не только в топонимии, но и на всех языковых уровнях.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЕПССКОЙ ОЙКОНИМИИ

Отправным пунктом семантического анализа являются внеязыковые категории и явления. В этом большая ценность семантического исследования: оно позволяет выйти за пределы собственно лингвистических категорий и понятий. Однако этой же причиной — экстралингвистической обусловленностью — вызван и существенный минус семантического анализа. Внелингвистический мир широк и разнообразен, он не оговорен, подобно лингвистическому, своей системой строго регламентированных понятий и категорий. В результате в семантической классификации неизбежен субъективный момент.

Попытки семантического подхода к изучению топонимов многочисленны. Однако практически все они несовершенны и во многом условны. Даже для этимологически прозрачных имен далеко не всегда можно определить, какой именно причиной вызвана та или иная топооснова. Исследователи все больше склоняются к мысли о том, что универсальная семантическая классификация, в которую, во-первых, укладывался бы весь топонимический материал, и которая, во-вторых, в каждом отдельном случае реально отражала бы мотивы номинации, невозможна. Во многих ситуациях лишь один творец географического имени (имядатель) может безошибочно указать на мотивы номинации. Кроме того, должно учитываться и то, что семантика не может быть постоянной, навсегда заданной. «Имя, денотат, общество — все это сущности, меняющиеся со временем. Имя может перестроиться до неузнаваемости, а его изначальная семантика и семантика спустя века — вещи весьма разные» (Теория и методика 1986 : 107). Очевидно, возможно лишь относительное приближение к реальным причинам номинации. Однако даже эта «относительность» чрезвычайно привлекательна для исследователя, ибо позволяет не только познать основы механизма номинации, но и выявить типовые топоосновы для той или другой топонимной системы и, ориентируясь на них, установить определенные смысловые критерии топонимной этимологии. Это в свою очередь позволяет восстанавливать отдельные исчезнувшие элементы лексики языка. Чрезвычайно привлекателен и выход лексико-семантических изысканий во внелингвистический мир, что делает из топонимии важный источник сведений о материальной и духовной культуре.

Основанием для семантических исследований топонимии служит то обстоятельство, что название появляется лишь тогда, когда объекты попадают в сферу человеческой деятельности и вовлекаются в область его культурных интересов. При происхождении географического название мотивировано, и содержание топонимного этимона в конечном счете зависит от места и времени появления топонима и от уровня общественного развития его творца.

Помимо историко-хронологической обусловленности, важным при выборе исходного апеллятива оказывается сама топонимная

система, законы ее функционирования. Топоним возникает в ряду других географических имен. Называя объект, имя индивидуализирует его, поэтому в качестве основы номинации избирается признак, отличающий искомый географический объект от подобных. Однако выбор дифференцирующего определения происходит в рамках имеющихся семантических моделей, на их основе.

Вепсская отантропонимная ойконимия

Отличительная особенность ойконимии на фоне других классов вепских топонимов — господство отантропонимного способа наименования. Подсчеты свидетельствуют, что примерно в 50% случаев производящей основой является антропоним — имя, фамилия, прозвище конкретного лица. Такое широкое распространение отантропонимной модели ни в коей мере не является отличительным признаком вепской ойконимии. Наоборот, это универсалия и для всей прибалтийско-финской ойконимии, и для наименований поселений смежных неприбалтийско-финских территорий. Причины продуктивности этой модели кроются в исторических, социально-экономических, географических условиях. Северная деревня, как известно, была при возникновении однодворной (малодворной) и продолжала в дальнейшем оставаться основной разновидностью поселения (Аграрная история северо-запада России XVI века. С.248). Самый естественный способ номинации в таких условиях — указание на первопоселенца (основателя) или современного владельца крестьянского двора. Многочисленные подтверждения этому обнаруживаются в писцовых книгах XV—XVI вв., которые, кстати, приводят чрезвычайно характерные случаи смены названия однородной деревни в связи со сменой владельца крестьянского двора (деревни). В качестве примера здесь любопытно упомянуть некоторые названия, относящиеся к территории вепского Прионежья, ибо писцовые книги отражают первые этапы освоения вепсами этой территории: «Дер. на Рыбежне ж словет на Житничном ручью Григорьевская: Малофейко Григорьев» (ПКОП, С.237), «Дер. на Шокше реке словет Воинковская: Власко да Иванко Воинковы» (ПКОП. С.106). Отантропонимная модель продолжала оставаться актуальной на протяжении многих столетий, она, по сути дела, никогда в истории функционирования вепской ойконимии не теряла активности. Менялся лишь характер антропонимов. На смену языческим именам постепенно приходят православные. Родовые прозвища, которые, видимо, отчасти выполняли функцию фамилий, сменяются официальными фамилиями, и среди наиболее поздних вепских ойконимов встречаются отфамильные образования.

Вообще в вепской ойконимной системе, послужившей для образования ойконимов, выделяются два слоя, неравноценных в количественном отношении: дохристианские (нехристианские) вепские имена и христианские антропонимы, пришедшие в вепский именослов из русского языка. Особая ценность вепской ойконимии в связи с вышеуказанным заключается в том, что в ней сохранились

в качестве словообразовательных основ многочисленные следы исконной вепсской антропонимии, утраченной языком. Вепсский дохристианский (нехристианский) именовослов на фоне достаточно хорошо известных по письменным памятникам и относительно исследованных финского, эстонского и карельского известен мало. Это обусловлено прежде всего малочисленностью его следов в ранних письменных документах, дающих лишь фрагментарное представление о его содержании. Среди наиболее ценных источников по средневековому вепсскому именовослову Писцовые книги Обонежской пятины XV—XVI вв., однако и этот источник, в силу того что вепсские антропонимы подводятся писцами в массу своей под русскую антропонимную модель, не всегда адекватно отражает оригинал. Очевидно, для получения наиболее полной картины о системе вепсских имен данные письменных памятников необходимо дополнить сведениями, которые могут быть почерпнуты из других источников. Среди последних — географические названия и прежде всего ойконимы — в силу продуктивности отантропонимного способа наименования. Особенно информативны в плане выявления вепсского именовослова, как свидетельствует материал, ойконимы на -I, основная масса которых — это стабильные во времени обобщающие наименования гнезд поселений; данный факт свидетельствует о сохранении в них старых антропонимов. Абсолютное большинство поддающихся этимологии вепсских ойконимов на -I содержат в основе нехристианские антропонимы.

Обращает на себя внимание большое число — около 50% — неэтимологизирующихся вепсских ойконимов на -I. Теоретически в числе этих 50% можно предполагать семантически самые разные мотивы номинации, хотя все-таки, принимая во внимание господство отантропонимного способа образования среди этимологически прозрачных ойконимов, а также тот факт, что древний вепсский именовослов известен нам лишь в общих чертах и в этих условиях трудно узнать имя внутри ойконима, надо признать большую вероятность преобладания отантропонимных ойконимов и среди этих затемненных названий.

Выявление следов вепсского именовослова в составе -I-овой ойконимии проводится на фоне родственных прибалтийско-финских систем, а также с учетом общих принципов и особенностей, характерных для дохристианской (нехристианской) прибалтийско-финской антропонимии. Здесь необходимо отметить, что сложно провести четкую границу между прозвищами и нехристианскими личными именами. Показательно в связи с этим, что исследователи древней прибалтийско-финской антропонимии по-разному определяют состав личных имен людей. У А.В. Форсмана это сотни личных имен, восходящих к апеллятивам с самой широкой семантикой (А.В. Forsman 1891). Д.Е. Штобке, наоборот, сводит число их до минимума, выделяя 23 личных имени, а все остальное относя к прозвищам (Д.-Е. Stoebke 1964). Э.Кивиниеми, отмечая чрезвычайную зыбкость границы между древними личными именами и прозвищами, склоняется к тому, что число достоверных дохристианских личных имен невелико, в

то время как антропонимы, могущие восходить как к личным именам людей, так и к их прозвищам, многочисленны (Е.Кивиниеми 1982 : 55). Система прозвищ была необычайно развита в древнем прибалтийско-финском мире, во многом заменяя собой систему получивших позже распространение фамилий. С особой силой она проявила себя у восточных прибалто-финнов. Распространение родовых прозвищ здесь было вызвано передвижениями населения, связанными с подсечным земледелием, а также обусловлено долго сохранявшимися большими семьями (Е. Кивиниеми 1982 : 55). Таким образом, и личные имена, и прозвища — важные составные элементы древней системы именования, а поскольку и те, и другие активно участвовали в образовании ойконимии, выявление их посредством этимологического анализа названий вепсских поселений одинаково оправдано.

Для части вепсских топонимов отантропонимная интерпретация, поддержанная данными родственными именовословом, налицо. Ниже приводятся некоторые примеры реконструированных вепсских антропонимов.

*Harag: дер. Harag(o)l ~ Haragal, рус. Харагиничи, в верховьях реки Капши. Восстанавливающийся в основе вепсский антропоним восходит к апеллятиву harag 'сорока'. Бытование данного антропонима в вепсской среде подтверждается известной у прионежских вепсов «уличной» фамилией Haragoñne (рус. Сорокин), а также данными родственных именовословов: ср. получивший широкое распространение в Приладожье антропоним Harakka (V. Nissilä 1975 : 135).

*Hübjoï: дер. Hübjoil, рус. Юбеничи, на верхней Ояти. Древнее имя или прозвище восходит к вепс. hūbj 'сова, филин', оформленному характерным -oi-овым антропонимным показателем. Ср. финские и карельские антропонимы Huuhkain, Нууриä той же изначальной семантикой апеллятива (V. Nissilä 1975 : 135).

*Härgoi: урочище Härgoïl в верховьях Ояти, в окрестностях с.Ладва. Вепсский антропоним Härg(oï), зафиксированный Л.Кеттуненом (L. Kettunen 1955 : 52), восходит к вепс. härg 'бык, самец лося'. Еще одно свидетельство бытования антропонима у вепсов — «уличная» фамилия Härgñine, рус. Быков, в вепском Прионежье. Вепсский антропоним имеет финские параллели: Härkä (A.V. Forsman 1891 : 126, 249), Härkönen, Härkälä, Härkänen (SN). Название расположенной в окрестностях г.Олонца дер. Härgoïl, очевидно, косвенным образом свидетельствует в пользу бытования антропонима и у карел-ливвиков.

*Kokoi: урочище Kokoil в с.Озера на Ояти, бывшая деревня. В основе ойконима реконструируется одно из наиболее широко распространенных, судя по средневековым письменным документам, древних прибалтийско-финских личных имен: ср. фин. Kokko, Kokkoi (A.V. Forsman 1891 : 127, 249), эст. Коек, Cокк(e), лив. Коске, Cokes (D.-E. Stoebke 1964 : 38—39), восходящих, видимо, к апеллятиву с семантикой 'орел'. Олонецкая топонимия, в том числе дер. Kokkoila (СНМ 1933), указывает на бытование антропонима у карел-ливвиков. Вепсский ойконим Kokoil (см.ниже также Ко-

ковичи на Капше, в ареале бывшего вепсского расселения) подтверждает функционирование имени *Koko и в вепсской среде.

*Noid: дер. Noidal, рус. Нойдала, в верховьях Капши. Антропоним, восходящий к вепс. *noid* 'колдун, колдунья', имеет, во всяком случае, финские параллели: ср. фин. *Noita*, выступающее в одном ряду с семантически однородными *Arpoi*, *Tietävä*, *Tuntia* и др. (A.V. Forsman 1891 : 247).

Ozroi: дер. Ozroil ~ Ozroif, рус. Озровичи, на реке Капше. Вепсский антропоним сопоставим с фин. *Ohra*, *Ohro* (A.V. Forsman 1891 : 250, 221), эст. *Odra* (H. Palli 1959 : 608), ср. вепс. *ozg* 'ячмень'.

*Rahkoi: дер. Rahkoil, рус. Раховичи, в верховьях Капши. Просматривающееся в ойкониме древнее имя восходит, очевидно, к апеллятиву *rahkoi* 'мифическое существо, домовый'. Антропоним *Rahkoi* неоднократно фиксируется в документах, относящихся к территории средневековой Финляндии (A.V. Forsman 1891 : 129), в материалах XVIв. по Карелии упоминается Гридка Рахкоев (А.И. Попов 1949 : 57); Рахой — один из вариантов имени героя пудожских преданий о Рахкое из Рагнозера (К.В. Чистов 1958 : 358—388).

*Reboi: дер. Reboil, рус. Ребовичи, на реке Капше. Бытование вепсского антропонима, в основе которого вепс. *reboi* 'лиса', подтверждается аналогиями из родственных именословов: ср. фин. *Repo* (A.V. Forsman 1891 : 139, 250), на Карельском перешейке и в Приладожье *Repo*, *Repoiprika* (V. Nissilä 1975 : 129, 132), эст. *Rebbe*, *Rebbenn* (D.-E. Stoebe 1964 : 64), *Rebbane* (H. Palli 1959 : 608), в писцовых книгах Карелии в Пиркиничих на Свири назван Данилка Ребуев (ПКК. С.69). Следы имени обнаруживаются и в «уличной» фамилии *Reboihine* (рус. Лисицын) у прионежских вепсов.

Приведенные этимологии достаточно однозначны, и выявляющиеся в составе географических названий древние антропонимы, видимо, в целом не вызывают сомнений. Естественно, далеко не вся вепсская -l-овая ойконимия столь прозрачна. Некоторые названия не поддаются интерпретации (*Šondal*, *Čaigl*, *Šigoil*), другие допускают и иные, непосевивные мотивы номинации. И все-таки, если исходить не из одного отдельно взятого географического названия, а из топонимного — в данном случае ойконимного — типа, предполагающего единые для всего типа правила образования и функционирования топонимов, то надо признать наиболее плодотворными поиски антропонимных истоков названия. Иначе говоря, в данном случае сам ойконимный тип, выступая показателем отантропонимного способа образования, увеличивает реальность антропонимных реконструкций. Руководствуясь этим, приведем несколько примеров, допускающих возможность отантропонимной интерпретации.

Kakoil ~ Kakijl, рус. Каковичи, бывшая вепсская деревня на Свирско-Оятском водоразделе. Исследования прибалтийско-финского именослова относят антропоним *Kak(k)o*, *Kak(k)i* к древнейшим

прибалтийско-финским личным именам (D.-E. Stoebe 1964), причем, что знаменательно, коллекции топонимического архива Финляндии безоговорочно свидетельствуют в пользу его восточного происхождения. Центр его распространения — Карельский перешеек (K. Julku 1986 : 22). Что касается апеллятива-этимона, в литературе по прибалтийско-финской антропонимии выдвигается предложение возводить антропоним к слову, известному практически всем прибалтийско-финским языкам в значениях 'ком (земли, снега, теста и т.д.)'; 'мотовило, катушка, кольцо лыжной палки, ржаной хлебца' (фин. *kakko*, кар. *kakku*, ливв. *kakk*, *kuakku*, люд. *kuak*—*SKES*). К ним, по всей видимости, примыкает и вепсская лексема *kak*, сохранившаяся в словосочетании *kakhu väta*, *kakuu vätä* 'играть в лунки' (СВЯ), в котором она обозначала деревянную шайбу, загоняемую в лунку.

Учитывая популярность антропонима *Kakko* в древнем прибалтийско-финском мире, а также -oi-овое оформление этимона — основы ойконима *Kakoil*, логично предполагать отантропонимное происхождение последнего и реконструировать в его основе антропоним *Kakoi.

Karhil, рус. Каргиничи, дер. на Свирско-Оятском водоразделе. По-видимому, в основе надо искать антропоним, аналогичный известным по документам XVIв. на территории Карельского перешейка антропонимам *Karhi*, *Karhinen*, *Karhiainen*, а также распространенному в это же время в юго-западной Финляндии прозвищу *Karhia*. Согласно Словарю финских имен и фамилий (SN), приводящему эти сведения, прозвище, перешедшее затем в фамилию, могло присваиваться человеку с жесткими, грубыми волосами или бородой, ср. фин. *karhea* 'шершавый, грубый'. То, что данная лексема неизвестна современным вепским говорам, не может, видимо, служить достаточным основанием для неприятия этимологии: упомянутый ойконим может представлять собой как раз след былого функционирования слова в языке. Не исключен и тот факт, что истоки некоторых вепсских антропонимов находятся не непосредственно в вепсском языке, но в более глубоком прафинском состоянии.

Pecoil ~ *Peceil*, рус. Пелдуши, дер. в Приоятье, при оз. Печевском (вепс. *Pečeinejätv* ~ *Pečjätv*), в материалах XVIв. «деревня в Печевичах» (ПКОП. С.252). Несовпадение вепсского и русского варианта названия — это, возможно, результат севернорусского неразличения фонем Ч и Ц (Р.И. Аванесов 1949 : 123). Видимо, в одном ряду с этим топонимом можно рассматривать и приоятский ойконим Печевичи — название современной русской деревни, в которой, однако, еще в послевоенные годы удалось зафиксировать образцы вепсской речи (М.М. Хямяляйнен 1958 : 15—19). Вепсский оригинал названия различные источники фиксируют несколько по-разному: *Pietsal* (E. Lönnrot 1902 : 223), *Petšlad* (V. Nissilä 1947 : 13), *Piesl*, *Pešl* (М.М. Хямяляйнен 1958 : 15), отражая, видимо, тоже в какой-то степени результат влияния русского неразличения

Ч и Ц. В качестве возможного источника этих двух ойконимов предлагаем прозвище *Pecoi, *Pecēi, восходящее к вепс. peci 'брюхо'. Ср. в Суйстамо (Приладожье) фамилию Pötsönen (V. Nissilä 1975 : 99), а также семантически однородный антропоним Vatsa (V. Nissilä 1975 : 138), подтверждающие принципиальную возможность слов данного семантического гнезда к онимизации. Любопытен также упомянутый ПК ОП антропоним Печей: Максимко Печей (А.И. Попов 1949 : 57).

И все-таки нет полной уверенности в достоверности предложенной этимологии, особенно в отношении второго ойконима. Недостаточно убедительно выглядят некоторые фонетические моменты, в том числе нестабильность 'с' в вепсском варианте и явное, не вызывающее сомнений «чоканье» в русском эквиваленте, наличие дифтонга в первом слоге, отмеченное некоторыми источниками. Дифтонгизация первого слога — характерная особенность печенского наречия (М.М. Хмяляйнен 1958 : 16), однако наличие дифтонга противоречит предложенной этимологии pecēi 'брюхо'. Любопытно в связи с этим упомянуть ливвиковскую лексему pečoi, переносное обозначение ребенка (картотека KKS). Известно, что лексема употреблялась в качестве прозвища; в такой функции она зафиксирована, к примеру, в начале века в Суйстамо, где прозвище Pietššu давали человеку маленького роста в отличие от Suitššu (человек большого роста, P. Linnakylä 1968 : 21). Аналогичное употребление можно предполагать и в вепсском языке, которому свойственно образование существительных с помощью форманта -č, передающего сходство с тем, что выражено коренным словом: koverič 'горбун', от kover 'кривой'; kuivič 'тощий человек', от kuiv 'сухой' и т. д.

Terl, рус. дер. Тервиничи. Этот расположенный в Приозье «погост в Тервиничех» упоминается еще в приписке к Уставу Святослава Ольговича XIII в. Каково происхождение названия? Кажется правомерным предполагать в основе его вепсский антропоним *Terv, аналогичный финскому и карельскому Tervo, Terve (A.V. Forsman 1891 : 127, 71), которые В.Ниссиля считает возможным возводить к апеллятиву terva 'смола' (ср. вепс. terv 'смола'), указывающему на вид деятельности (смолокурение) носителя антропонима — прозвища (V. Nissilä 1975 : 152). SN предлагает еще одну возможную этимологию, возводящую финскую фамилию Tervanen к прозвищу, указывающему на темный цвет волос (ср. фин. Terväpää). Видимо, обе интерпретации правомочны и для реконструированного вепсского антропонима.

Korvoil ~ Korval, рус. Корвала, деревня в верховьях реки Капши. В пользу отантропонимного источника топонима говорит предшествующий -l-овому форманту упоминавшийся уже показатель -oi, характерный для прибалтийско-финских антропонимов. В качестве возможной этимологии предлагается вепс. korv 'ухо', закрепление которого в функции прозвища Korv(o) могло быть вызвано особенностями внешности человека. Заметим, что SN считает возможной подобную интерпретацию для финской фамилии Korva (SN).

Vilhal ~ Vilhal, рус. Ярославичи, дер. на Ояти. В свое время этот ойконим попал в поле зрения А.В. Форсмана, который предполагал в его основе личное имя Vilha. В современном финском именослове Vilha — это неканонический вариант календарного Vilhelmi, однако уже сам Форсман высказывался за то, что в основе топонима скорее не упомянутое германское имя, а изначально свой, имеющий прибалтийско-финские истоки антропоним (Vilha, Vilho, Vilhu), который подобно многим другим не утратился при переходе к христианскому именослову полностью, а по созвучию стал восприниматься и употребляться в качестве неканонического, народного варианта календарного христианского личного имени. В качестве этимона для антропонима он предлагает фин. vilha(ke) 'быстрый, живой, подвижный человек' (A.V. Forsman 1891 : 76). Картотека KKS дает возможность исходить при интерпретации антропонима из семантики 'прямоствольная сосна' или 'прямой, длинный, стройный', зафиксированной для слова vilho в южнокарельских диалектах. Во всяком случае подобная семантика не чужда для прибалтийско-финской системы антропонимов — прозвищ. В общем контексте вепсской -l-овой ойконимии отантропонимная интерпретация для Vilhal ~ Vilhal кажется логичной и оправданной.

Nurgoil, рус. Нюрговичи, дер. на р.Капше. Заманчивым выглядит сопоставление с карельским и финским антропонимом Nyrhi (SN). Антропоним прозвищного характера Nyrhi зафиксирован и у северных карел в с.Чикша Калевальского района Карелии. В качестве источника его можно предположить кар. nyrhi 'туго соображающий, неумный человек' восходящее, в свою очередь, к nyrhi 'тупой, снавшийся топор или нож' (SKES, KKS). Подобная семантика, указывающая на характерную особенность человеческой личности, как известно, часто служила основанием для появления прозвища. Ср., к примеру, семантически аналогичные пейоративные антропонимы Nullu, Hölmö, Moukka, Hölkkö, Pölhö ('недалекий, глупый человек'), в обилии представленные в средневековых документах на территории Карельского перешейка и Приладожья (V. Nissilä 1975 : 146—147). Возможно, Nyrhi может входить в этот же ряд, а вепсский ойконим — след бытования антропонима и в вепсской среде. Определенная проблематичность в предлагаемую этимологию вносится, однако, фонетической стороной сопоставления. Поэтому оправданной выглядит другая возможная интерпретация топоосновы, связанная с вепс. hürkta (hurgub) 'канючить, надоедать, кланяться, ныть' (SKES). Отглагольное имя, обозначающее человека с соответствующими качествами, — реальная основа для появления антропонима. Дополнительным косвенным аргументом в пользу отантропонимного происхождения ойконима можно, очевидно, считать ту особенность вепсской ойконимии Капши, т.е. того микрорегиона, где функционирует и интересующий нас топоним Nurgoil—Нюрговичи, что абсолютное большинство здешних названий поселений — это -l-овая ойконимия отантропонимного происхождения (Reboil, Ozroil, Haragal, Rahkoil, Noidal, Korvoil и др.), и в этом смысле Nurgoil не выбивается из ряда подобных.

С известной долей вероятности антропонимные истоки можно предполагать и у некоторых других вепсских -l-овых ойконимов. Среди них Muŋjeil, Varbal, Čikl, Čagil и др. Впрочем, окончательное решение и для этих, и для некоторых других ойконимов данного типа затруднено не только возрастом -l-овой ойконимии и вызванными долгим временем функционирования возможными изменениями внутри нее, но и принципиальной возможностью образования топонимов по готовой модели. Последнее ведет к тому, что первоначально строго ограниченный круг топооснов, образующих -l-овую ойконимию, мог со временем в результате образования названий по готовой популярной модели утратить четкие границы. К тому же теоретически не исключено, что уже изначально абсолютное господство антропонимов могло быть ограничено тем, что в названии однодворной деревни, давшей начало поселению, закреплялось не имя ее основателя или владельца, а лексема с иной семантикой, к примеру отражающая географические или иные особенности местности. Среди дающих возможность иной, не антропонимной, интерпретации ойконимы Korbäl, рус. Корбиничи, ср. вепс. korbä 'глухой лес', Мурдола, ср. вепс. murd 'водоворот'. И все-таки сам материал, имеющийся в нашем распоряжении, показывает единичность названий -l-ового типа, образованных на основе неантропонимических мотивов номинации. Об этом же свидетельствует и ойконимия смежной русской территории, имеющая вепские истоки, но в результате обрусения населения приспособившаяся под нормы русского языка и местной русской топонимной системы. Привлечение ее позволяет значительно расширить список выявленных на основе анализа вепсской -l-овой топонимии вепсских антропонимов.

Отметим сразу, что -l-овое оформление топонимии на обрусевшей территории, т. е. усвоение названия как такового, встречается чрезвычайно редко. Практически этот тип ойконимов выделяется лишь в небольшом микрорегионе в среднем течении р. Паши и на прилегающей территории, где фиксируются названия поселений типа Кожела, Канжела, Кайбола, Нуроля, Пудроль, Имолово, Мурдола и некоторые другие. Чтобы не возвращаться более к этому материалу, позволим себе привести здесь несколько примеров отантропонимных расшифровок ойконимов указанной модели.

Пудроль, вепс. *Pudrol, *Pudr(oi)l, *Pudroil. В основе названия восстанавливается вепсский антропоним Pudr (ср. вепс. pudr 'густая каша'). Есть свидетельства реального бытования указанного антропонима в вепсском именовании. Он зафиксирован, в частности, Л. Кеттуненом у южных вепсов (L. Kettunen 1943 : 271). Предлагаемая интерпретация поддерживается данными родственных прибалтийско-финских именовании: ср. фин. Putro (Nissilä 1975 : 152), эст. Pudru (V. Pall 1977 : 177).

Кайбола, вепс. *Kaib(o)l. Ойконим заманчиво возводить к широко распространенной в древнем прибалтийско-финском мире группе имен с основой Kaipä-, восходящей к глаголу kaivata 'ждать, ожидать'

(т. е. 'долгожданный, желанный ребенок'). По сведениям, имена с этой основой встречаются не только у финнов, но у карел, эстонцев, води. Ср. Kaipä, Kaipia, Kaipio, Kaivas, Kaivo (A. V. Forsman 1891 : 167, 179, 246, V. Nissilä 1975 : 124), в документах XIV—XVI вв. эст. Caibas, Kaybi, Caibo, Keibo, лив. Kaybe, Kaiben (D.-E. Stoebe 1964 : 32 — 33), эст. Kaibeste, Kawiste, Caibeste, Kaibe (M. Kallasmaa 1985 : 17). Если предлагаемая нами этимология топонима верна, то мы имеем дело со следами бытования указанного антропонима и у вепсов.

Имолово, вепс. *Himal. Предлагаемый вепсский оригинал названия обусловлен слабой позицией начального фрикативного прибалтийско-финского «h». Ср. рус. игна < hihna, ямяря < hämäjä, юдега < huudehe (J. Kalima 1919 : 41—50). Он поддерживается и данными ономастиков родственных прибалтийско-финских языков, которым известен антропоним Hima, Himoi, Nimo (A. V. Forsman 1891 : 167) с семантикой 'желанный, ожидаемый (ребенок)'.
Здесь приведены лишь наиболее наглядные интерпретации. Очевидно, детальный анализ позволит реконструировать антропонимные основы и в некоторых других -l-овых ойконимах бассейна Паши.

Сохранение -l-ового оформления при русской адаптации — это, как уже отмечалось, исключение из общего правила, и предстоит еще ответить на вопрос, почему образовался этот островок со своеобразной адаптацией вепсского оригинала на Паше, с какими этническими, историческими, лингвистическими процессами это связано. Общее же правило заключается в том, что, усваиваясь русскими говорами, вепсская -l-овая ойконимия претерпевает формальные изменения, в результате которых -l-овый формант утрачивается и внешне приобретает вид русского ойконима. Способ адаптации отнюдь не един для всего Межозерья. К примеру, в южновепсском ареале и на прилегающей к нему русской (обрусевшей) территории русские соответствия вепсских -l-овых оригиналов оформляются в основном показателями -ин или -ов l-ев (Čaigl — Чайгино), которые не являются дифференцирующими, присущими исключительно этому типу ойконимов. Они не позволяют в массе образованных данными формантами ойконимов безошибочно признать, различить -l-овую ойконимию. Зато такой дифференцирующей силой обладает ойконимный показатель -ичи и его «цокающий» вариант -ицы, присутствующий в названиях поселений русского Приюжья, Свирско-Оятского водораздела, на русской Капше: Вачукиницы, Гонгиничи, Коковичи, Куневичи, Лембовичи, Лавиничи, Ньюбиничи, Пахтовичи, Пижевичи, Рекиничи, Суббочиничи, Уштовичи, Шангиничи, Юбеничи и др. В основе если не каждого, то большинства из них, как доказывалось выше, можно предполагать вепсский -l-овый оригинал. Это позволяет использовать ойконимию на -ичи, распространенную в северном Межозерье, наряду с -l-овой вепсской ойконимией для реконструкции вепсского именовании. Ниже представлены некоторые примеры такой реконструкции.

Валданицы, дер. в Приоятье. В основе названия восстанавливается вепсский антропоним *Vald, аналог широко известного в средневековом прибалтийско-финском мире личного имени Valta, Valto (A. V. Forsman 1891 : 165), восходящего к лексеме valta 'сила, мощь, господство'. Для данного антропонима характерно наличие производных (Valto, Valtari, Valtama), а также употребление в качестве составной части сложных прибалтийско-финских антропонимов (Valtalempi, Ikävalta, Kaukavalta, Lempivalta, Kaikkivalta и др.). На этом основании Д. Штобке, реконструирующий систему древних прибалтийско-финских личных имен, относит его к числу выделенных им 23 древних имен, составляющих основу прибалтийско-финского именослова (D.-E. Stoebe 1964 : 130—135, 140). В этом контексте, видимо, должен рассматриваться и топоним Валданицы, законсервировавший в себе древнее вепсское личное имя *Vald.

Герпиничи, дер. в русском Приоятье. В качестве возможного вепсского этимона названия можно предложить антропоним прозвищного характера *Högr-, ср. вепс. högrötada 'болтать (молоть языком)'. Возможность именно такой интерпретации поддерживается косвенным образом ливвиковским ойконимом Högrpäälä (рус. Герпяля). Семантические аналоги зафиксированы по крайней мере в антропонимии Карельского перешейка, ср. Hölpö ödhe (hölpöttäa 'говорить глупости'), Hodari Höblänpoika (höplä 'болтун'), Höpötti Jsakanpoika (höpöttäa 'бормотать, болтать') (V. Nissilä 1975 : 144—145).

В литературе по финской ономастике обсуждается и возможность германского источника антропонима Негрра, некалендарного варианта имени Негман (SN). Впрочем, еще Форсман высказывался за прибалтийско-финские истоки ойконима Негрра, возводя его к апеллативу hegrra 'одна из разновидностей тюленя' (A. V. Forsman 1891 : 80) и относя его к числу тех древних финских имен, которые при переходе к христианскому именослову приобрели функцию неканонического варианта христианского имени. Видимо, и такую интерпретацию не следует полностью игнорировать, хотя для вепсской ойконимии первая этимология выглядит естественнее.

Гоморовичи, дер. на Сви́рско-Оятском водоразделе. Исходя из фонетических закономерностей русской адаптации прибалтийско-финских топонимов в Присвирье, вепсский оригинал ойконима должен иметь вид *Namaral. Лексема namar, выступающая в основе названия, в вепсском и других прибалтийско-финских языках обозначает обух топора или ножа (SKES). Встает вопрос, может ли слово с подобной семантикой выступать в качестве антропонима. В прибалтийско-финской антропонимии есть примеры того, как семантически близкие лексемы приобретают антропонимную функцию (ср., к примеру, упоминавшийся выше антропоним Nyrhi). Исходя из этого, надо полагать, что и антропоним Namar(a) вполне возможен. Его бытование, между прочим, подтверждается данными письменных источников XVII в. по территории северного Приладожья и северной Финляндии: Jorgmolka Namarin, Gnutt Namara,

Matz Namara, Jöns Namara и др. (SN). Расположенный в ареале бывшего вепсского расселения ойконим Гоморовичи может в контексте вышесказанного рассматриваться как свидетельство бытования антропонима Namar и у вепсов.

Гуреничи, дер. на Капше. В качестве этимона названия можно предложить вепсский антропоним, соответствующий финскому прозвищу Hurja, характеризующему отчаянного, буйного, неистового человека. Ср. Huria Mickel, род Hurja, Anders hurian (V. Nissilä 1975 : 119, 146).

Имоченицы, дер. в низовьях Ояти. Реконструирующийся вепсский оригинал топонима — *Himačal — восходит к упоминавшемуся уже в связи с анализом топонима Имолово древнему антропониму Hima в значении 'желанный, долгожданный', оформленному продуктивным в вепсской и карельской ономастике словообразовательным суффиксом -č (кар. -čču, -tsu). Ср. в Приладожской Карелии фамилии Ihatsu, Ivatsu, Karhatsu, Kauhatsu, Ohvatsu, Padatsu, а также особенно показательный в связи с анализом интересующего нас названия зафиксированный тут же, в Приладожье, карельский ойконим (название дома) himattšu (V. Nissilä 1975 : 284). Судя по топонимическим фактам Приоятья, антропоним *Hima, *Himač имел распространение и в вепсской среде.

Курикиничи, дер. на Капше. Многочисленны свидетельства письменных источников и устной традиции о распространении антропонима Kurikka, Kurik, Kurikku в прибалтийско-финском мире, у финнов, карел, эстонцев (A. V. Forsman 1891 : 247, 229, D.-E. Stoebe 1964 : 41, J. Mägiste 1929 : 33, J. Simm 1973 : 187, К.В.Чистов 1958 : 371). В основе антропонима прибалтийско-финское слово kurikka 'дубина, колотушка для колки дров', известное и вепсам. В Ниссиля называет данную основу в ряду тех антропонимов, которые образовались от лексем, содержащих указание на профессию или орудие труда (V. Nissilä 1975 : 152). Вполне возможен, однако, и иной мотив, связанный с переносным значением лексемы: вепс. kurik 'башка' (СВЯ), ср. ливв. kurikkureä 'большая голова' (СЛН), kurikkareä 'большоголовый ребенок' (KKS), люд. kurikiä(tširvoi) 'головастик' (LS). Судя по ливвиковским и ливвиковским материалам, хранящимся в картотеке Института ЯЛИ в Петрозаводске, слово характеризуется еще и дополнительным негативным оттенком 'пустоголовый'. В целом подобная семантика чрезвычайно благодатна для возникновения прозвища (ср. V. Nissilä 1975 : 138).

Ойконим Курикиничи, вепс. *Kurikal, дает основание распространять сферу бытования рассматриваемого прибалтийско-финского антропонима и на вепсов, причем это основание подкрепляется по крайней мере еще одним вепсским топонимическим фактом — микротопонимом Kurikmägi или Kurikanmägi (mägi 'горка') у южных вепсов.

Лембовичи, дер. на Капше. Для реконструкции вепсского оригинала и его этим она можно предложить две возможные интерпретации, ибо в древнем прибалтийско-финском мире в именослове имелись

по крайней мере две семантически разные группы имен с основой *lemp-*: *Lempi*, *Lempeä*, *Lemmitti* (*lempi* 'любовь') и *Lemro* (*lempo*, *vepc. lemboi* 'нечистая сила, черт').³ Слово *lempi* неизвестно современным вепсским говорам, однако вряд ли это может служить достаточно надежным основанием для неприятия первого варианта: слово могло утратиться (ср. функционирование его в близкородственных языках южной Карелии), или же, что тоже нельзя упускать из виду, древнее личное имя могло сохраниться в качестве такового со времен прибалтийско-финского языкового единства, во всяком случае именно к этому времени возводят истоки антропонима специалисты по прибалтийско-финской ономастике (D.-E. Stoebe 1964: 95—97). Второй вариант — *Lemboi* — тоже имеет право на существование: в его пользу свидетельствует присутствие антропонима Лембоев в материалах Писцовых книг по вепсской территории (А. И. Попов 1949: 57), а также сама принципиальная возможность антропонимизации семантически однородных лексем. На это указывают, например, антропонимы *Rahkoi*, упоминающиеся В. Ниссиля *Hiito*, *Kouko*, *Peikko*, *Tarpo*, *Tursas*, восходящие к именам мифологических персонажей (V. Nissilä 1975: 128).

Мустиничи, дер. в среднем течении р. Ояти. В основе названия реконструируется вепсский антропоним *Must, *Mustoi (из вепс. *must* 'черный'), сопоставимый с финским и карельским *Musta* (V. Nissilä 1975: 142), эстонским *Must*, *Musta* (L. Kettunen 1955: 79, 255). Оно неоднократно фиксируется в письменных документах XVI—XVII вв., относящихся к территории восточной Финляндии, Карельского перешейка, Приладожья (SN), в Писцовых книгах Обонежской пятины Иванко Мустар, Мустоев (А. И. Попов 1949: 57).

Пижевичи, дер. в составе с. Люговичи, расположенного на Свирско-Оятском водоразделе. Для интерпретации ойконима полезно привлечь ономастические данные родственных прибалтийско-финских языков, ср. антропоним *Piidžu*, рус. Пижув, в ливвиковском Приладожье (картотека KKS); дер. *Pižul*, рус. Пижула, в составе с. Вохтозеро Кондопожского района Карелии; дер. *Piñč* ~ *Piñž* в составе с. Шокша в вепсском Прионежье, причем жители деревни носят фамилию Пинжаковы. В основе приведенных онимов явное прозвище, восходящее к ливв. *pidžu*, *pifššu*, вепс. *piñž* 'вульва'. В ряду этих же собственных имен должно, очевидно, рассматривать и ойконим Пижевичи. По-видимому, данная основа — не единственный пример антропонимизации лексем с аналогичной семантикой. Ср., к примеру, дер. *Präkkilä* (рус. Прякиля) в Паданской Карелии, дер. *Präkkä* (рус. Прякки) в Пряжинском районе Карелии (СНМ 1933), восходящие к антропониму, имеющему в основе апеллатив *präkkö* 'вульва' (картотека KKS).

³ В прибалтийско-финских ономастических исследованиях они зачастую рассматриваются вместе (например, у Форсмана, Штобке), ср., однако, две отдельные словарные статьи в SN.

Русконицы, дер. в северном Приольтье. А. Алквист, посетивший деревню в середине XIX века, застал ее еще населенной вепсами и зафиксировал вепсский оригинал топонима — *Rusttal* (E. A. Tunkelo 1946: 5). В основе ойконима вепсский антропоним *Rusked, который в свою очередь восходит к апеллативу *gusked* (вепсский вариант названия определяется основой косвенных падежей слова: *gusked*: *gusttan* 'красный, румяный, красивый'). В. Ниссиля, анализируя аналогичные антропонимы *Ruske*, *Ruskia*, *Ruskiainen*, считает, что их возникновение было обусловлено цветом волос или бороды носителя прозвища (V. Nissilä 1975: 142). Семантика вепсской лексемы не исключает и другую интерпретацию — красивый, румяный; ср. в связи с этим северновепсскую «уличную» фамилию *Käbedahne* (вепс. *käbed* 'красный, красивый').

Очевидно, не все из приведенных интерпретаций в равной степени убедительны, однако общий вывод о возможности использования *-l*-овой ойконимии для выявления древней системы именования вепсов не вызывает сомнения.

Реконструирующаяся система вепсских антропонимов включает в себя как единицы, могущие квалифицироваться как личные имена, так и несомненные прозвища. Этимологические изыскания показали, что далеко не все восстановленные с привлечением данных родственных именословов вепсские личные имена имеют в вепсском языке апеллативные этимоны. По-видимому, даже с учетом того, что в процессе исторического развития язык претерпевает изменения, в частности утрачивает определенные лексемы (так что этимоны некоторых антропонимов могли просто выпасть из вепсских говоров), надо признать для определенных антропонимов возможность не непосредственно вепсских, но более глубоких, прибалтийско-финских, истоков. Во всяком случае некоторые вепсские имена, отразившиеся в вепсской *-l*-овой ойконимии, имеют соответствия в реконструированной Д. Е. Штобке прафинской системе личных имен (*Kokko*, *Lemro*, *Valta*). Не всякий оним, таким образом, есть свидетельство былого распространения в языке апеллатива-этимона. Будучи достаточно широко представленными в *-l*-овых ойконимах, древние вепсские антропонимы практически полностью отсутствуют в других ойконимных типах. По-видимому, этот факт увязывается с возрастом *-l*-овой ойконимии и является одним из критериев ранней активности данного ойконимного типа по сравнению с другими разновидностями наименований поселений.

Единые следы вепсских антропонимов обнаруживаются в названиях концов, отдельных деревень, входящих в гнездо поселений. Безусловно, этот тип ойконимов моложе, чем *-l*-овая ойконимия, которая, напомним, представлена в основном наименованиями кустов поселений. Примечательно в связи с этим, что топоосновы этого типа находят продолжение в современных фамилиях жителей (дер. *Paskačud* — Паскачевы; дер. *Naragommättäz* — *Naragohne*, рус. официальное Сорокины и др.). Очевидно, для этих и подобных ойконимов надо предполагать в основе родовое прозвище, которое позднее или перешло в официальную фамилию, или сохранилось

в качестве неофициальной фамилии, или же утратилось, сохранив, однако, память о себе в названии деревни.⁴

Ниже приводятся некоторые примеры, иллюстрирующие этот тезис.

Nabukad, рус. Габуки, бывшие выселки в окрестностях с. Шелтозеро. В основе названия антропоним *Nabuk (ср. вепс. *habuk* 'ястреб'), следы которого сохранились в вепс. фамилии *Nabukahne*, рус. Габуков, и сейчас бытующей в вепсском Прионежье.

Haragommättaz, рус. Сорокина Гора, дер. в составе с. Горное Шелтозеро в Прионежье. В основе вепс. антропоним *Harag*, ср. вепс. *harag* 'сорока'. В деревне и сейчас проживает семья, известная под уличной фамилией *Haragohne*, официальная фамилия Сорокин представляет собой перевод вепсского оригинала.

Höřč, дер. в составе с. Шошка в Прионежье. Фамилия ее жителей *Höřčhižed*, рус. Герчины, восходит, видимо, к прозвищу *Höřč*, в основе которого вепсская лексема *höřč* 'остожье', в переносном значении обозначающая задиристого, непокладистого по характеру человека.

Kukei, дер. в составе с. Шелтозеро (Прионежье); *Kukoi* (*mägi*), дер. в составе с. Ладва в верховьях р. Ояти. В основе усматривается вепсский антропоним *Kukoi*, ср. вепс. *kukoi* 'петух'. Архивные материалы середины прошлого столетия по Шелтозеру упоминают здесь фамилию Кукоев (ЦГА Карелии, ф. 37, оп. 58, 19/117, л. 87). Интересно, что наряду с вариантом *Kukei* в Шелтозере известна также форма *Kukeihineposad*, явно указывающая на антропонимное происхождение названия.

Paskačud, дер. в составе с. Немжа в Приолятье. Ойконим имеет явные антропонимные истоки и восходит, видимо, к родовому прозвищу *Paskač, отразившемуся в современной фамилии Пачкачев, известной в с. Немжа. В основе вепс. *paskač* 'воробей'. Свидетельством антропонимного происхождения данного ойконима выступает и сама ойконимная модель, представляющая собой оформленную показателем множественного числа фамилию: ср. в Немже дер. *Fručkinad*, *Kosfakod*, в соседних селах Приолятья дер. *Arhipovad*, *Fefkovad*, *Ijavad*, *Johorovad*, *Jerkovad*, *Hebačovad* и др.

Reboimägi, дер. в Приолятье, в составе с. Ярославичи; *Rebagj*, рус. Рябов Конец, дер. в верховьях р. Капши. В основе ойконимов уже реконструированный выше в связи с этимологической интерпретацией названия *Reboil*, рус. дер. Ребовичи, вепсский ойконим *Reboi*, ср. вепс. *reboi* 'лиса'. В пользу правомочности предлагаемой интерпретации говорит опять-таки ойконимная модель: *Reboimägi*

⁴ Заметим, что в вепсском именовании сохранились следы бытования таких родовых прозвищ. Это так называемые «уличные», или неофициальные, фамилии, система которых, судя по нашим материалам, претерпела меньше разрушений у прионежских вепсов. Несколько примеров: *Reboihijne* (рус. Лисицин), ср. *reboi* 'лиса'; *Koňdijahne* (рус. Медведев), ср. *koňdi* 'медведь'. *Rämegahne* (рус. Рямзин), ср. вепс. *rämegata* 'гремять', *gamzeita* 'громыхнуть', ср. в связи с этим соответствие *Rämegahne* — Громов, также известное в Прионежье; *Rorakohne*, ср. *gorak* 'оспина, рябина' и др.

входит в один ряд с другими ойконимами Ярославичей с детерминантом *-mägi* и бесспорным антропонимным атрибутом: *Dogoimägi* (*Dogoi* < Дорофей), *Grišamägi*, *Konoimägi* (*Konoi* < Конон), *Pirhumägi* (ср. рус. Першина Гора) и др. Аналогичным образом многочисленные примеры вепсских ойконимов свидетельствуют об антропонимной основе названий поселений на *-ägi* (вепс. *ägi* 'конец'): *Ondgiaģi*, *Oreškaģi*, *Semukaģi*, *Tihonaģi*, *Tiškaģi* и др.

Для получения наиболее полного представления о закреплении вепсских антропонимов в составе наименований поселений и о характере самих антропонимов любопытно привести здесь в дополнение некоторые данные Писцовых книг Обонежской пятины XV—XVI вв. по вепским погостам. В Остроречинском погосте упоминаются:

дер. Келасово на Шокше (с. 110), ср. вепс. *kelaz* 'лгун, льстец';

дер. на Шокше Ребуевская (с. 106), ср. вепс. *reboi* 'лиса';

дер. Варзинская (с. 109), в основе названия которой, видимо, можно усматривать вепс. антропоним, восходящий к *varz* 'жеребенок';

дер. Керзоевская (с. 110), название восходит, очевидно, к прозвищу *Kařz, ср. *kärz* 'морда животного, некрасивое, безобразное лицо'.

Писцовые книги Карелии XVII в. по вепским погостам упоминают: «Дер. Кургина Таруево на Горкине Горе» в Веницком погосте (с. 481) и «Дер. Кургинская Васка Трофимов Кургин» в Оштинском погосте (с. 438). В основе явный вепсский антропоним *Kurg (ср. фамилию Кургин), восходящий к *kurg* 'журавль'.

В целом все же примеры такого рода единичны. Их малочисленность объясняется не только тем, что вепсские имена были вытеснены русским церковным именованьем, но и подвижностью, изменчивостью самого класса ойконимов, когда древние названия сменяются новыми.

Подводя итог, укажем, что старые антропонимы, восстановленные в результате предпринятого исследования, дают, во-первых, представление о вепсском именовании, вводя его в один ряд с исконными именованьями других прибалтийско-финских народов. Во-вторых, это оригинальная информация об этнической истории, в частности о вепсском освоении территории. Анализ дал в наши руки еще одно свидетельство относительно ранней активности *-l*-ового форманта: наглядно выявилось практически полное отсутствие в составе *-l*-овой ойконимии христианских имен. Это, в свою очередь, можно рассматривать как свидетельство относительно раннего появления самих поселений, названия которых оформлены *-l*-овым показателем (вероятно, до официальных переписей). Характерно в связи с этим, что в подавляющем большинстве случаев последние являются наименованиями кустов поселений, а не отдельных деревень.

С начала II тысячелетия, с проникновением в область проживания вепсов русского населения, несшего с собой православие, вепсские имена начинают сменяться русскими православными. Судя по данным писцовых книг, относящихся к вепсской территории,

к XV—XVI вв. православный именовослов завоевывает прочные позиции в вепсской среде. Следы вепсских антропонимов сохраняются в основном составе прозвищ (Микифорик Ихкуев, Ивашко Керчуй, Васка Келнос — ПКК. С. 35—37). Однако есть основания предполагать, что на неофициальном уровне вепские антропонимы продолжают сохранять активность значительно дольше. Об этом свидетельствует, в частности, система уже упоминавшихся «уличных», или неофициальных, фамилий вепсов, часть которых с появлением официальных фамилий перешла в разряд последних: ср. Nabukahne — Габуков, Naragohne — Сорокин, а также современные вепские фамилии Кярзин, Кукоев и др. При этом переход к официальному православному именовослову не препятствует образованию и функционированию вепсских антропонимов-прозвищ, которые широко бытуют на неофициальном уровне и, как следствие, попадают и в топонимию. Однако в целом в вепсских ойконимах все же явно преобладает православная антропонимия. Причины кроются уже в самом объекте названия. Простой арифметический подсчет свидетельствует, что среди ойконимов подавляющее большинство составляют наименования отдельных деревень, концов, входящих в гнездо поселения, а также названия выселков и хуторов. По подсчетам З. П. Малиновской, «преобладающее число обществ состоит из деревень в пределах двух десятков» (З. П. Малиновская 1930: 181), и каждая имеет свое название. В отличие от устойчивых во времени наименований кустов поселений названия отдельных деревень, наоборот, достаточно подвижны. Практически ни одно из названий современных вепсских деревень — частей гнезд поселений не подтверждается материалами писцовых книг XV, XVI, XVII вв. Более того, смена названий поселений, зафиксированная документально, имела место еще в середине прошлого столетия (И. И. Муллонен 1988а: 53). Такая неустойчивость способствовала тому, что старая вепсская антропонимия, присутствовавшая в ойконимах, сменялась новой, что и вызвало преобладание православных имен.

Однако система вепсского языка, в частности фонетические закономерности и особенности словообразования, накладывают отпечаток на бытование русских имен в вепсской языковой среде. Необходимо принимать во внимание также тот факт, что календарные имена заимствовались через посредство севернорусских говоров и поэтому сохраняют свойственные последним особенности фонетики и словообразования, в частности особенности образования гипокористических имен: Ašei < Аша, производные от рус. церк. Анна; Šańka < Шаня, Шанька, восходящее к Александру; Tera, Teroi < Теря, уменьшительная форма от Терентий, Okša < Окса, в свою очередь восходящее к Ксения и т. д.

Ниже приводятся некоторые примеры вепсских ойконимов, в основе которых закрепились вепские имена, восходящие к соответствующим русским оригиналам.

В Прионежье:

Hamamättaz (с. Шелтозеро) соотносится с вепс. Нама, Нома, ср. рус. Фома (V. Nissilä 1943: 53—54);

Jida (д. Каккарово), ср. вепс. *Jida; русский оригинал антропонима (Июда) восстанавливается при сопоставлении вепсской и русской форм фамилии жителей деревни: Jidahne — Июдин;

Dimš, Dimšamposad (д. Матвеева Сельга), вепс. Dimš из рус. Димша, уменьшительное от Дмитрий.

На Ояти:

Doroimägi (Ярославичи): вепс. Doroï — рус. Дорофей;

Juš ~ Jušimägi (Ладва): вепс. Juš, Juša — рус. Иван;

Levoimägi (Пелдуши): вепс. Levoi — рус. Леонтий;

Makar (Ладва): вепс. Makar — рус. Макар;

Markoi (Надпорожье): вепс. Markoi — рус. Марк;

Oškanmägi (Пелдуши): вепс. Oška — рус. Оська <|Осип;

Semoimägi (Надпорожье): вепс. Semoi — рус. Сема <|Семен;

Timoimägi (Шондовичи): вепс. Timoi — рус. Тима <|Тимофей;

Tišagj (Озера): вепс. Tiša, Tišoi — рус. Тиша <|Тихон.

В Белозерье:

Aksintanh — рус. Аксеново (Пондала): вепс. *Aksin — рус. Аксен;

Aršanfutor, хутор в районе д. Войлахта: вепс. *Arša — рус. Арся < Арсений;

Markutan, рус. Марково (Войлахта): вепс. Mark — рус. Марк;

Virahtan, рус. Вирино (Войлахта). Сопоставление с русской формой, а также с однотипными вепскими ойконимами Белозерья (ср. Aksintanh, Markutan) позволяют видеть в Virahtan контанацию (< *Viratanh, tanh 'двор, хлев') и, таким образом, восстанавливать в основе старый редкий антропоним Вир (Н. А. Петровский 1984).

У южных вепсов:

Juhnō, рус. Юхново: в основе рус. Юха, восходящее, в свою очередь, к рус. Ефим (Н. А. Петровский 1984);

Maksimägi, рус. Максимова Гора: вепс. Maksim — рус. Максим;

Jušk, рус. Юшково: вепс. Juš, Juša — рус. Юша, восходящее к календарному Иван;

Timō ~ Timoi, рус. Саньков Бор: вепс. Timoi — рус. Тима < Тимофей.

В Шимозерье:

Mikoimägi, рус. Микова Гора (Кривозеро): вепс. Mikoï — рус. Мика < Михаил;

Hotoi, рус. Фатеева Гора (Шимозеро): вепс. Hotoi — рус. Фотей.

Этнограф З. П. Малиновская, которая в 1927 г. обследовала вепсское население Прионья, пришла к выводу о том, что «в значительной части деревни вепсов являются как бы родовыми деревнями, объединяющими тот или иной род. Население деревни состоит из родных, двоюродных братьев, дядей и племянников» (З. П. Малиновская 1930: 186). В качестве примера она приводит некоторые деревни Озерского общества: дер. Андреевская, состоящая из рода Самаковых и включающая 7 домов, еще «50 лет назад состояла из одного домохозяина»; деревню Коковичи населял род Егоровых, состо-

явший из 9 домохозяев, ср. народное неофициальное название дер. Коковичи — дер. Егоровы (З. П. Малиновская 1930 : 185—186). Опираясь на эти выводы, можно обоснованно предполагать в антропонимах, закрепившихся в перечисленных выше и однотипных им ойконимах, имена предков, основателей «родовых деревень». В этом же контексте надо рассматривать тот факт, что некоторые из ойконимов данного типа явно переключаются с современными фамилиями, бытуемыми в деревнях: Melkamättaz, рус. Мелькина Гора (Шелтозеро) — жители Мелькины; Mikšamägi (Ладва) — фамилия Микшины; Markutan, рус. Марково (Войлахта) — «уличная» фамилия Марковы.

Есть целая группа отантропонимных ойконимов, непосредственно содержащая в основе фамилию, восходящую к христианскому личному имени. Это исключительно названия концов деревень, часто совпадающие с названием дома, иногда распространяющиеся на несколько домов: деревни Arhipovad (Ладва), Bušakohne (Шокша), Feđkovad (Озера), Fileihine (Ржаное Озеро), Johorovad (Озера), Ijavad (Пелдуши), Ortukovad (Кекозеро), Petrojevad (Озера). В каждом из упомянутых примеров топоним омонимичен послужившему для его образования антропониму, причем живому, функционирующему антропониму — фамилии современных жителей. В отличие от отмеченных выше ойконимов, основы которых, переключаясь с фамилиями, все же не омонимичны им, наименования последнего типа функционируют на уровне бесспорных микро-топонимов, с чем сопряжена их недолговечность, неустойчивость во времени. Находясь фактически на стадии перехода от названий домов к названиям поселений, они легко распадаются.

В целом наименования отантропонимного типа составляют около 50% всех вепских ойконимов. Это, бесспорно, самый продуктивный семантический тип. Такая популярность имеет под собой объективную основу — особенности формирования самих типов поселений. Устойчивость этого семантического типа во времени связана с устойчивостью самого типа однодворных (малодворных) поселений для Севера. Внутри отантропонимного семантического типа явно преобладают ойконимы, восходящие к православному именослову. Они составляют примерно три четверти общего количества вепских отантропонимных ойконимов. В основном это наименования относительно молодые. Недаром значительная часть их имеет соответствия в фамилиях и даже именах (к примеру, в наименованиях хуторов) или современных жителей, или основателей поселений. Молодость многих названий данного типа обусловлена неустойчивостью, присущей этому семантическому типу ойконимов. Последнее вызвано как упоминавшимися уже выше экстралингвистическими факторами, так и нестабильностью микротопонимии.

Отражение типов сельских поселений в вепской ойконимии

С точки зрения проблем номинации и в плане получения ввелингвистических данных, касающихся особенностей заселения, чрезвычайно информативна группа вепских ойконимов, в которой нашли отражение термины, называющие различные типы сельских поселений. Упомянутые термины выступают в составе ойконимов либо самостоятельно (дер. Posad, Tanaz, Kond, Selišš, Slabad), либо в качестве детерминантов сложных названий поселений (дер. Deremam | posad, Aksin | tanaz, Pefjan | kond). Здесь необходимо принять во внимание тот факт, что номинативную, назывную функцию выполняет прежде всего атрибут сложных топонимов, который индивидуализирует, отличает от подобных. Однако нельзя полностью пренебрегать ролью детерминанта в процессе номинации. Детерминант прибалтийско-финских топонимов — непосредственный элемент названия, его составная часть. Прибалтийско-финский топоним в подавляющей массе случаев — это прочно спаянный комплекс основного элемента и определения к нему. О прочной спаянности атрибута и детерминанта в составе вепского топонима свидетельствует, в частности, превращение детерминанта в процессе функционирования географического имени в формант, теряющий изначальное содержание: Šoutaf < Šout | järv, (-järv 'озеро' > af), Keškul < *Kešk | külä (-külä 'деревня' > -kul), Keštan < *Kešk | tanaz (-tanaz 'двор' > -tan), Habeg < *Habjogi (-jogi 'пека' > -eg). В этом комплексе атрибут—детерминант последний тоже служит называнию. Не случайно целый ряд топонимов характеризуется эллипсисом атрибута: дер. Surposad—Posad, Haragammättaz—Mättaz и др. В определенных условиях детерминант сам по себе способен индивидуализировать.

В современных вепских говорах для обозначения различных типов сельских поселений существует несколько лексем: külä, derevń, posad, ragast. В топонимии набор их значительно богаче. В ойконимах, помимо перечисленных, закрепился целый ряд терминов, или вышедших из активного употребления в современных говорах, или служащих для обозначения таких типов поселений, которые ныне не бытуют. Среди них tanaz, *kond, usadišš, slabad, usadb, *selišš, hutor ~ futor. Анализ их топонимического употребления, выявление ареала каждой из перечисленных лексем в топонимии, плотности этого ареала, характера определяющего атрибута позволит не только выявить особенности номинации по микро-регионам, но и восстановит утраченные термины, выведет в некоторых случаях на исходную семантику термина и поможет проследить пути ее развития, в конечном же итоге приблизит к выявлению особенностей расселения вепсов в Межозерье.

Имеет смысл начать разбор с лексемы külä, имеющей широкие финно-угорские связи и представленной во всех прибалтийско-финских языках в значении 'деревня, селение' (SKES). Оказывается, что активность ее топонимического функционирования в вепском

языке чрезвычайно невысока. Казалось бы, в прибалтийско-финской топонимии, где господствуют сложные по структуре наименования с детерминантом, называющим вид искомого географического объекта, сложная ойконимная модель на -külä должна бы если не господствовать, то во всяком случае быть представленной в ойконимии достаточно широко, подобно модели на -jäfv 'озеро' в лимнонимах (Säfgjäfv, Kodijäfv, Šidjäfv), на -oja 'ручей' в наименованиях ручьев и лесных рек (Naboja, Ledoja, Korgedoja) и проч. Между тем детерминант -külä появляется в вепских ойконимах лишь спорадически: Järvide | külä, рус. Озера; Šimgärven | külä, рус. Шимозеро; Keš | külä, рус. Средь-Волость. Следы его обнаруживаются в некоторых ойконимах на обрусевшей территории: дер. Ускулово, дер. Овкула в низовьях реки Паши; «дер. на Кюле» в бывшем Андомском погосте (ПКОП. С. 188).

Причину такой низкой активности лексемы külä в ойконимах надо искать прежде всего в семантике термина и исторических особенностях формирования вепских поселений. В большинстве вепских говоров словом külä обозначается не отдельная деревня, а целая группа деревень. Если же обратиться к названиям этих гнезд поселений, то окажется, что по принципам номинации их можно довольно четко разделить на две группы. Позволим себе остановиться на этом вопросе подробнее, поскольку он представляет явный интерес с точки зрения особенностей номинации. Первую группу составляют ойконимы, в основе которых наименование того природного объекта (реки, озера, озерного залива и т. д.), при котором искомый куст поселений возник: с. Mäggäfv, рус. Мягозеро при оз. Mäggäfv, с. Kalağ, рус. Рыбрека при одноименной реке, с. Kortlaht, рус. Кортлахта при одноименном озерном заливе, с. Iadv, рус. Ладва — название куста деревень, расположившихся в верховьях (ср. Iadv 'вершина, верхушка') р. Ояти. Вторую группу образуют ойконимы, оформленные специфическим ойконимным формантом -l: Karhil, Šonđal, Nurgoil, Vidl, Pecoil и др. Показателен ареал выделенных типов. Первая группа названий преобладает в Прионежье, где расселены северные вепсы, и в восточной части средневепского ареала, тяготеющего к Белозерью. Названия, относящиеся ко второй группе, распространены в долинах рек Ояти, Капши и Паши, на территории расселения представителей средневепского диалекта, и частично представлены на смежной южновепской территории. Деление это, хотя и не абсолютно (ойконимы, восходящие к соответствующим наименованиям природных реалий, встречаются и в ареале -l-овой ойконимии, главным образом на водоразделах рек), все же достаточно последовательно.

Вернувшись вновь к лексеме külä, служащей для обозначения куста поселений, мы вынуждены констатировать, что существование двух исторически обусловленных моделей наименования гнезд поселений приводит к тому, что термин külä необходим лишь в случае, когда специально конкретизируется, выделяется тип называемого объекта: Šokšunkülä (при параллельно бытующем Šokš), Šatarvenkülä (при Šatafv), Vilhalankülä (при Vilhal) и т. д.

В некоторых средневепских говорах по р. Ояти лексема külä обозначает помимо куста поселений еще и центральную деревню (с церковью) в этом кусте. Однако в топонимии в данной функции она практически не получила распространения в средневепских говорах. Здесь наблюдается довольно четкая традиция закрепления за поселением, существующим при церкви, при сельском погосте термина pagast, без сомнения русского происхождения.⁵ Ср. в Приоляте Pagast — центральная деревня (с церковью) в селах Ладва, Мягозеро, Ярославичи, Озера, Каргиничи.

Есть некоторые основания предполагать, что у северных (прионежских) вепсов для обозначения некоего центра куста поселений первоначально использовалась лексема posad, позже расширившая свою семантику и обозначающая в современном средневепском диалекте любое поселение. На это указывают некоторые северновепские ойконимы, названия центральных деревень в с. Каскеручей (Posad, или Keškposad, букв. 'средняя, центральная деревня'), Матвеева Сельга (Posad, или Suřposad, букв. 'большая деревня'), Шелтозеро (Parimposad, букв. 'попова деревня'), Залесье (Posad или Suřposad). В с. Шокша дер. Posad является частью центральной дер. Keškülä, рус. Средь-Волость. Все они либо примыкают к деревенским погостам, либо погосты находятся непосредственно в них. Наше предложение об изначальной семантике термина основывается косвенным образом и на истории появления указанного слова в вепском языке. Термин posad имеет явные русские истоки. Лексема посад зафиксирована еще древнерусской литературой в значении 'поселение, предгорье, поместье' (Срезневский И. И. 1895). По мере продвижения новгородцев в ходе колонизации из Новгорода на северо-восток, в Присвирье, происходила трансформация исходной семантики. Картоотека «Словаря русских говоров Карелии»⁶ фиксирует лексему посад на Свири в значениях 'ряд домов; улица; деревня'. Заметим, что район Присвирья оказывается к тому же ареалом довольно активного топонимического употребления указанного термина. «Списки населенных мест 1873 г.», к примеру, отмечают здесь свыше десятка деревень с названием Посад, причем чаще всего это именно центральные, или тяготеющие к центру куста поселения. По-видимому, в ойконимах Присвирья и вепского Прионежья сохранились рудименты изначального значения новгородского слова: поселение, окружающее некий центр, примыкающее к нему. В Новгороде таким центром был город, на Свири и у северных вепсов — погост, церковь.

Близость в семантике вепского и русского диалектного термина, а также тот факт, что вепское Прионежье граничит с Присвирьем, указывает на Свирь как на ту территорию, где северные вепсы восприняли русскую лексему. Отступая перед активной колонизацией Присвирья славянами в XIV в. (В. В. Пименов 1965:

⁵ Русские истоки обнаруживает не только термин, но и сам тип поселения в вепской среде (В. В. Пименов 1965: 251).

⁶ Хранится в Санкт-Петербургском ун-те.

184—185), вепское население отодвигалось с берегов Свири на север, в глубь водораздела, и уносило с собой усвоенный на Свири славянский термин *posad*. На то, что движение шло именно со Свири, указывают косвенным образом материалы Писцовых книг Обо-нежской пятины, из которых явствует, что центры двух погостов, в состав которых входили северновепские поселения в XV—XVI вв., — Остречинского и Оштинского — располагались именно в Присвирье. С упомянутыми выше обстоятельствами перекликается и вопрос о причинах отсутствия термина *posad* в других вепских диалектах (среднем, южном), также попавших в зону новгородского влияния. По-видимому, это следы непосредственных прочных контактов предков северных вепсов со Свирью, их присвирского прошлого.

В южновепском ареале в наименованиях центральной деревни куста поселений выступает в некоторых случаях термин *deḡõĩ*, не вызывающий никаких сомнений в славянских истоках его происхождения. Характерная особенность: указанный термин зафиксирован в этом ареале исключительно в самостоятельном употреблении (дер. *Deḡõĩ* в селах Сидорово, Прокушево, Белое Озеро, Кортлахта). Подобный семантический сдвиг, происшедший в топонимии по сравнению с семантикой южновепского апеллятива (*deḡõĩ* 'любое поселение, деревня'), возможно, увязывается определенным образом с тем фактом, что южновепские говоры утратили свою лексему *kũlä*, которая у средних вепсов служит в том числе и для обозначения центральной деревни в гнезде.

На территории расселения средних вепсов, прежде всего на Ояти, термин *deḡõũ* присутствует в наименованиях некоторых поселений, присоединяясь к антропонимному атрибуту: *Fedorandefõũ*, *Kriḡsandefõũ*, *Markandefõũ*, *Ondreindefõũ* (с. Озера). Наличие антропонима — отражение прежней семантики слова. В средневековье северная деревня была однородной и естественно присутствие в ее названии указания на владельца двора. Эта семантика, как, впрочем, и сам характер поселения, сохраняется в усвоенной вепсами лексеме и позднее: для некоторых антропонимов, выступающих в ойконимах на *-deḡõũ*, и сейчас можно обнаружить соответствие атрибутивного элемента фамилии современных жителей деревни: ср. *Maimistandefõũ* — жители Маймистовы.

Анализ вепской ойконимии позволяет обнаружить свой, вепский, термин, семантически эквивалентный русскому деревня, в его изначальном значении. Исследователи истории Русского Севера отмечают, что термин деревня появился в русских источниках довольно поздно, лишь в XIV в., причем первоначально он означал лишь крестьянский двор с прилегающим к хозяйству участком земли (Н. Н. Воронин 1935 : 70—73, К. В. Веселовский 1936 : 26), т. е. главным компонентом в определении понятия является участок земли, комплекс угодий. Таким вепским термином была лексема *konđ*, утраченная современными вепскими говорами, но представленная в большинстве прибалтийско-финских языков в значении 'крестьянский двор, хозяйство, земельный участок' (SKES) и сох-

ранившаяся в некоторых вепских топонимах, в том числе и в ойконимах, что подтверждает ее былое функционирование в вепском языке: ср. наименования земельных участков *Ukonkond*, *Peḡjankond* (Приоятье), *Kondušine* (Прионежье), дер. *Kond* (Сидорово), бывшая дер. *Minankond* (Нюрговичи), бывшая дер. *Kondud* (Озера), на смежной русской территории Приоятья урочища Кондуши и Кондосельга. По-видимому, русское заимствование (*deḡevñ* ~ *deḡõũ* ~ *deḡõĩ*), распространившееся по всей территории вепского обитания, полностью вытеснило со временем вепское слово, оставившее о себе память лишь в топонимах. Одной из причин, способствовавших замене, явилось сходство в семантике. Впрочем, определяющее значение, видимо, все же имело то, что термин деревня для обозначения основной единицы налогообложения был широко представлен на официальном уровне, присутствуя уже в самых ранних писцовых книгах, касающихся вепской территории, что, безусловно, способствовало его повсеместному распространению среди вепсов.

Память об однодворной деревне, включающей в себя крестьянский двор с принадлежащей ему землей, сохраняют и ойконимы с элементом *tanaz*, *tannaz* (основа *tanh-*), имеющим в современных говорах значение 'двор (для скота), хлев': дер. *Tanaz* (Прокушево), *Tanhoine* (Озера), *Keḡktan* ~ *Keḡtan* (Ярославичи), *Aksintanaz* ~ *Aksintanh* (Пондала), *Markutan*, *Virahtan* (Войлахта). При этом надо принять во внимание, что в период называния соответствующих поселений семантика слова могла быть шире, как, например, в финских говорах, где соответствующей лексемой обозначают не только хлев, но весь комплекс построек, включая и усадьбу, и хозяйственные постройки, и двор при доме. К этому следует добавить, что на распространение лексемы в вепских ойконимах могла оказать определенное влияние русская ойконимная модель, распространенная в новгородских землях, в частности в ойконимах типа Большой Двор, Великий Двор, закрепляющихся за поселениями с двором феодала — новгородского боярина (М. В. Витов 1962 : 99). Воздействие данной модели выявляется, к примеру, в ойконимах *Tanaz* (с. Прокушево) и *Keḡtan* (Ярославичи), названиях поселений, в которых прежде находились помещичьи усадьбы.

Будучи малодворными, северные деревни нередко прекращали свое существование, заустевали. Запустевшие, покинутые крестьянами деревни превращались в пустоши (*pust*, *puḡst*) и селища (*seliḡš*). О них напоминают многочисленные микротопонимы, названия сельскохозяйственных угодий, прилегающих к современным вепским поселениям: *Pustad* (Корбиничи), *ḡogapust* (Нюрговичи), *Pust* (Сидорово), *Pust* (Каргиничи), *Souḡimpust* (Долгозеро), *Pustoḡimpust* (Матвеева Сельга), *Seliḡš* (Харагиничи), *ḡeliḡš* (Сидорово), *ḡeliḡš* (Кекозеро), *ḡeliḡpijd* (Норгино). Они проникают и в некоторые ойконимы: дер. *Rodimpust* (Радогоща), *Makoipust* (Ляхта), *Pust* (Войлахта), *Pust* (Торасозеро), *Pust* (Шимозеро), хутор *Seliḡš* в окрестностях Войлахты и др. Закрепление их в названиях поселений связано, видимо, с тем, что на некоторых из пустошей и

селищ могли со временем вновь возродиться поселения: освоение земли здесь было сопряжено с меньшими трудностями, чем при разработке новины.

Проникновение большинства русских терминов, связанных с обозначением разных типов поселений, в вепсский лексикон и закрепление их в топонимии происходит с вхождением вепсских территорий в число земель, подвластных Новгороду и Белозерскому монастырю. Частая употребляемость их на официальном уровне, в частности упоминание в документах налогообложения, способствует распространению их в вепсской среде. Установление помещичьего землевладения на части вепсской территории в начале XVII в. (А. И. Копанев 1951 : 72—77) привело к появлению таких ойконимов, как дер. Usadb (Ярославичи), в которой располагалась помещицья усадьба, дер. Usadišš (Кортлахта), название которой также восходит к русской лексеме, обозначающей барскую усадьбу или место, где она стояла (Аграрная история. С. 263; ПКОП. С. 268), дер. Slabad (Пондала), ср. рус. слобода, служащее для обозначения крестьянского поселения, созданного землевладельцем на льготных условиях на пустующей земле (Н. Н. Воронин 1935 : 40).

XIX век принес с собой на Европейский север новый тип поселений и соответственно новую лексему: хутор > hutor ~ futor. Она представлена в топонимии южных и средних вепсов, где данный тип поселений получил распространение: Pešanfutor, Kirikanfutor (Войлахта), Futor (Прокушево), Tatarvanhutor (Стожково), Bairinfutor (Перелесок) и др.

Итак, подавляющее большинство лексем, служащих (или служивших) в вепсских говорах для обозначения понятий 'поселение', имеет русское происхождение. При этом, однако, надо признать, что часть из рассмотренных слов была усвоена лишь в топонимии (selišš, usadišš, slabad), в апеллятивном же употреблении они не получили распространения. Этим в определенной степени объясняется и самостоятельное функционирование. Другая причина самостоятельного употребления терминов, обозначающих типы сельских поселений, в составе ойконимов заключается, судя по проведенному анализу, в том, что обозначаемый ими тип поселения на данной микротерритории (куст поселений) не имел аналогов, был единственным, например pagast для средневепсского ареала (Приюстье), posad, служивший первоначально для обозначения центральной деревни гнезда поселений, у северных вепсов, как и deŕõb на территории расселения южных вепсов. В тех же случаях, когда термин является детерминантом сложного ойконима, определением к нему выступает в подавляющем большинстве случаев антропоним (Deremamposad, Derem < рус. Ерем; Fedorandefuцп, Fedor < рус. Федор, Markutan, Mark < Марк), отражающий однодворность поселений при их образовании.

Ситуативные названия

Своеобразное отражение особенностей заселения обнаруживается еще в одной семантической группе вепсских ойконимов — в так называемых «ситуативных» названиях. Это ойконимы, в которых отражается географическое положение поселения относительно некоего центра, принимаемого за точку отсчета. В ойконимах данного типа присутствуют в качестве атрибута или детерминанта элементы aġj (ađġ, ađđ, aġġ) 'конец', čoga, čuga 'угол' kešk 'центр, середина', süfj (süfd, süfg, sifj) 'край',⁷ taga 'задний, расположенный сзади' и некоторые другие, несущие аналогичную смысловую нагрузку. Как свидетельствует материал, ситуативные ойконимы в подавляющем большинстве случаев закрепляются за отдельными деревнями, представляющими собой концы гнезд поселений, и отражают, таким образом, положение поселения внутри этого гнезда.

Aġj (Шондовичи, Немжа, Ладва, Ярославичи), Aġđ (Шатозеро), Aġġ (Шимозеро), Adġ (Пондала). К ним примыкает Aġveĥ (Мягозеро), где основа aġj оформлена формантом -veĥ; Alažaġđ и Üližaġđ (Шелтозеро), расположенные вдоль течения реки Шелтозерки соответственно в нижнем и верхнем концах куста, ср. ala- 'низ, нижний' ülä- 'верх, верхний', Alažaġj (Немжа, Ярославичи), ориентированные по течению р. Ояти, Suvāġđ и Pohđāġđ, концы дер. Каскесручей, в основе наименований апеллятивы suvi 'юг' и rohđ 'север', отражающие реальное географическое положение поселений в кусте. В Приюстье многочисленны антропонимные образования с детерминантом -aġj: Maimistaġj (Надпорожье), Lašk(a)aġj (Ярославичи), Nešk(a)aġj (Шондовичи), Ofiškaġj, Kukaġj (Пелдуши), Ondriaġj, Tihonaġj, Semukaġj (Ладва) и др. Это естественный способ номинации для однодворных деревень, концов более крупных поселений. В целом для точечных объектов, определенным образом тяготеющих к центру поселения, относительное расположение оказывается достаточно показательным признаком, выделяющим их из ряда подобных и служащим поэтому основой номинации. Показательны в связи с этим и ойконимы, в которых выступает лексема süfj 'край': дер. Süfj (Пелдуши), Sifj (Ярославичи), Süfg (Пондала, Шимозеро), Süfd (Шокша, Залесье). Ойконим Сюръга (Сюръя) — в качестве вепсского наследия — довольно широко известен и в ойконимии бывших вепсских территорий (см. СНМ Российской Империи по сведениям за 1873 г. по Лодейнопольскому уезду), где, как и в вепсском ареале, закрепляется за поселениями, расположенными на краю гнезда поселений, в стороне от основной массы деревень, образующих куст. В то время как деревни, образующие с. Шимозеро, расположены вдоль берега оз. Шимозеро, дер. Süfg находится в нескольких километрах от последнего. Дер. Süfg, входящая в куст поселений Пондала, в отличие от остальных

⁷ О другой возможной семантике вепс. süfj см. в главе «Топонимы в лексической системе вепсского языка».

деревень, тяготеющих к берегу р. Пондалы, располагается в отдалении от речного берега, на водоразделе.

Подобная же семантическая наполненность, служащая отражением положения поселения относительно центра куста, свойственна и ойконимам, в которых воплотилась лексема čoga ~ čuga 'угол': ср. дер. Čoga, рус. Угол, в бывшей Исаевской волости (Н. Basilior 1890), дер. Čoga (Шокша), дер. Noumančug (Шелтозеро). Ориентация относительно центральной части гнезда поселений отражается, очевидно, и в ойконимах на -taga 'задний, расположенный сзади': дер. Järvetag (Кекозеро), рус. Заозерье, расположенная на противоположном от погоста берегу озера; дер. Ojantaga, рус. Заручей (Ярославичи) и дер. Ojantaguine (Мягозеро), отделенные от центральной части поселения ручьем (oja 'ручей') и др.

Впрочем, будет некорректно связывать все ситуативные ойконимы с ориентацией внутри гнезда поселений. Явно ситуативное происхождение имеют и некоторые ойконимы, закрепленные не за частями гнезд поселений, а за единичными поселениями: Rebağj, рус. Рябов Конец, Mecantaga, рус. Залесье, Sifj, рус. Перелесок. Однако и в данном случае в основе ойконимов — своеобразная ориентация по отношению к другому географическому объекту. Чаще всего выявляется географическое положение деревни относительно другого поселения, которое в данном случае принимается за точку отсчета. К примеру, дер. Sifj, рус. Перелесок, расположена на полпути между деревнями Белое Озеро и Кортлахта и по отношению к обеим действительно может рассматриваться как расположенная в стороне, в отдалении, на краю. Далеко не в каждом случае можно сейчас сказать определенно, что является точкой отсчета. Время изменило акценты. Не исключено, что первоначально такое «ситуативное» название могло зародиться как наименование некоего урочища, а лишь затем, с появлением там поселения, начать функционировать в качестве ойконима.

Однако подавляющее большинство названий данного типа возникло, без сомнения, в связи с характерным для ареала вепского освоения гнездовым типом расселения и указывает на ориентацию искомого поселения, входящего в гнездо, относительно центра последнего.

Термины ландшафта в роли ойконимов

В основе небольшой группы ойконимов (около 50 названий) лежит ландшафтный термин, отражающий физико-географическую характеристику местности:

Houdaine (Рыбрека), ср. houd 'яма';

Kaŋgaz, рус. Бор (Надпорожье);

Karaine (Надпорожье) расположена на берегу речной бухты, ср. kara 'небольшой залив, бухта';

Kaŋ ~ Kara (Шокша), ср. kaŋ 'яма, углубление';

Rand (Озера, Ярославичи, Пондала, Капшезеро); Raŋgoine ~ Raŋ:doine рус. Рандежка (Шимозеро), ср. raŋd 'берег';

Saume (Каргиничи), расположенная при озерном проливе, ср. sauim 'пролив';

Saf, рус. Остров (Пожарище), ср. saf 'остров'; деревня, окруженная с трех сторон водой, с четвертой — болотом, находится на своеобразном острове;

Neim, рус. Чубово, в верховьях р. Капши, на озерном мысу, ср. neim 'мыс';

Laht, рус. Лахта в составе Сидоровского сельсовета, на берегу р. Лиди; Laht (Шимозеро), расположенная при озерном заливе, ср. laht 'залив';

Mägi (Шимозеро) ср. mägi 'гора, холм, возвышенность';

Jogenc, рус. Усть-Капша (Корбиничи) в истоках р. Капши из оз. Капшезеро; в основе восстанавливается, очевидно, вепс. jogenc (< jogenoc) 'исток, вершина реки';

Mägos, рус. Мягодцова (Другая Река), ср. mägioc 'вершина горы или холма';

Kalleine (Матвеева Сельга), ср. kall 'скала'.

Из названий, входящих в данное семантическое гнездо, можно почерпнуть определенную информацию о географических особенностях местности, которой отдавалось предпочтение при поселении: это сухие боровые места, возвышенные берега рек и озер. Впрочем, эта информация не всегда надежна, ибо, как свидетельствует материал, определенную роль в номинации играет сама топонимная система, возникновение названия в ряду подобных, а также взаимовлияние и взаимообусловленность элементов внутри этой системы. Показательный пример — противопоставление ойконимов Org и Mägi в некоторых средневепских ойконимных системах (Каргиничи, Кривозеро, Долгозеро), ср. mägi 'гора', org 'низина'. Подобное противопоставление обусловлено часто не реальными географическими мотивами, а прежде всего требованиями индивидуализации в процессе называния.

Есть основания предполагать, что изначально часть представленных ойконимов — не ландшафтный термин в чистом виде. Нельзя исключить из поля зрения столь характерную для сложных по структуре прибалтийско-финских топонимов эллиптизацию — выпадение одной из составных частей названия в процессе его функционирования. Не исключено также, что часть ойконимов данного семантического разряда в действительности представлена вторичными образованиями, т. е. ландшафтный термин, функционирующий в качестве ойконима, на самом деле мог перейти в разряд ойконимов не из апеллятивной лексики, а из состава топонимов (например, название лесного урочища, сельскохозяйственного угодья и проч.).

Вторичные названия

Вторичные образования, сложившиеся в результате метонимического переноса названий на смежные объекты (в нашем случае наименований природных объектов на поселения), возникшие при

искомых географических реалиях, в вепсской ойконимии немногочисленны (около 10%). Однако в силу того, что подавляющая часть их является наименованиями гнезд поселений, они приобрели широкую известность.

Некоторые примеры вторичных наименований кустов поселений: в средневепсском ареале в Приоютъяе Eпafv — рус. Вонозеро, Hуmafв — рус. Хмелезеро, Кекаfv — рус. Кекозеро, Šapš — рус. Шапша, на восточной периферии средневепсского ареала Sollaf — Солозеро, Torazafv — Торосозеро, Vārašaf — Кривоозеро, Poušaf — Павшезеро, Sāfgāfv — Сярозеро, Pollaf — Полозеро, Šimgāfv — Шимозеро, Vahtkāf — Кленозеро, Pāžaf — Пязозеро, в южновепсском ареале Maigafv — Боброзеро, Šugafv — Шугозеро, Pāfjāfv — Пязозеро, Šidjāfv — Прокушево, Sodjāfv — Сидорово, Paksjāfv — Пашезеро, Vāgedjāfv — Белое Озеро при одноименных озерах и реках, в Прионежье Kalağ — Рыбрека, Šokš — Шокша, Šoutafv — Шелтозеро, Vehkei — Вехручей, Toižeg — Другая Река и др. при соответствующих водных объектах.

Как свидетельствуют примеры, среди вторичных ойконимов — названий гнезд поселений явно преобладают наименования, восходящие к гидронимам, особенно к лимонимам. Названия иных географических реалий (типа Vijaht — рус. Войлахта, Kortlaht — рус. Кортлахта ~ Кортала, восходящие к названиям заливов, ср. laht 'залив', Püudkašk — рус. Пелкаска, бывшее изначально предположительно наименованием сельскохозяйственного угодья, ср. kašk 'подсека') редки. Такая особенность вторичных ойконимов увязывается с характерным для вепсских поселений географическим положением, привязкой их к воде, к водным объектам. Как уже отмечалось, среди вторичных преобладают наименования гнезд поселений. Для отдельных деревень, входящих в кусты поселений, данный тип номинации малохарактерен. Зато он воплощается довольно регулярно в названиях одиночных деревень, хуторов, выселков: ср. хутор Šonseļg — рус. Шонсельга в окрестностях с. Пелдуши (Приоютъяе), хутор Sarg при реке с тем же названием в верховьях р. Капши, в южновепсском ареале хутор Kõr — рус. Колпь в истоках р. Колпь, хутор Pihaf — рус. Святозеро в истоках р. Лидь, деревни Māätjāfv — рус. Мялтозеро и Vālhāfv — рус. Вялтозеро при одноименных озерах; в окрестностях Шимозера дер. Sarg — рус. Сарга < р. Сарга; хутор Vojāfv — рус. Маслозеро, дер. Iriņšaf — рус. Линжозеро; в Прионежье дер. Rozme — рус. Розмега, хутор Putkiј при одноименном ручье в окрестностях Шелтозера и некоторые другие. Названия этих поселений, возникшие не в столь отдаленное от нас время, интересны тем, что они могут служить своеобразной моделью для реконструкции процесса происхождения наименований гнезд поселений, имевшего место столетия назад.

Чрезвычайно показателен с точки зрения особенностей формирования вторичных ойконимов — названий гнезд поселений — их ареал. Картографирование убеждает, что вторичные наименования гнезд поселений преобладают в Прионежье и на восточной периферии средневепсского ареала. Они достаточно многочисленны и в южно-

вепсском ареале. Что же касается Приоютъя и смежных с ним районов Капши, то здесь вторичные ойконимы единичны, причем географически они привязаны к водоразделам и отсутствуют в речных долинах: Safjāfv — рус. Сарозеро; Eпafv — рус. Вонозеро; Кекаfv — рус. Кекозеро. Здесь, в Приоютъяе, среди названий гнезд поселений преобладают отантропонимные образования. Такая география распространения надежно увязывается с историей освоения вепсами Межозерья. Известно, что плодородные речные долины заселялись земледельческим населением раньше, чем водоразделы, которые использовались первоначально только как промысловые территории. По мере заселения водоразделов названия природных объектов, возникших в результате такого промыслового использования, переходили в разряд наименований поселений, появившихся при искомах природных объектах. Аналогичным образом эта закономерность распространяется и на все вепсское Межозерье. Вторичные ойконимы распространены в ареалах, которые условно можно считать периферийными по отношению к центру, расположенному в Приоютъяе и смежных с ним районах. В ходе заселения последних названия природных объектов естественным образом стали оймимами: оз. Šimgāfv → гнездо поселений Šimgāfv на его западном берегу; р. Šokš → селение Šokš; оз. Kapšafv → селение Kapšafv, о котором, кстати, доподлинно известно, что оно возникло в 1913 г., когда переселенцы (7 семейств) из с. Озера образовали на берегу Капшозера 4 деревни, объединившиеся в куст поселений Kapšafv, рус. Капшозеро (З. П. Малиновская 1930: 187). Загадку в этом смысле представляет ойконим Šoutafv — Шелтозеро, ибо название селения предполагает в качестве своего источника лимоним, т. е. название озера, однако в окрестностях села не только нет озера с соответствующим названием — здесь вообще нет озер. Это обстоятельство заставляет предполагать, что наименование куста поселений (не озера!) перенесено сюда переселенцами с места их бывшего обитания. Встает вопрос, откуда? Ответ нам удалось обнаружить на картах Генерального межевания XVIII в., где название Шолтозеро закреплено за озером, находящимся в 6 км от с. Шелтозеро и являющимся истоком р. Шелтозерки (ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, № 3336). Современное название озера — Kodidāfv 'Домашнее озеро', безусловно, позднего происхождения и вызвано заселением берегов озера: здесь располагается куст поселений Māgi — рус. Горное Шелтозеро. Карты XVIII в. подтверждают догадку финского исследователя Ю. Райнио, связывавшего лимоним с озером, являющимся истоком р. Šoutafvđogi (J. Rainjo 1970: 48—49). Таким образом, истоки современного ойконима Šoutafv — в утраченном лимониме *Šoutafv, который, видимо, был перенесен — в качестве названия поселения — жителями, передвинувшимися с берегов озера на более удобное для земледелия место и основавшими здесь, в долине реки (р. Шолта, по данным ПКОН), новое поселение.

К выделенным четырем семантическим типам сводятся практически все вепсские ойконимы. За пределами остаются темные в смысле этимологии названия (типа Nemž — рус. Немжа; Mõhj —

рус. Мега; Arskahf — рус. Радогоща, и некоторые другие) — в целом они немногочисленны, а также некоторые единичные разрозненные ойконимы, не объединяющиеся в определенный единый семантический тип.

Как свидетельствует материал и его анализ, семантические особенности вепсской ойконимии во многом увязываются с особенностями самого объекта названия — поселений, их формирования и развития. Этой экстралингвистической обусловленностью вызвана, в частности, дифференциация семантических моделей ойконимов в зависимости от разновидности типа поселения. В названиях гнезд поселений преобладают два семантических типа: отантропонимные ойконимы, причем основой служат нехристианские вепсские имена и прозвища, и вторичные ойконимы, образовавшиеся в результате метонимического переноса названий географических реалий на поселения. Оба типа обусловлены исторически и хронологически. Наоборот, для деревень, входящих в гнездо поселений, вторичные ойконимы практически неактуальны, а в отантропонимном типе явно преобладают образования от христианской антропонимии. Семантические модели, присущие названиям отдельных концов кустов поселений, отражают такие особенности последних, как характеристика их географического положения (с учетом рельефа местности: дер. Org, Mägi, Rand, а также по отношению к центру гнезда поселений: дер. Süfg, Agj, Čoga). Многие из названий поселений этого типа связаны с типом поселения (Posad, Tanaz, Kond), являясь своеобразным источником сведений об этой стороне вепсской этнографии и истории.

Что касается названий одиночных деревень, хуторов, выселков, то для них трудно выделить наиболее характерные семантические модели, ибо им свойственны практически все отмеченные выше семантические типы. Видимо, это вызвано молодостью и неустойчивостью самого объекта наименования.

Очерк 4

ВЕПСЫ В МЕЖОЗЕРЬЕ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Использование топонимов в целях этноисторических исследований имеет давние традиции. Собственно топонимика как наука и начиналась в прошлом веке с решения этногенетических и исторических задач. Постепенно набирался опыт подобного рода исследований и приходило осознание того, что каждый топоним является элементом системы. Нельзя анализировать одно, отдельно взятое, вырванное из контекста окружающей топонимии название, ибо результат такого анализа будет всегда ненадежен. Именно системность обеспечивает и гарантирует надежность топонимии в качестве этноисторического материала. Она предполагает, что географические имена образуются по моделям, характеризующимся хронологической и географической приуроченностью. И задача состоит в том, чтобы выявить эти модели и расшифровать заключенную в них информацию. Системность пронизывает все языковые уровни топонимии. Самый наглядный из них — лексический. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. Очевидно, верно предположение финляндского топонимиста Э. Кивиниеми о том, что если представить себе список всей топонимии страны, то в нем повторяющихся топонимов будет больше, чем раритетов. Эта закономерность обусловлена целым рядом обстоятельств, важнейшими из которых являются два нижеследующих. Первый заключается в том, что в условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве основы номинации на разных участках территории. Замечено, к примеру, что природный фактор преобладает в топонимах на ранних этапах развития общества, а установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, указывающих на имя владельца или его социальное положение. Если попытаться одним словом обозначить общий характер вепсской топонимии, то словом этим могло бы быть «прагматизм». Вепсская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения.

Основной пафос номинации — географическая реалья как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие — нет. В регионе вепского Межозерья мало безымянных водоемов (рек, озер, ручьев, прудов), и в то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) — в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные урочища, — интересуют вепскую топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия представителей мира флоры в топонимии закрепились лишь те, которые представляют определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь неприметная вахта (вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений, ибо она находила широкое применение у местного населения. Ее использовали в народной медицине, корень ее в голодные годы добавляли в хлеб. Именно этим обусловлены многочисленные Вехкозера и Вехручи на вепской и смежной обрусевшей территории.

Такая, если можно так выразиться, утилитарная направленность вепской топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры вепского населения. Сельское хозяйство — основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир. Такая же характеристика свойственна и топонимии на территории южной Карелии (ливвиковской и людиковской), по типу хозяйства аналогичной вепскому Межозерью. На этом фоне заметно своеобразие топонимии карельского Беломорья. Она значительно более образна, в ней ощущается персонификация реалий окружающей природы, в ней сильны мифологические представления. В этом факте отразилось, видимо, отношение к миру, к природе в условиях промысловой культуры, значительные элементы которой до сих пор сохраняются на севере Карелии, а в недавнем прошлом были преобладающими.¹ Впрочем, и вепская топонимия сохранила определенные отголоски мифологических представлений, которые наиболее наглядно проявляются в топоосновах семантической группы «фауна». Вместо ожидаемых промысловых и домашних животных вепская топонимия часто отдает предпочтение животным, известным в финской (в широком смысле) мифологии, — журавлю, лягушке и др. (см. подробнее в гл. «Типовые вепские топоосновы»). Итак, системность обусловлена в значительной степени историко-хронологическим фактором. Другая веская причина формульности в топонимии — это роль модели. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имитационности, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам. Влияние модели распространяется на все

¹ Надо полагать, аналогичная ориентация была свойственна и довепской топонимии Межозерья. Во всяком случае, это обстоятельство надо принимать во внимание при анализе субстратной топонимии данного региона.

стороны топонима — и на структуру, и на семантику, и на выбор лексического элемента для номинации.

Эти необходимые исходные моменты лежат в основе анализа конкретного материала и некоторых выводов по этнической истории Межозерья.

Та совокупность названий, которая представлена на территории Межозерья, на самом деле есть своего рода слоеный пирог, в котором каждый слой оставлен определенным этносом, населявшим в свое время этот регион. При этом не надо думать, что пласты отделены друг от друга непреодолимыми преградами. Наоборот, каждый последующий слой впитывает в себя наиболее жизнеспособные элементы предшествующего. Это усвоение предшествующей топонимии и позволяет в конечном счете ставить и решать этногенетические задачи. В нашем случае появляется возможность увидеть вепскую топонимию не только в процессе ее саморазвития, но и на фоне предшествующих и последующей топонимных систем, что, безусловно, рельефнее выявляет ее закономерности и особенности.

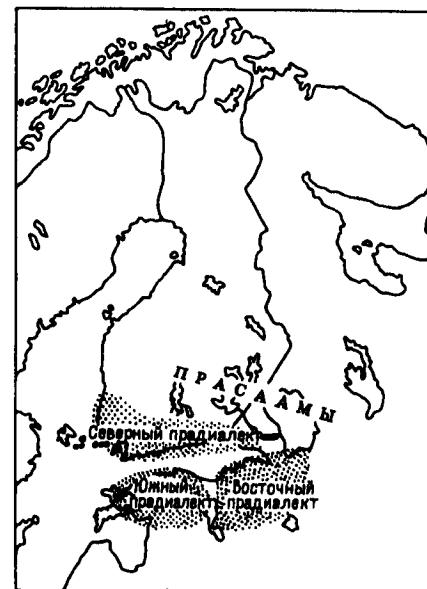
Из всего спектра топонимических проблем, имеющих выход на этническую историю территории Межозерья, выделим проникновение собственно вепской топонимии в Межозерье и взаимодействие ее с предшествующим топонимным субстратом.

Если отстраниться от частных случаев, то по данным топонимики устанавливаются два основных направления, два основных потока в дославянском освоении Межозерья. Один из них — южный (юго-восточный) — идет с Белого озера на север — в Прионежье и Приладжье. Он формируется в значительной степени за счет гидронимии — названий рек и озер. Гидронимия, как известно, наиболее устойчивый во времени пласт географических названий, что дает основание утверждать относительную древность южного потока, во всяком случае его старшинство по отношению к западному потоку, устанавливаемому по данным ойконимии и принадлежавшему прибалтийско-финской волне заселения (см. ниже). Каково же этническое содержание этого южного потока?

Существует уже традиция считать предшественниками прибалто-финнов на Европейском Севере саамов. Однако при этом вопрос о том, что представляют собой саамы и с лингвистической, и с этнической точки зрения, решается неоднозначно. В лингвистической литературе существует несколько гипотез этногенеза саамов, которые могут быть сведены к двум основным теориям. Первая — теория смены языка — считает саамов потомками некоего арктического народа (возможно, самодийцев), сменившего язык в результате контактов с финно-уграми. В качестве доказательства сторонники данной гипотезы оперируют прежде всего данными саамской лексики, включающей, по их мнению, существенный нефинно-угорский компонент. При этом, однако, территория, на которой произошла языковая смена, не обозначена или обозначена чрезвычайно расплывчато. Нет единства во мнениях исследователей и по хронологии происходившего процесса. Другая теория хронологически и территориально привязывается к общему процессу распада финно-

угорской языковой семьи, в частности ее западной ветви. Согласно этой теории, впервые обстоятельно изложенной Э. Итконеном, саамы являются ближайшими языковыми родственниками прибалто-финнов и имеют общий с последними праязык. Прибалтийско-финско-саамская праязыковая общность сформировалась после завершения финно-волжского периода, приблизительно к 1500 г. до н. э., на обширных просторах Европейского Севера от Верхневолжья до Прибалтики (Е. Itkonen 1961 : 100—101, М. Korhonen 1976 : 5—7, 11—13). Восточная граница этой общности расплывчата, однако есть определенные языковые факты, позволяющие привязывать ее к юго-восточному Заволочью: юго-восток Архангельской области и Волго-Двинское междуречье, где в русской диалектной лексике и топонимии обнаруживается субстрат, занимающий промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамскими, волжскими и пермскими языками (А. К. Матвеев 1979, О. В. Востриков 1981). Западная и северо-западная границы прибалтийско-финско-саамской языковой общности достигали, очевидно, северного побережья Финского залива (J. Koivulehto 1984). Естественно, что языковое единство на столь обширной территории было чрезвычайно зыбким и недолговечным. Уже к I тыс. до н. э. общность распадается на непосредственных предков прибалто-финнов и саамов. Распаду способствовало германское влияние, под мощное воздействие которого — и языковое, и социальное, и экономическое — попадает западная часть ареала, прилегающая к Финскому заливу, где формируется самостоятельная прибалтийско-финская языковая общность. Ориентация хозяйственной деятельности той части населения, которая занимала восточную или северо-восточную часть прибалтийско-финско-саамского ареала (предки саамов), на охоту и оленеводство вела к миграции ее на север, на территорию Финляндии и Карелии, где произошло соприкосновение с автохтонным населением Фенноскандии — предшественниками прибалтийско-финско-саамской волны заселения. Этническая принадлежность протосаамов не вполне ясна, хотя присутствие восточного элемента, кажется, не вызывает сомнения. В результате ассимиляции этого населения предки саамов перенимали определенные языковые, этнические и антропологические особенности, отличавшие их от прибалто-финнов (Е. Itkonen 1979, 1980).

По мнению М. Корхонена, после распада прибалтийско-финско-саамской языковой общности саамский язык прошел в своем развитии два этапа: прасаамский, продолжавшийся примерно до VIII в. н. э. (I тыс. до н. э.—700 г. н. э.), и период формирования и развития саамских диалектов. Первый этап — прасаамский — разворачивается на обширных просторах Европейского Севера: в ареал предков саамов, очерчивающийся по лингвистическим свидетельствам, входила территория Заволочья, Межозерья, Карелии, Финляндии. Столь продолжительный срок прасаамского периода дает основание предполагать ощутимые прасаамские следы в топонимии названных территорий. Естественно, что такая обширная территория не могла быть единой в смысле языка. Уже в первой половине I тыс. н. э. произошло разделение на северный и южный прадиалекты. Последний, однако,

Карта 5. Прибалтийско-финские прадиалекты.

был полностью поглощен языком предков финнов, карел и вепсов в процессе освоения ими севера, так что все современные саамские диалекты продолжают северный прадиалект (М. Korhonen 1981 : 49). В связи с общей схемой распада прибалтийско-финско-саамской языковой общности встает вопрос о том, где после ее распада проходила граница между ее западной и восточной частями, т. е. соответственно между предками прибалто-финнов и саамов. Судя по определенным лингвистическим реконструкциям, Межозерье входило в ареал прасаамской языковой истории, а прибалто-финны размещались западнее. Есть предположение о том, что восточная граница праприбалтийско-финской языковой общности в начале I тыс. н. э. располагалась к востоку от Чудского и Псковского озер, откуда носители восточного прибалтийско-финского прадиалекта распространились постепенно на север в Приладожье (Т. Itkonen 1983).² Задели ли они в своем продвижении Межозерье? Не исключено, что западное Межозерье испытало определенное воздействие этой праязыковой волны. Кроме того, граница между праязыковыми предками саамов и прибалто-финнов не могла быть абсолютной. Существовала, без сомнения, переходная зона, к которой могла относиться и часть Межозерья, и прилегающие к нему с запада Поволжье и Приильменье. Во всяком случае, глубинный финский фон в топонимии (Р. А. Агеева 1989), а также определенные особенности русских говоров этой территории (А. С. Герд 1985) свиде-

² См. карту 5.

тельствуют о финских в широком смысле истоках ее населения. Однако требуются более тщательные и доскональные топонимические и в целом лингвистические исследования для конкретизации этого общего положения.

Изложение общей схемы распада прибалтийско-финско-саамской языковой общности и поэтапного формирования на ее основе саамского языка (частично и прибалтийско-финских языков) уместно в контексте данного исследования, ибо основные этапы этого процесса так или иначе привязаны к территории Межозерья. А топонимический материал, со своей стороны, подтверждает правомочность основных положений предложенной схемы, ибо укладывается в нее. В самом деле, на отдельных участках Межозерья в топонимии законсервировались признаки, свойственные разным этапам процесса распада языкового единства. Определенные саамские элементы намечаются уже в топонимии Волго-Двинского междуречья, далеко на восток от Межозерья, однако это еще не саамская топонимия как таковая. Субстратные языки этой территории, как уже отмечалось выше, занимали промежуточное положение между волжско-финскими, саамскими и прибалтийско-финскими языками. По мере продвижения на северо-запад, в Белозерье и собственно Межозерье, прибалтийско-финско-саамские признаки приобретают все большую четкость и определенность. Одним из наиболее показательных в этом смысле является топоформант -бой (-буй), чрезвычайно продуктивный в Белозерье в гидронимах типа Кибой, Анбой, Кильбой, Холombой, Маткабой, Ингобой, Пажбой, Разбуй, Чухбой, Шидбой и др. (Л. А. Субботина 1984). В топонимии Межозерья обнаруживается целый ряд топооснов, которые восходят к периоду существования прибалтийско-финско-саамской общности или к прасаамскому времени. Среди них шуб- (Шубозеро, Шубоя, Шубнема) — праязыковая основа, к которой восходят и фин. *haara*, и соответствующее саам. *surb* 'осина'; шид- (Шидозеро, Шиднема, Шидбой и др.), общая прасоснова для приоб.-фин. *hiisi* с разветвленной семантикой ('священная роща, место языческих жертвоприношений', 'черт, леший') и саам. *sijt*, *siita* 'поселение'; топооснова печ- (Печезеро, Печручей и т. д.), праформа для приоб.-фин. *retäjä* и саам. *riedts* 'сосна'. Этот ряд можно продолжить и другими топонимными основами Межозерья, которые по своей фонетической структуре не являются еще ни саамскими, ни прибалтийско-финскими, а отражают то историческое состояние, когда не произошло еще разделения на непосредственных предков прибалтийско-финских и саамского языков. В этом смысле топонимия Межозерья подтверждает истинность кабинетных реконструкций, осуществленных финляндскими этимологами на базе современных саамских и прибалтийско-финских языковых данных для воссоздания определенных элементов прибалтийско-финско-саамского праязыкового состояния. Здесь, в Межозерье, эти элементы обнаруживаются в живом, функционирующем виде.

Прасаамское языковое состояние отражается в чрезвычайно любопытной компактной группе гидронимов типа Егинжа, Добинжа,

Илинжа, Игинжа, Лобинжа, Салинжозеро, Оренжа, Илинжозеро, и др., расположенной в северном Белозерье, на границе Онежского и Белозерского бассейнов. В ней сохранился древний прасаамский суффикс -*nže* (саам. -*š*) с деминутивной семантикой, чрезвычайно продуктивной в топонимии (о предыстории саам. суффикса -*š* см. М. Korghonen 1981 : 320).

Прасаамская языковая история, таким образом, разворачивалась в регионе Европейского Севера, включающем в себя и территорию Межозерья. В топонимии Межозерья содержится целый ряд примет, отражающих праязыковое состояние; многие языковые изменения, характеризующие современные собственно саамские диалекты, еще не свершились. С другой стороны, уже обнаружился набор признаков — и лексических, и морфологических, — позволяющих признать в носителях языка и создателях топонимии Межозерья, предшествовавшей появлению западного вепсского пласта, предков саамов. Закономерно, что интенсивность топонимии саамского типа в Межозерье возрастает по мере продвижения с юга на север: чем ближе к Свири, тем определеннее становятся собственно саамские признаки в топонимии.

Предшествующий материал убеждает, что этноним саамы для Межозерья в значительной степени условен. Под ним фактически объединяется несколько этапов прасаамского языкового развития. Складывается впечатление, что в некоторых отношениях тот саамский язык, который закрепился в топонимии, ближе к прибалтийско-финским языкам, чем современные саамские данные. Это заставляет полагать, что некоторые характерные признаки, отличающие саамский язык от прибалтийско-финских, сложились севернее Межозерья и позднее контактов саамов с вепсами. Обращает на себя, к примеру, внимание отсутствие в Межозерье и смежном Заволочье некоторых типовых топооснов, свойственных современной саамской топонимии, таких как ландшафтный термин *fargk* 'мыс' или дифференцирующая саамская топооснова *ketk* 'камень'. В их функции выступают нема (вепс. *pet*) 'мыс' и кив- (вепс. *kivi*) 'камень', которые сейчас воспринимаются как исключительно прибалтийско-финские. Есть, однако, основания полагать, что они были известны и языку межозерских «саамов», а позднейшая утрата их саамскими говорами и приобретение последними специфической саамской географической терминологии связано с продвижением саамов на север Скандинавии (А. К. Матвеев 1979 : 9). Межозерье по ландшафту значительно отличается от Скандинавии — той среды, где в настоящее время обитает саамский этнос. Здесь, на севере, неизбежно должна была сложиться своя система терминов, в том числе с привлечением протосаамских данных.

Итак, устанавливающийся по данным топонимии южный (юго-восточный) поток заселения Межозерья связан с общим процессом распада финно-угорской языковой семьи и формированием на основе прибалтийско-финско-саамской языковой общности непосредственных языковых предков прибалто-финнов и особенно саамов.

Второй поток в дославянском освоении Межозерья — западный — идет из южного Приладожья по рекам юго-восточного Приладожья на восток — Прионежье, Онежско-Белозерский водораздел и Белозерье. Если южный поток устанавливается по гидронимии, то западный формируется в значительной степени за счет ойконимии и микротопонимии, что свидетельствует о вторичности последнего, наложении его на предшествующий субстрат. Среди наиболее наглядных подтверждений западного потока — так называемая -l-овая ойконимная модель, т. е. названия поселений, оформленные формантом -l: Vingl, Karhil, Kokoil, Nirgl, Ozroil, Hübjoil, Naragol и т. д., причем на обрусевшей территории Межозерья вепсский-l-овый оригинал последовательно передается через модель с формантом -ицы|-ичи: Игокиничи, Ньюбиници, Мустиничи, Вязикиничи, Суббочиницы, Валданицы, Куневичи, Уштовичи и др.; -l-овое оформление (типа Кожела, Канжела, Кайбола, Нуроля, Пудроль, Имолово, Мурдола) сохраняется лишь в одном микрорегионе по среднему течению реки Паши.³

Эта модель не является специфически вепсской, она известна и в других прибалтийско-финских языках. Если нанести ее на карту, то ареал разместится вокруг Финского залива, и -l-овая ойконимия Межозерья, таким образом, представляет собой юго-восточную окраину этого общего прибалтийско-финского ареала. Исследования, проведенные на финском и эстонском материале, убедительно доказали, что -l-овая ойконимия распространена в местах наиболее раннего стабильного земледельческого освоения, в то время как на территориях, осваивавшихся позднее, -l-овая модель непопулярна (V. Nissilä 1962 : 92, V. Pall 1977 : 196, 237). Есть основания утверждать, что эта закономерность свойственна и вепсской ойконимии на -l, которая неравномерно распределена по Межозерью. Наиболее интенсивное скопление ее находится в нижнем течении реки Ояты, причем примечательно практически полное наложение его на ареал наиболее ранних приладожских курганов, свидетельствующих о появлении в южном Приисвирье на рубеже I—II тыс. н. э. устойчивого земледельческого населения (см. карты: С. И. Кочкуркина 1973 : 62; С. И. Кочкуркина 1985 : 159), что в свою очередь означало возникновение поселений, а следовательно, и их названий. Наложение ареалов — топонимного и археологического — не ограничивается нижней Оятью. Оно прослеживается и на более широком ареале, закономерно приводя к мысли о том, что -l-овая ойконимия представляет собой след языка носителей приладожской курганной культуры X—XIII вв. И сам формант, и содержание основ -l-овой ойконимии — вепсский дохристианский (нехристианский) антропоним — свидетельствуют о ее бесспорных прибалтийско-финских — конкретно вепсских — истоках. Это в свою очередь — дополнительный факт и в пользу вепсской принадлежности самих курганов.

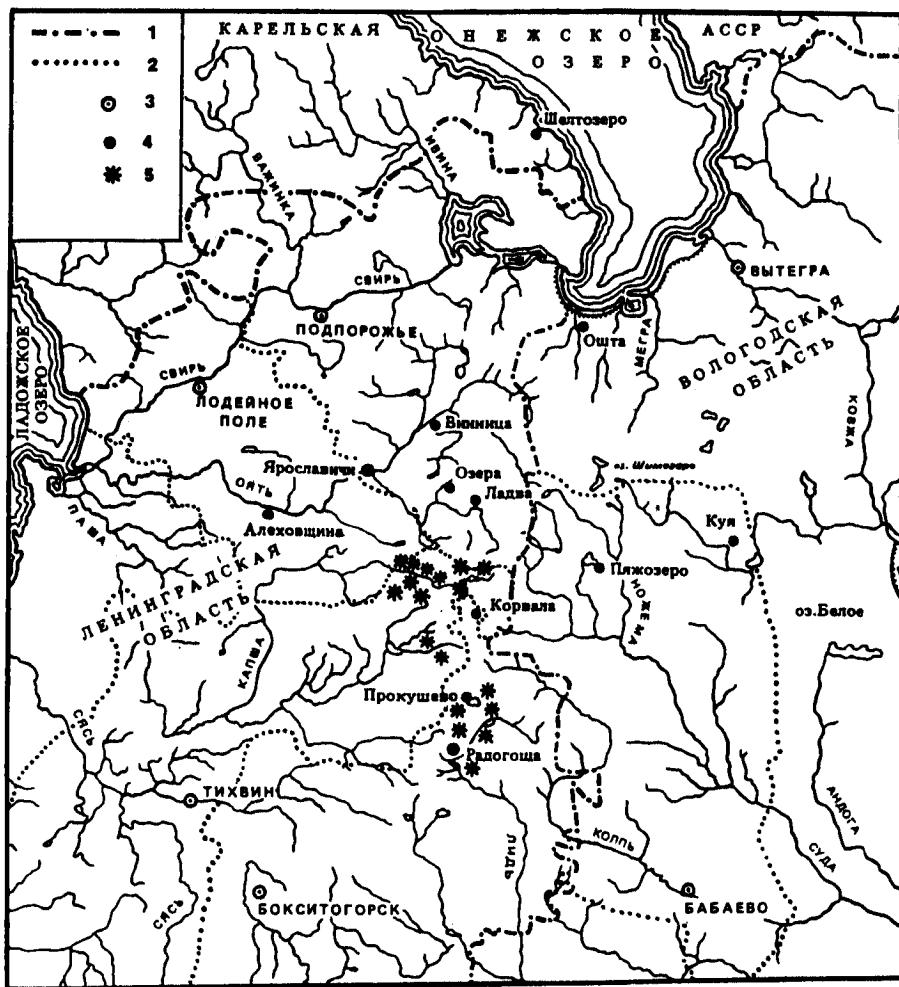
По мере продвижения с низовьев Ояты на восток единый массив -l-овой ойконимии распадается на три основных потока (карта 4). Один идет вверх по Ояты, второй распространяется с Ояты через

³ См. подробнее в очерке «Вепсская ойконимия».

ее южные притоки на Капшу, Пашу и ареал расселения южных вепсов — на Лидь, а третий пролегает с Ояты через ее северные притоки на среднее течение Свири.⁴ Причем по мере удаления от центра ареала, на его периферии, интенсивность -l-овой ойконимии заметно падает, пока не затухает совершенно. Последнее относится к территории Прионежья и Белозерья. Рискнем предположить, что эти три потока отражают основные направления освоения вепсами территории Межозерья, тем более что каждое из них подтверждается как в целом лингвистическими, так и специфическими топонимическими реалиями. К примеру, южное направление доказывается диалектным членением вепсского языка: вепсские говоры Капши являются переходными между Приоатьяем и южновепсским ареалом, т. е. в них уже наметились признаки, которые воплощаются полностью у южных вепсов. Среди надежных топонимических свидетельств — целая серия гидронимов с основой matk 'путь, дорога' на водоразделе Ояты и Капши, указывающая в прибалтийско-финской топонимии на водные магистрали, служившие путями передвижения, освоения новых территорий. Другой любопытный топонимический факт — общая для Капши и южных вепсов топонимная модель Koumišt—Kāmišt, букв. 'кладбище', неизвестная на прочих вепсских территориях (карта 6). Видимо, это достаточно древняя модель, ибо урочища с таким названием, имеющиеся в окрестностях многих деревень по рекам Лидь и Капша, почитаются в качестве мест, где жители, по преданию, захоронили себя, спасаясь от литвы. Этнографы предполагают, что первоначально Koumišt — это священное кладбище, на котором были похоронены предки — покровители рода (И. Ю. Винокурова 1988 : 11).

Что касается самой Ояты, то по мере удаления от низовьев к истокам плотность ареала ойконимов на -l заметно падает, и сама -l-овая ойконимия (может быть, за редким исключением) не проникла здесь за пределы Оятского бассейна, в Белозерье, при том что освоение Белозерья, видимо, происходило с Ояты и ее притоков: говоры Приоатья и Белозерья при всем их различии входят в одну диалектную группу — средневепсскую. Топонимия позволяет восстановить некоторые из тех путей на водоразделе Ояты и рек Белозерского бассейна, по которым проходило освоение новых территорий. Один из них, к примеру, пролегал с верховий Ояты на Коломшу, в истоках которой располагается обширное озеро Маткозеро (основа matk 'путь, дорога', как уже упоминалось, часто в названиях водных магистралей, по которым шло освоение территории), и на Ножему, обе реки — притоки Суды. В бассейне Ножемы и сейчас есть вепсские поселения, а берега Колошмы еще в начале века имели их во множестве. Отсюда путь шел в вепсское Шимозерье и далее в бассейн Шолы — в Белозерье,

⁴ -l-овая ойконимия есть и в восточном Приладожье, по рекам Олонке, Тулоксе, Видлице. Однако в силу того, что это современная карельская (ливвиковская) территория, сложно установить, имеет ли здесь ойконимия на -l (типа Гомала, Теркула, Гиттойла, Капшойла, Рабола, Мергойла, Пирдойла и др.) карельские или более древние вепсские истоки.

Карта 6. Koumišt-Kāmišt в вепсской топонимии.

1—границы Карелии и областей; 2—границы районов; 3—районные центры; 4—населенные пункты; 5—Koumišt-Kāmišt в топонимии.

где и сейчас существуют вепские деревни. Здесь, на территории Онежско-Белозерского водораздела и на территории, тяготеющей к Белозерью, -l-овый формант в ойконимии практически неизвестен — факт, подтверждающий, что данный регион не входил в ареал изначального вепского заселения.

Почему вместе с распространением вепсов на восток — в Белозерье — интересующий нас ойконимный тип не распространился на указанные территории? Ответ, видимо, заключается в том, что последние первоначально осваивались вепсами как промысловые, и только позднее здесь появилось оседлое население. Естественным

образом топонимия, сложившаяся в результате промыслового использования земель (наименования водных объектов, лесных урочищ и т. д.), переносилась на наименования вновь основанных здесь поселений: ур. Voilaht → дер. Voilaht, оз. Šimgäfv → дер. Šimgäfv, P. Sarg → дер. Sarg. В результате здешним ойконимам практически неизвестна ойконимная модель на -l, распространенная в ареале изначального заселения.

Еще одна топонимическая реальность Белозерья — это сочетание четкого вепского элемента с мощным невепским (довепским) пластом. Впрочем, к этой особенности топонимии Белозерья мы вернемся ниже, при анализе взаимоотношений вепсской топонимной системы с довепским субстратом в Межозерье. Сейчас же обратимся к северному пути распространения -l-овой ойконимии, который пролегал с Ояти через ее северные протоки на среднее течение Свири. В настоящее время Свирь — это русская (обрусевшая) территория. Прибалтийско-финская топонимия сохранилась на Свири лишь в виде субстрата — факт, безусловно, затрудняющий ее надежную этническую интерпретацию. Этническая атрибуция присвирской топонимии осложнена и тем, что Свирь традиционно считается территорией вепско-карельского контактирования, так что прибалтийско-финская топонимия может здесь иметь и вепские, и карельские истоки. Есть, однако, основания, и немалые, утверждать вепское прошлое Свири и в частности ее -l-овой ойконимии. В пользу этого убедительно свидетельствуют факты лингвистики: участие вепского субстрата в формировании карельских диалектов (ливвиковского и людиковского), распространенных в северном Присвирье, не вызывает в настоящее время сомнения. Этой проблеме посвящен обширный круг литературы, доказывающей, что вплоть до карельской экспансии, начавшейся в Восточное Приладожье и на Онежско-Ладожский перешеек в XIII в., эта территория осваивалась вепсами (Т. Ikonen 1971, А. Tuupen 1973). Другими словами, вепсы населяли не только Свирь, но и распространялись на север от нее, в глубь Онежско-Ладожского перешейка. Последнее подтверждается, между прочим, показательным этнонимическим фактом: карелы, представляющие собственно карельский диалект и населяющие район Сегозера, называют карел-людиков, проживающих южнее ареала их к югу от Медвежьегорска, вепсами — *vepsä* (Духовная культура сегозерских карел. С. 4). Здесь же зафиксировано несколько топонимов с основой вепс-: Вепсозеро, Вепснаволок, Вепсгуба, Вепснополь и др. Эти факты должны, видимо, рассматриваться как следы бывшего вепского присутствия на территории северо-западного Прионежья, населенного ныне карелами-людиками.

Добавим к вышесказанному показательные моменты географии карельского расселения в северном Присвирье. Территория распространения ливвиков, тяготея к рекам, впадающим в Ладожское озеро (р. Видлица, Тулокса, Олонка), практически не выходит непосредственно к Свири. Причем наблюдается достаточно четкая закономерность: по мере приближения к Свири нарастают вепские признаки в языке карел-ливвиков. Примером может служить гео-

графически наиболее близкий к бассейну Свири ливвиковский говор с. Кондуши, который отличается целым комплексом языковых особенностей, сближающих его с вепским языком (P. Virtaranta 1973). Еще более убедительные вепские признаки свойственны присvirским людиковским говорам (A. Tugupen 1977). Очевидно, карельское влияние, распространявшееся на Онежско-Ладожский перешеек с запада (ливвиковское Приладожье) и севера (бассейн р. Шуя), практически не достигло самой Свири, растворившись в вепском населении Присвирья. Известно, что людиковская территория осваивалась карелами поздно по сравнению с коренной карельской территорией, и в полном соответствии с этим фактом ойконимная модель на -l практически не получила распространения у людиков (V. Nissilä 1962 : 92). Так что всплеск активности -l-овой ойконимии в среднем течении Свири в устьях рек Важинки и Усланки (Kakoil, Tuošla, Kinul, Sagil, Pirkla, тут же русские ойконимы на -ицы | -ичи типа Погаченицы, Перхиничи, Мериничи и т. д.) должно связывать не с карелами-людиками, поселения которых есть в бассейнах названных рек, но рассматривать как свидетельство вепского освоения этого участка Свири, причем освоения относительно раннего, засвидетельствованного моделью ойконимов на -l. В связи с последним чрезвычайно показательны факты археологии Свири. Дело в том, что всплеск активности -l-ового ойконимного типа, в целом непопулярного на Свири, приходится именно на тот участок среднего течения реки, на котором обнаружены наиболее ранние средневековые находки X—XI вв., принадлежавшие приладожской курганной культуре. Приуроченность последних именно к этому участку Свири не случайна: здешние боровые массивы на песчаных и супесчаных почвах наибольшим образом соответствовали потребностям хозяйства древних местных коллективов — носителей курганной культуры Юго-Восточного Приладожья (А. М. Спиридонов 1989). Вновь, как и на Ояти, наблюдается наложение археологического и топонимного ареалов, свидетельствующее о том, что -l-овая модель сопутствует приладожской курганной культуре, представляет собой след языка этой культуры.

Целая серия лингвистических доказательств присутствия вепсов на север от Свири, на территории Онежско-Ладожского перешейка и участия их в формировании языка южной Карелии, к сожалению, не подкрепляется на сегодняшний день достаточно убедительными топонимическими свидетельствами. Проблема здесь не столько в недостатке материала (территория эта еще не полностью обследована топонимически), сколько в том, что топонимические критерии становятся зыбкими и ненадежными, когда выявляются ареалы близкородственных в языковом отношении коллективов — в нашем случае карел и вепсов. Из всех языковых уровней наибольшей релевантностью для топонимии обладает лексика, однако применительно к территории Онежско-Ладожского перешейка этот критерий срабатывает плохо: топонимная лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходят в массе своей к словарному фонду,

общему для всех родственных прибалтийско-финских языков и, следовательно, не обладают способностью дифференцировать языковые коллективы. Все это чрезвычайно ограничивает диапазон надежных топонимных основ-меток, свойственных исключительно вепсской или исключительно карельской топонимическим системам. На роль такой метки, возможно, может претендовать маркирующая карельская топонимная основа *lambi* 'лесное озеро', которая не известна вепсам. Примечательно в связи с этим, что она малопродуктивна в бассейне северных притоков Свири — Мандеры, Усланки, Важинки, Пидьмы. Подобно южному вепсскому Присвирью здесь обходятся одной лексемой *järv* 'озеро', а *lambi* появляется в бассейне Шуи и Ладожского озера. При этом *lambi*, бытующее в людиковских говорах, в топонимическом функционировании здесь, в северном Присвирье, практически не проникло. Возможно, такая ситуация — это след былой вепсской традиции, которая не знала слова *lambi*.

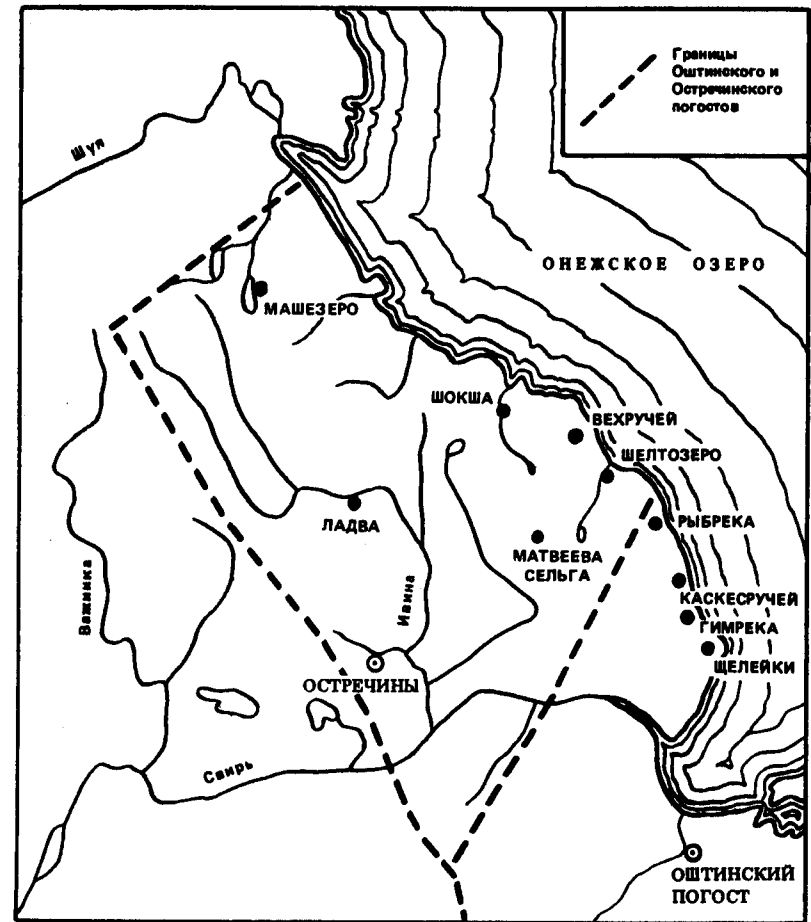
В ряду дифференцирующих вепских топонимных основ любопытной может оказаться *purde* 'родник, ключ', следы которой просматриваются и в северном Присвирье.⁵ К сожалению, плохая топонимическая изученность территории не дает возможности выявить изоглоссы этих и других топооснов в северном Присвирье и тем самым высказаться определеннее о границах вепсского проникновения на север.

В связи с вепским освоением Онежско-Ладожского перешейка должен решаться и вопрос о заселении вепсами Прионежья — нынешней северновепсской территории. Ранее уже отмечалось, что здесь полностью отсутствует -l-овая ойконимия. Подобно Белозерью, в вепском Прионежье господствуют вторичные наименования кустов поселений, восходящие к соответствующим наименованиям природных реалий — рек, озер, ручьев и т. д.: оз. *Šoutafv → с. Šoutafv, р. Šokš → с. Šokš, ур. Mecantaga → с. Mecantaga, руч. Venkei → с. Vehkei. Очевидно, этот регион, как и Белозерье, первоначально осваивался вепсами в качестве промысловой территории и только позднее здесь появились поселения с постоянным населением. Прионежье, таким образом, не входит в ареал -l-овой ойконимии, очерчивающей территорию первоначального вепсского освоения. Вероятно, оно заселялось позднее, чем район южного Присвирья. Когда же происходил этот процесс? На основе косвенных данных ПКОВ XV—XVI вв. В. В. Пименов полагает, что Прионежье осваивалось вепсами не раньше XIV в. (В. В. Пименов 1965 : 185). К этому времени относится активное освоение Свири и Присвирья новгородскими словенцами, которые появились на этом водном пути еще несколько столетий назад. Под их натиском вепсы вынуждены были отодвинуться из Присвирья на новые, малозаселенные или совсем пустые места, в том числе и Прионежье. В языке и топонимии

⁵ Лексема *purde* известна и некоторым людиковским говорам северного Присвирья, однако можно предполагать, основываясь на географическом факторе, что в них это след вепсского субстрата, вепсского прошлого.

северных вепсов есть достаточно наглядные следы присви́рского прошлого. Один из них — лексема *posad*, служащая для обозначения понятия «деревня». Причем эта лексема распространена исключительно у прионежских вепсов, остальные группы вепсов ее не знают. Слово *posad* имеет несомненные русские истоки и усвоено вепсами на Свири (см. подробнее в очерке «Вепсская ойконимия»). Какими путями произошло проникновение из Присви́рья в вепское Прионежье? Географическая карта вепского Прионежья представляет по крайней мере два таких пути: Онежское озеро и бассейн р. Ивины, северного притока Свири, ограничивающего с запада северновепскую территорию. Согласно ПКОП, вся территория прионежских вепсов по административному делению XV в. входила в состав двух погостов — Остречинского и Оштинского, центры которых находились в Присви́рье (карта 7). Причем связь из центра погоста со всеми входящими в состав погоста поселениями вепского Прионежья осуществлялась в одном случае по Онежскому озеру, в другом — по р. Ивине. Подобное административное деление, по нашему мнению, действительно подтверждает существование и использование двух водных путей, вокруг которых группировалось вепское население Прионежья. Добавим, что до недавнего времени все юго-западное побережье Онежского озера, вплоть до самого устья Свири, было вепским: обрусение бывших вепских деревень Гимрека, Щелейки, и Подщелье, располагающихся к югу от современного ареала прионежских вепсов — в границах бывшего Оштинского погоста, происходило еще в первой половине XX в. (С. А. Макарьев 1927 : 53). Более того, явное вепское прошлое и у центра бывшего Оштинского погоста — с. Ошта. Об этом свидетельствует вепский субстрат в его топонимии (М. Э. Рут 1982 : 21—23), а также само географическое положение села — в окружении вепских поселений. Таким образом, вепские села Прионежья — естественное продолжение заселения вепсами побережья Онежского озера. Примерно такая же ситуация и на территории Остречинского погоста. В топонимии русских сел, расположенных по реке Ивине (Ладва, Таржеполь, бывшее с. Остречи́ны), обнаруживается значительный вепский топонимический пласт, свидетельствующий в пользу вепского прошлого этой территории. К примеру, из почти 400 топонимов с. Ладва и его окрестностей более 100, т. е. около трети, имеют явное вепское происхождение. Среди них само название села Ладва (вепс. *ladv* 'вершина, исток реки'), а также названия двух расположенных при заливах реки Ивины деревень, входящих в состав села: д. Лахта, ср. вепс. *laht* 'залив', д. Кара. ср. вепс. *kar(a)* 'небольшой залив, бухта'. Вепские истоки имеют многочисленные названия лесных речек, ручьев, озер: Габручей (*hab* 'осина'), Лепручей (*lep* 'ольха'), Кивручей (*kivi* 'камень'), Каскозеро (*kask* 'подсека'), Пихкозеро (*pihk* 'молодой хвойный лес'). Чрезвычайно показателен мощный вепский пласт в микропонимии, отличающейся подвижностью и изменчивостью: ср. ур. Вехкорга (< *Vehkorg, *vehk* 'вахта', *org* 'овраг, низина'), ур. Гапшема (*hapšom* 'осиновый лес'), порог Коска (*kosk* 'перекат, порог в реке'), поле

Карта 7. Территория прионежских вепсов по административному делению XV в.

Палатеса (*palatēz* 'гарь, горелое место'), поле Палтега (*palte* 'склон, косогор') и др. Сохранение микропонимов вепского происхождения должно, очевидно, рассматриваться, во-первых, как след значительного вепского присутствия здесь, на месте современного русского села Ладва, во-вторых, как свидетельство относительно позднего обрусения этой территории.

На бесспорном вепском топонимическом фоне бассейна реки Ивины обращает на себя внимание русское по происхождению название самой реки. На первый взгляд, гидроним находится в явном противоречии с общей топонимической закономерностью: чем крупнее по размерам, чем значительнее по функции географический объект, тем древнее его название. Однако из каждого правила есть

исключение. В русских районах Карелии и сопредельных территорий нередки названия, возникшие в результате перевода прибалтийско-финского топонима на русский язык. Некоторые примеры таких переводов можно обнаружить в ПКОП: «Дер. на Долгом ручью, а ныне словет на Туксе на Питкое» (Pitkoja, букв. 'Долгий ручей'). В связи с этим правомерно предположение о переводном характере названия Ивина (восходит к лексеме ива, оформленной гидроформантом -ин, представленным в гидронимии Присвирья, ср. реки Марина, Остречина, Важина и др.), поддерживаемое тем обстоятельством, что один из достаточно крупных притоков Ивины носит название Пай. В основе последнего очевидное вепское рају 'ива'. Вероятно, после того как в северном Присвирье появились русские переселенцы, произошло постепенное размежевание вепского названия и переведенного русского эквивалента: за материнской рекой закрепилось Ивина, а вепский оригинал Пай был перенесен на ее приток, впадающий у с. Ладва, что, кстати, дает основание предполагать, что именно здесь и родился гидроним Ивина, распространившийся позднее на всю реку.⁶

В топонимии Ивины, современной русской территории, обнаруживается, таким образом, очень четкий достоверный вепский субстрат, доказывающий, что в прошлом, до русского освоения, берега Ивины были заселены вепсами, которые использовали этот водный путь для продвижения из Присвирья и Прионежья, в частности в Шокшу, Вехручей, Шелтозеро, Залесье, которые через систему внутренних озер связаны водным путем с Ивиной.⁷

Материалы ПКОП отмечают в XV в. на территории современного вепского Прионежья чрезвычайно малочисленное население, что позволило В. В. Пименову высказать предположение о том, что вепсы появились здесь лишь незадолго до переписи 1496 г. (В. В. Пименов 1965 : 184—185). В целом же территория Онежско-Ладожского перешейка осваивалась вепсами относительно рано, во всяком случае до проникновения в этот ареал карельского населения. Очевидно, основные колонизационные потоки вепсов, поднимаясь вверх по северным притокам Свири, первоначально проходили мимо современного вепского Прионежья или затронули его лишь незначительно. Объяснение этому следует искать, видимо, в не слишком благоприятных для народа-земледелца природных условиях этой территории: скалистый берег Онежского озера пере-

⁶ Между прочим, Ивина — не единственное переводное название в интересующем нас районе. Прионежские вепсы знают реку и селение Остречины, центр бывшего Остречинского погоста, под названием Ahnuz, Ahnuzdogi; в основе его вепское слово ahn 'окунь'. Но в таком случае в русском эквиваленте названия можно усматривать перевод вепского оригинала, ибо оно восходит к русскому диалектному слову острец 'окунь', точному переводу вепской лексемы ahn.

⁷ Эти села вместе с вепскими поселениями Матвеева Сельга, Кушлега, Муромля, расположенными уже непосредственно в бассейне Ивины, входили в состав Остречинского погоста, в то время как южная часть вепского Прионежья (в том числе с. Каскесручей, Другая Река, Рыбрека), прилегающая к Онежскому озеру, относилась к Оштинскому погосту.

ходит в водораздельные болота. Мало плодородных речных долин, необходимых для ведения земледелия, ибо реки и ручьи Прионежья малочисленны и незначительны по размерам. Однако к XIV в. и даже, очевидно, несколько раньше ситуация на Онежско-Ладожском перешейке меняется. Здесь появляются карелы, которые активно осваивают территорию с севера и запада. Они выходят на верховья притоков Свири и преграждают вепсам путь на север. Судя по некоторым топонимическим свидетельствам, карелы достигают и бывших вепских территорий в верховьях Ивины. Здесь, на водоразделе рек Ивины и Лососинки, притока Онежского озера, появляются топонимы с элементом ламба: озера Черная Ламба, Белая Ламба, Плисовая Ламба, урочища Ламба, Ламбики и др. Судя по лексическим и топонимическим материалам зоны карело-вепских контактов, указанная лексема, как уже отмечалось, — явный след карельского присутствия, карельского влияния, ибо вепским говором она неизвестна. Этническая ситуация, сложившаяся к XIV в. в северном Присвирье, вынуждала вепсов, отступавших из Присвирья под натиском русской колонизации, обратить свои взоры на обойденную прежде территорию, прилегающую к Онежскому озеру.

В плане хронологии вепского освоения Прионежья показательно и взаимодействие вепского топонимического пласта с предшествующей топонимией. На территории вепского Прионежья очень слаб саамский пласт, достаточно убедительный в более западных районах Онежско-Ладожского перешейка. Видимо, в основе этого факта — отсутствие преемственности в заселении территории: надо полагать, что к тому моменту, когда вепсы начали осваивать Онежское побережье, саамы в основном уже откочевали севернее, и поэтому вепсы заселяли здесь практически пустые места. Впрочем, не исключено, что саамы вообще редко заселяли указанный ареал Прионежья, отдавая предпочтение непосредственно берегу Онежского озера, с которым была связана их жизнедеятельность, в то время как вепсы, будучи земледельцами, осваивали прежде всего более плодородные речные долины.

Здесь мы вновь возвращаемся к проблеме довепского субстрата в топонимии Межозерья и взаимодействию пришлого вепского топонимического пласта с местной, условно «саамской», топонимией, имея, однако, в виду, что в Межозерье этот процесс отражает иную, более раннюю стадию языкового развития, чем в упоминавшемся в предыдущем абзаце вепском Прионежье. Субстратная довепская топонимия неравномерно распределена по территории Межозерья. Интенсивность ее явно возрастает по мере продвижения с запада на восток. Об этом наглядно свидетельствует соотношение вепской и субстратной лимнонимии, т. е. названий озер на разных участках Межозерья. Если в верховьях рек юго-восточного Приладожья количество вепской и субстратной лимнонимии приблизительно одинаково, то уже в смежном Шимозерье, расположенном на Онежско-Белозерском водоразделе, субстратных названий озер примерно вдвое больше, чем имеющих вепское происхождение. Причины такого географического распространения неоднозначны, хотя в основе,

видимо, кроется разный характер освоения различных участков Межозерья вепсами и, соответственно, разный характер вепско-«саамских» взаимоотношений. Выше уже приводились доказательства в пользу того, что вепсы заселяли западное Межозерье, т. е. бассейн рек юго-восточного Приладожья и раньше, и плотнее, чем восток региона, который служил для них первоначально лишь промысловой территорией. В таких условиях промыслового освоения, предполагающего длительные контакты с местным населением, предшествующая топонимия имела больше шансов сохраниться. В соответствии с нарастанием интенсивности «саамского» пласта ослабевает вепский, так что в Белозерье, представляющем собой восточную окраину Межозерья, вепская топонимия явно уступает более мощному довепскому топонимному субстрату, имеющему прасаамские и досаамские (прибалтийско-финско-саамские, может быть и с верхне-волжскими элементами) истоки. Эта закономерность проявляется и в лексике Белозерья. В здешних русских говорах наряду с бесспорными вепскими лексемами типа кара 'озерный или речной залив', корба 'сырое заболоченное место', райда 'ивняк' и др. выступает целый ряд слов, не этимологизирующихся на прибалтийско-финской почве, а имеющих более древние истоки, ср. пенус, чапша, похта, шайма, ухта, шамера, оманга и некоторые другие лексемы, обозначающие в Белозерье разновидности болот (Л. А. Субботина 1983). Очевидно, это дает основание утверждать, что Белозерье — своеобразная окраина вепского ареала, где вепское влияние не было столь мощным, чтобы перекрыть предшествующий субстрат. На западе Межозерья последний размыт в значительно более сильной степени уже упоминавшимся плотным вепским освоением, так что следы субстрата сохранились там практически лишь в топонимии.

Итак, два топонимных потока: западный, имеющий прибалтийско-финские истоки, и южный (юго-восточный), включивший в себя разные этапы формирования и распада прибалтийско-финско-саамской общности, соприкоснулись в Межозерье, и не просто соприкоснулись, но тесно переплелись, вступили во взаимодействие. Последнее проявляется в усвоении предшествующей («саамской») топонимии вепским языком и вепской топонимной системой, в оформлении «саамских» топооснов вепскими детерминантами, в появлении, наконец, некоторых переводных топонимов, свидетельствующих о вепско-«саамском» билингвизме: в Прионье руч. Pitkoja (вепс. pitk 'длинный') вытекает из озера Kukazjåfv (саам. kugkes 'длинный'); в южновепском ареале в течений руч. Vġoja (< * Vilgoja, ср. саам. vil^hka^o, vil^hka^d 'белый') располагается оз. Vågedjåfv (вепс. våged 'белый'). Немногочисленность примеров подобного рода еще не значит, что процесс калькирования, свидетельствующий о прочных связях и билингвизме населения, не был характерен для Межозерья периода вепско-«саамского» контактирования. Мы полагаем, что время не донесло до нас большинства фактов калькирования, которые наглядны в условиях живого двуязычия или при возможности использовать материалы письменных источников, отражающих разные этапы жизни одного топонима. В случае вепско-

саамских контактов мы лишены обеих названных возможностей. Определенные косвенные данные позволяют предполагать, что некоторые топонимы, воспринимающиеся как прибалтийско-финские, в действительности представляют собой результат калькирования, перевода саамского названия. Почему, к примеру, топоосновы со значением 'черный' и 'белый', являющиеся своего рода топонимными универсалиями, присущими разным топонимным системам различных эпох, территорий и языков (в том числе современной саамской топонимии), практически не обнаруживаются в саамской субстратной топонимии Межозерья? Видимо, по той же причине, по которой вепские топоосновы must 'черный' и vouged 'белый' практически полностью отсутствуют в обрусевших районах вепского Межозерья — они переведены на русский язык: Mustjåfv → Черное озеро, Vougedjåfv → Белое озеро. Видимо, аналогичный процесс происходил и в результате вепско-«саамского» контактирования, т. е. «саамские» топонимы переводились на вепский. Причем, надо полагать, родственность контактирующих языков увеличивала реальность такого перевода.

В связи с выявленным тесным взаимодействием вепского топонимного пласта с местным саамским в Межозерье встает вопрос об участии саамского элемента (уточним: условно саамского, под которым подразумевается население, пребывающее в значительной степени в прасаамской стадии языкового развития) в формировании вепского этноса. На данный момент проблема эта не разработана, хотя уже сейчас есть исследования, подтверждающие бесспорное саамское воздействие на вепскую лексику (Н. Г. Зайцева 1988). Значительные неприбалтийско-финские особенности, причем в комплексе с западными, прибалтийско-финскими, обнаружены в археологической культуре Межозерья, особенно восточного и юго-восточного. Выявленные топонимические моменты — серьезный аргумент в пользу участия южного (юго-восточного) потока освоения, принадлежавшего общим предкам саамов и прибалто-финнов и сформировавшимся на их основе саамам, в формировании вепского этноса в Межозерье.

В заключение отметим, что процессы, аналогичные описанным, происходили и на смежных с Межозерьем территориях, в частности в Заволочье, особенно районе Онеги. Отличительной особенностью этого региона по сравнению с Межозерьем было менее плотное прибалтийско-финское освоение, что способствовало лучшему сохранению доприбалтийско-финского субстрата. Естественно, что на такой обширной территории последний не мог быть единым. Свердловские топонимисты различают по крайней мере две диалектные разновидности, условно называя их носителей соответственно двинскими и белозерскими саамами (А. К. Матвеев 1979 : 10; А. К. Матвеев, С. М. Стрельников 1988). При этом тот ощутимый прибалтийско-финский компонент, который принято выделять в топонимии Заволочья, не обязательно есть следствие исключительно западной (прибалтийско-финской) волны освоения, он формируется, видимо, и за счет субстратного наследия, родственного в языковом отношении прибалто-финнам.

Еще один заслуживающий внимания момент — это этнонимия, конкретно — этнонимическая основа вепс- в топонимии. В связи с вепским проникновением на Онежско-Ладожский перешеек упоминались уже некоторые ее следы в географических названиях этой территории.

Единичные случаи употребления топонимов с основой вепс- встречаются sporadически и в других районах, в частности в Пудожье, в Кенозерье. Единственный плотный их массив расположен на севере Карельского перешейка, приблизительно в районе современной границы с Финляндией. Здесь зафиксировано несколько десятков топонимов — названий водных объектов, деталей рельефа, однако прежде всего населенных пунктов и отдельных домов — с основой *veps-*: ур. *Vepsu*, дер. *Vepsä*, дер. *Vepsälä*, р. *Vepsänjoki*, р. *Vepsoja*, оз. *Vepsänjärvi*, бол. *Vepsänsuo* и другие.⁸ Этот материал заставляет задуматься, ибо этнонимическая топонимия, как известно, располагается на границах распространения этноса, а единственную предположительную вепсскую границу в Приладожье, связанную с формированием вепсского языка из двух прибалтийско-финских прадиалектов во второй половине I тыс. н. э., принято проводить южнее, привязывая ее к южному Приладожью (Т. Itkonen 1983). Видимо, в топонимии отразились процессы, не поддающиеся на сегодняшний день удовлетворительной интерпретации. Поиски ответа на них — задача будущего. Не исключено, что это память о вепсских колониях, возникших в относительно позднее время в карельской среде в северо-западном Приладожье (Т. Itkonen 1971: 181). Однако следы этнонима *veps-* в топонимии ценны уже сами по себе, поскольку свидетельствуют о реальном его бытовании на значительно более обширной территории, чем Белозерье с его летописной вельсю.

Обладая значительным потенциалом, топонимика все же отнюдь не всеильна в решении этноисторических проблем. Проявить свои возможности в полную силу она способна лишь в контексте других дисциплин: истории, археологии, этнографии, собственно языкознания. Однако в этом цикле наук у науки о географических названиях свое достойное место, обусловленное тем, что топонимика, будучи частью языка, подчиняется, как все в языке, строгим законам. В ней нет произвола, и это внушает надежду на то, что все-таки ее можно познать.

⁸ Материалы топонимического архива Финляндии (г. Хельсинки).

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р. И. 1949 — Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. 1.
- Агеева Р. А. 1989 — Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Аграрная история северо-запада России XVI века. Новгородские пятинны. Л., 1974.
- Азарх Ю. С. 1981 — О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 5—29.
- Балагуров Я. А. 1962 — Приписные крестьяне Карелии в XVII—XIX вв. Петрозаводск, 1962.
- Богданов Н. И. 1951 — К истории вепсов по материалам топонимики // Изв. Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951, № 2. С. 24—31.
- Бубрик Д. В. 1971 — Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками. Л., 1971. С. 3—22.
- Веселовский С. В. 1936 — Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVII вв.: Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.; Л., 1936.
- Винокурова И. Ю. 1988 — Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 4—26.
- Витов М. В. 1962 — Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Воронин Н. Н. 1935 — К истории сельских поселений феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня. Л., 1935.
- Востриков О. В. 1980 — Субстратная географическая терминология в русских говорах и топонимии Волго-Двинского междуречья // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 71—79.
- Востриков О. В. 1981 — Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 2—45.
- Герд А. С. 1985 — Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // Сов. этнография. 1985. № 6. С. 28—37.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863—1866. Ч. 1—4.
- Духовная культура сегозерских карел конца XIX—начала XX в. Л., 1980.
- Зайцева Н. Г. 1988 — О вепско-саамских лексических параллелях // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 22—32.

История северного крестьянства. Архангельск, 1985. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма.

Карпенко Ю. А. 1964 — О синхронической топонимике // Принципы топонимики. М., 1964. С. 45—57.

Колмогоров А. 1907 — Озера Тихвинского уезда // Землеведение. 1907. Кн. 3—4.

Копанев А. И. 1951 — История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951.

Кочуркина С. И. 1973 — Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

Кочуркина С. И. 1985 — *Кочуркина С. И., Ливневский А. М.* Курганы летописной веси X—начала XIII вв. Петрозаводск, 1985.

Макарьев С. А. 1927 — У прионежских вепсов // Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1927. № 4—6.

Малиновская З. П. 1930 — Из материалов по этнографии вепсов // Западнотюхтинский сборник: Тр. комис. по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1930. С. 164—200.

Мамонтова Н. Н. 1982 — Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.

Матвеев А. К. 1964 — Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 64—83.

Матвеев А. К. 1970 — Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР. Дис... доктора филол. наук. Свердловск, 1970.

Матвеев А. К. 1979 — Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 5—14.

Матвеев А. К., Стрельников С. М. 1988 — Лексические параллели между диалектами белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Свердловск, 1988. С. 23—27.

Муллонен И. И. 1983 — Вепсская ландшафтная терминология в гидронимии бассейна р. Ояты // СФУ. 1983. С. 99—104.

Муллонен И. И. 1985 — Некоторые наблюдения над вепсской географической терминологией // Топонимия Урала и севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 98—106.

Муллонен И. И. 1988 — Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск, 1988.

Муллонен И. 1988а — Ойконимия прионежских вепсов // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 50—66.

Муллонен И. 1988б — О вепсской антропонимии: (Опыт топонимической реконструкции) // СФУ. 1988. № 4. С. 271—282.

Никонов В. А. 1965 — Введение в топонимику. М., 1965.

ОФУЯ 1974 — Основы финно-угорского языкознания. М., 1974.

Петровский Н. А. 1984 — Словарь русских личных имен. М., 1984.

Пименов В. В. 1965 — Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

ПКК — Писцовые книги Карелии XVI—XVII вв. / Подгот. к печати Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1947. Вып. 1: Книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582—83 гг. (рукопись хранится в научном архиве КНИЦ РАН).

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Подольская Н. В. 1983 — Типовые восточнославянские топонимы: Словообразовательный анализ. М., 1983.

Подольская Н. В. 1988 — Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Полковникова С. А. 1970 — Географические названия новгородских писцовых книг XV—XVI вв.: (Однокоренные названия с разными суффиксами) // Учен. зап. МГПИ. 1970. № 353.

Попов А. И. 1948 — Топонимика Белозерского края // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1948. Вып. 2: Советское финно-угроведение. С. 164—174.

Попов А. И. 1949 — Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46—66.

Приклонский С. А. 1884 — Народная жизнь на Севере. М., 1884.

Рут М. Э. 1982 — Вепские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 21—23.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен И. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.

СКЯ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Смолицкая Г. П. 1981 — Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции). Дис... доктора филол. наук. М., 1981.

СНМ 1933 — Список населенных мест (по материалам переписи населения 1933 г.). Петрозаводск, 1935.

Спиридонов А. М. 1989 — К истории Посвирья: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1989. С. 146—159.

Срезневский И. И. 1895 — Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 11.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—.

Субботина Л. А. 1983 — Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии // Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. С. 81—88.

Субботина Л. А. 1984 — Географический термин бой и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 89—118.

Суперанская А. В. 1970 — Терминологичны ли цветные названия рек? // Местные географические термины. М., 1970. (Вопросы географии. Сб. 81).

Суперанская А. В. 1985 — Что такое топонимика? М., 1985.

Суханова В. С., Муллонен И. И. 1986 — О г' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 38—45.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Тушиков Н. М. 1903 — Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Хямляйнен М. М. 1958 — Печенское наречие вепского языка // Сообщение по вопросам диалектологии финно-угорских языков 23—27.VI.1958. Тез. докл. Тарту, 1958. С. 15—19.

Чистов К. В. 1958 — Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахтоке из Рагнозера // Славянская филология. М., 1958. Вып. 3. С. 358—388.

Шанько Д. Ф. 1929 — Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Щапов Я. Н. 1976 — Древнерусские княжеские Уставы XI—XV вв. М., 1976.

Ahlqvist A. V. 1861 — Anteckningar i Nord-tschudiskan // Acta Soc. Scient. Fenn., 1861. Vol. 6.

Basilier H. W. 1890 — Vepsäläiset Isajevan voolestissa // SUSA. 1890. № 8.

Borek H. 1980 — Lexicon des appellativischen Wortschatzes in der polnischen Toponymic // Onoma. 1980. XXIV.

Forsman A. V. 1891 — Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I. Helsinki, 1891.

Hakulinen L. 1968 — Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Itkonen E. 1961 — Suomalais-ugrilaisen kielen — ja historian tutkimuksen alalta. Helsinki, 1961.

Itkonen E. 1980 — Einige Gesichtspunkte zur Frühgeschichte der Lappen und des Lappischen // SUSA 76. 1980. S. 5—21.

Itkonen T. 1971 — Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. S. 153—182.

Itkonen T. 1983 — Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä. 1983. S. 190—229, 349—386.

Julku K. 1986 — Yli-lin Karjalankylän Kakkojen sukutarina // Faravid 10. Rovaniemi, 1986. S. 19—21.

Kalima J. 1919 — Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

Kalima J. 1941 — Äänisen tienoon paikannimiä // Virittäjä. 1941. S. 323—326.

Kalima J. 1944 — Einige russische Ortsnamentypen // FUF. 1944. Bd. 28, H. 1—3. S. 99—150.

Kallasmaa M. 1985 — Von Personennamen abgeleitete Ortsnamen auf der Insel Saaremaa // CФУ. 1985. S. 16—21.

Kettunen L. 1943 — Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943. (SUST. 86).

Kettunen L. 1955 — Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.

Kiviniemi E. 1975 — Paikannimien rakennetyypeistä. Helsinki, 1975. (Suomi 118: 2).

Kiviniemi E. 1982 — Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisen etunimet ja nimivalinta. Espoo, 1982.

Kiviniemi E. 1990 — Perustietoa paikannimistöistä. Helsinki, 1990. (SKST. 516).

KKS — Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968.

Koivulehto J. 1984 — Itämerensuomalais-germaaniset kosketukset // Suomen väestön esihistorialliset juuret. Tvärminen symposiumi. 17—19.01.1980. Helsinki, 1984.

Korhoen M. 1976 — Suomen kantakielen kronologiaa // Virittäjä. 1976. S. 3—15.

Korhonen V. 1981 — Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981. (SKST. 370).

Linnakylä P. 1968 — Suistamolaisten lisänimiä vuosisadan vaihteesta vuoteen 1939. Pro-gradu työ. Helsinki, 1968.

LS — Lyydiläismurteiden sanakirja / Toimittanut ja julkaissut Juho Kujola. Helsinki, 1944.

Lönnrot E. 1902 — Elias Lönnrotin matkat. Helsinki, 1902. (SKST. 98).

Mägiste J. 1929 — Eesti pärased isikunimesid. Tartu, 1929.

Nimistöntutkimuksen terminologia. Helsinki, 1974. (Castrenianumin toimituksia. 8).

Nissilä V. 1943 — Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistöissä // Virittäjä. 1943. S. 46—48.

Nissilä V. 1947 — Kuujärven paikannimistöistä // Virittäjä. 1947. S. 13—19.

Nissilä V. 1962 — Suomalaisista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962. (SKST. 272).

Nissilä V. 1967 — Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967. (SUST. 144).

Nissilä V. 1975 — Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

Pall V. 1977 — Põhja-Tartumaa kohanimed. II. Tallinn, 1977.

Palli H. 1959 — Eesti isikunimedest Harju- ja Jarvamaal XVI sajandil // Keel ja kirjandus. 1959. Lk. 595—609.

Rainio J. 1973 — Über den wepsischen Ortsnamen Šoutat(v) // CФУ. 1973. S. 45—49.

Rospond S. 1937 — Poludniowo-slawianskie nazwy miejscowe z sufiksien -itj. Krakow, 1937.

Ruoppila V. 1943 — Ylisen Syvärin paikannimiä // Virittäjä, 1943. S. 78—96.

Setälä E. N. 1899 — Yhteissuomalainen äännehistoria. 1—2. Helsinki, 1899.

Simm J. 1973 — Isikunimedest tulenemed Võnnu asulanimesid // ESA. 1973. Lk. 19—20, 179—203.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. Helsinki, 1955—1981. (LSFU. 12).

SN — Suomalainen nimikirja. Keuruu, 1984.

Stoebke D.-E. 1964 — Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg, 1964.

Tunkelo E. A. 1946 — Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946. (SKST. 228).

Tunkelo E. A. 1953 — Über die Ortsnamen Nordrusslands auf -as // FUF. 1953. Bd. 31. H. 1—2. S. 92—103.

Turunen A. 1973 — Raja — Karjalan murteet ja vepsän kieli // Kalevalaseuran Vuosikirja 53. 1973. S. 83—94.

Turunen A. 1977 — Lyydiläiset murreaarekreet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella // NL-instituutin Vuosikirja 25. Kielen ja kulttuurin kentältä. Helsinki, 1977. S. 173—186.

Turunen A. 1979 — Kalevalan sanat ja niiden taustat. Lappeenranta, 1979.

Vahtola J. 1980 — Tornionjoki — ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistöntieteellinen ja historiallinen tutkimus. Rovaniemi, 1980.

Virtaranta P. 1973 — Über die olonetzischen Konduši-Dialekt // FUF 40. 1973. S. 259—277.

Zilliacus K. 1972 — Nimistöntieteellisten synteessien aikaa // Kalevalaseuran Vuosikirja 52. Helsinki, 1972. S. 306—382.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ
ТОПОНИМОВ

Adg 110
Agd 110
Agg 71, 110
Agj 110, 115
Agveh 80, 110
Ahnuz 131
Ahnuzdugi 131
Ahvar 17
Aidkivi 41
Akagoug 14
Akamägi 53
Aksintanaz 72, 73, 103
Aksintanh 101
Alažagd 70, 110
Alažagj 110
Alahanzapolk 54
Alahjärv 38
Alayg 13
Anand 15
Anninsuaru 63
Antik 20
Antikjärv 20
Antiksifj 63
Arhipovad 82, 99, 102
Aršanfutor 72, 73, 101
Aršanhoumeh 48
Arskahf 70, 114
Ašeinnit 39
Ašeinnijt 46

Bairinfutor 104
Bajarihoume 48
Barihamez 47
Blas 74
Bočou 83
Botamägi 72
Bonganišknit 47
Bušak 74
Bušakohne 74, 102
Bušakohnenijt 46

Čagil 75, 92
Čaigt 75, 79, 89, 94

Čarselgnitud 47
Časl 75, 79
Časovhanpöud 46
Čigovad 82
Čihakömägi 56
Čiki 75, 92
Čoborghitud 47
Čoga 74, 110, 115
Čogapust 108
Čogoja 64
Čomakivi 33
Čomanijt 33
Čomanijtüne 47
Čomapuhut 14
Čovak 57
Čuhak 13, 56, 57
Čuhakkömägi 56, 58
Čuhakmägi 56
Čuhakod 56
Čuhakömägi 56
Čuhlak 56
Čuhlakmägi 56
Čuhu 57
Čuhuk 56, 57
Čuhumägi 57
Čihuselg 57
Čuuknem 56
Čuurhoum 48
Čuurmägi 52

Dakovahneherem 49
Dał 46
Dałpöud 46
Dałganbovg 39
Demoimpust 50
Deremamposad 74, 103, 109
Deremišt 16, 23, 74, 81
Deroñ 107
Dimš 73, 101
Dimšammättaz 73
Dimšamposad 73, 101
Đogipöud 46
Dokuč 74
Doroimägi 11, 99, 101

Durginkond 59
Därvenpöud 46

Enafv 58, 112, 113
Enoja 58
Enojogi 58

Gavroinhamez 48
Genoja 58
Gordampust 50
Gourampust 50
Gouroi 74
Gramotkorbnit 47
Grig 15
Grišamägi 99
Grišannüüt 46
Grišinad 20
Gümalanhoumeh 48
Gälgmäinehoumeh 48
Gäfvso 42
Gäfvso barbik 42

Falaherem 49
Falannit 46
Fedkovad 102
Fedoranderuun 107, 109
Fedorišť 81
Fedoroušin 16
Fedramägi 72
Fenk 74
Feškaherem 49
Fešoinnit 46
Fefkovad 82, 99
Fila 74
Filatoušin 21
Fileihine 102
Frupinkinad 99
Futor 109

Habarduz 19
Habeg 104
Haggärv 30
Habham 30, 48
Habhoumeh 30
Habišt 30
Habmättaz 30
Habnit 30
Haboja 30, 104
Habožom 30
Habsar 30

Habselg 30, 52
Habselgpöud 15
Habžom 30
Habukad 70, 98
Habušar 30
Hamač 12, 18
Hamahämhed 48
Hamamättaz 11, 70, 72, 73, 74, 101
Hamanijt 46
Hapšom 17, 30, 70, 74
Haračojannit 47
Haragal 87, 92
Haragammättaz 104
Haragol 75, 123
Harag(o)l 87
Haragommättaz 73, 89
Harj 13
Harjak 57
Haršimägi 71, 72
Hebačovad 99
Hebohoud 33
Hebokond 45, 59
Hebomägi 53
Hebombong 33
Hebonem 33
Herem 48
Herema 48
Hilhoud 11
Hilhoudpöud 11
Hilhoud 41
Hirgoil 75
Hit 14
Hobač 18
Hodarinkondu 59
Hofamägi 72, 73, 74
Hotinad 20
Hotoi 73, 74, 102
Houdaine 111
Houdham 48
Houdsürtg 63
Humarv 113
Hundal 75
Hurđanmägi 53
Hübjoil 75, 87, 123
Hütak 57
Härganherem 49
Härgannit 46
Härgoil 88
Härmaselg 47
Hörc 98
Hörcinniju 46

ienjogi 58
Iгнаš 74

Ignusefngnit 47
Ihoipust 50
Ihthijnehoumen 48
Ijavad 99, 102
Ikkuma 49
Iffahoumeh 48
Iffampust 50
Iffandehkaras 20
Iffaniit 46
Irinžar 113
Ivkuma 49
Ivšunüüt 46

Jecahoum 48
Jenjogi 58
Jennem 59
Jeramägi 79
Jerkovad 79, 82, 99
Jerl 79
Jida 101
Jogenc 112
Johoranpoľaŋk 51
Johorkmägi 73
Johorovad 20, 74, 82, 99, 102
Johorovannit 46
Johtę 13
Jougoikošknit 47
Joušanpoľaŋk 51
Johnö 83, 102
Juš 15, 73, 74, 101
Jošimägi 73, 101
Jušk 74, 102
Jänine 59
Järvetag 110
Jätv 14
Järvidekülä 104

Kač 47
Kačnütua 47
Kaidar 17
Kaiduz 13, 19
Kain 14
Kainsar 14
Kaišt 23, 81
Kajagoušin 16
Kakačjarvut 18
Kakjil 89
Kakoil 89, 127
Kalag 77, 105, 113
Kalinanherem 40
Kalinanobod 45
Kalinou 83

Kalf 13
Kalleine 20, 112
Kamišt 124
Kanabruumeh 48
Kanganenena 27
Kangasefg 27
Kangaz 27, 111
Kangazbor 27
Kangazgärv 27
Kangazjätv 27
Kangaznit 10, 27
Kangazoja 27
Kangazpöud 27
Kangazrand 27
Kangazrüun 27
Kanghad 20, 27
Kanzahoumeh 47
Kapšarv 114
Kar 111
Kar(a) 46
Kara 111
Karaine 111
Karampöud 46
Karhil 76, 89, 105, 123
Karpamägi 72, 111
Karpčima 49
Kaskezpüud 19
Kastęsirj 63
Kažihämhed 48
Kažimpust 50
Katačso 18
Kehkraine 20
Kekarv 112, 113
Kekeričso 18
Kend 13
Kerisütjmägi 63
Kerkoil 75
Keškposad 106
Keškstanh 106
Keškuil 104
Keškülä 72, 104, 106
Keštan 104, 108
Keštanh 73
Kiidžillahti 59
Kiidžimenlahti 59
Kiidžiminniittu 59
Kiidžimniem 59
Kiitaš 75
Kikallambi 80
Kikinsuari 80
Kikki 80
Kikoil 75, 79
Kikonniemi 80
Kikunit 46
Killař 17

Kilmoja 33
Kimasso 19
Kindišt 23, 81
Kingl 75, 79
Kinul 76, 127
Kirik 13
Kirikanfutor 73, 109
Kirikomättaz 72
Kirikonpöud 46
Kiškin 83
Kižidärv 59
Kižiso 59
Kivar 17
Kiviherem 49
Kivimägi 11, 52
Kivinit 47
Kivipöud 8
Kivisütg 63
Kivišt 17
Kivizapolk 50
Kivoinit 15
Kivoja 15
Kivojannit 15
Klimampupust 50
Klimeina 74
Klimoiženkondu 59
Klimšhijneheremaine 49
Klui 74
Kobegid 82
Kodarv 38
Kodidärv 114
Kodijärv 38, 104
Kodikall 38
Kodikorb 38
Kodisefg 38
Kodoja 38
Kohtpöud 46
Koihoum 30
Koiniit 30
Koirammättaz 72
Koiranhoumeh 47
Koifelg 42
Koifelgo 42
Koiso 30
Koisüud 30
Koižomsefg 30
Koiv 30
Koivinepordaz 14
Koivišt 30
Koivhoumeh 30
Koivnena 30
Koivoja 30
Koivsefg 30, 52
Koivužoja 30
Kokanit 46

Kokkoila 88
Kokoil 75, 88, 123
Kombač 18
Kond 47, 53, 60, 103
Kondapoža 59
Kondisara 62, 107, 115
Kondnit 47
Kondud 53, 107
Kondunkülä 59
Kondus 59
Kondušine 59, 107
Konoimägi 11, 72, 99
Kononovoidehoumen 47
Kontu 59
Köp 113
Korb 27
Korbal 16, 71, 75, 92
Korbamägl 27
Korbarend 27
Korbed 27
Korbekesk 27
Korbgarv 27
Korbhäm 27
Korbjätv 27
Korbnüt 27
Korbohoum 27
Korboja 27
Korgedmägi 10, 52
Korgedoja 104
Korgedsütj 63
Korktag Sürjad 63
Kortasütj 63
Kortlaht 67, 105, 113
Korval 91
Korvoil 91, 92
Kost 13
Košampalatez 45
Kostakod 99
Kozjak 57
Koumišt 124
Kovama 49
Kover 21
Kovereine 21
Krik 74
Kriřandefuun 107
Kuhr 13
Kuivnem 10
Kukagj 110
Kukahard 14, 32
Kukahoumeh 67
Kukaz 19
Kukazjätv 133
Kukazmägi 67
Kukei 70, 99

Kukhadmägi 67
Kukiharđ 32
Kukiharj 32
Kukiharjmägi 32
Kukimägi 67
Kukmägi 67
Kukoi 46, 74
Kukoiharj 32, 33
Kukoimpöud 46
Kukoimägi 67
Kukoi(mägi) 99
Kukoimättaz 32
Kukoinemägi 67
Kurikanmägi 96
Kurikmägi 96
Kurn 12, 47
Kurnnüt 47
Kusanglad 44
Kužanpolanjk 51
Kužm 15
Kužmanpolanjk 51
Kupgačso 41
Kündüst 16
Kürš 74, 82
Küršimpust 50
Käbedkall 33
Käbedkorb 33

Lačak 57
Ladv 105
Ladvstürjmägi 63
Lagedso 10
Lagedzapolk 50
Laht 13, 67, 71, 111
Lahtekar 67
Lahtoi 67
Lahtokaras 19
Lambazsar 33
Lap 74
Lafamägi 72
Läripust 50
Lašk(a)agj 110
Lava 13
Ledahoumeh 48
Ledo 70
Ledoine 20
Ledoja 104
Lehmeine 21
Lehmeized 21
Lehmhoumnitud 47
Lehmjärv 10
Lehmorg 33
Lepdär 30
Leppär 30

lephoum 48
Lepišt 17, 30
Lepjärv 30
Lepkar 30
Lepniit 30
Lepnit 30
Lepoja 10, 11, 30
Lepojanniit 47
Leporg 30
Lepsar 10, 30
Letemägi 52
Leved 21
Levedaized 16
Levedoine 21
Levoima 49
Levoimägi 72, 101
Levoinsova 44
Levonanselgposad 73
Libundaid 41
Lodo 13
Lomu 12, 14
Loukomad 49
Lourušinnit 46
Luč 46, 74
Lučkammättaz
Lučkampöud 46
Luht 13
Lukahoumeh 48
Lüzikhämez 48, 54
Luššulupnit 47
Lähembainepolanjk 51
Lämselg 10

Maigarv 113
Maimistad 20, 82
Maimistağj 110
Maimistanderuun 107
Makar 15, 74, 82, 101
Makoipust 73, 108
Makö 83
Maköpust 50
Maksimägi 72, 102
Maljinnit 39
Maloinhoumeh 47
Mančimägi 71, 72
Marjanzagara 45
Markanderuun 73, 107
Markimättaz 70, 72
Markinanupotez 45
Markoi 15, 74, 82, 101
Markumättaz 74
Markunderuun 107
Markutan 73, 102, 108, 109
Marsirj 63
Martinit 46

Mäzikhämez 48, 54
Matfejanpolanjk 51
Matfejanselg 73
Matfeinadel 45
Mecantaga 111, 128
Meidanpolanjk 51
Melaine 20
Melkamättaz 73, 74, 102
Melnicpöud 46
Mihailö 82
Mikkef 82
Mokoimägi 72, 102
Mikšamägi 73, 102
Mikšovad 73, 82
Mikuličad 16
Minač 74, 82
Minamägi 72
Minamättaz 72, 73, 74.
Minankond 59, 102
Mirkpolanjk 51
Miron 74
Mišansürj 63
Mišimpust 50
Miškahoumeh 47
Miškanpolanjk 51
Mišukveh 80
Mitrei 74
Mitreimposad 74
Mudakorfbnit 47
Mudarv 64
Mufjeil 79, 92
Munavič 18
Mundus 19
Murd 13
Murdoisirj 63
Muskedgär 34
Mustadbongad 34
Mustanem 34
Mustar 17
Mustarv 34
Mustavonjk 35
Mustdogi 34
Mustdär 34
Mustgär 34
Musthoud 34
Mustjogi 34
Mustikhämez 54
Mustjärv 10, 34, 51, 134
Mustjärvpolanjk 51
Mustkara 34
Mustkorb 12, 34
Mustkorbjär 12
Mustkorbso 12
Mustkär 34
Mustoja 34

Mustsar 34
Mürkmägi 52
Mäggär 105
Mägi 46, 112, 114, 115
Mägiöpöud 46
Mägoc 10, 112
Mällak 57
Mändod 16
Märgač 16
Mäthišt 12
Mättaz 73, 104
Määtjär 113
Möhj 114
Mörkmägi 53

Nagrižma 49
Nažamjär 15
Nem 111
Nemcampust 50
Nemž 114
Nešk(a)agj 110
Nikanor 74
Nilkičud 82
Niinselg 52
Nirgl 75, 123
Nižuma 49
Nižupurn 14
Noidal 75, 88, 92
Noidampalo 45
Notsarik 10, 45
Noumančug 70, 73, 110
Novanüt 47
Nurgoil 75, 76, 91—92
Näugač 16

Ofiškağj 110
Ofon 74, 82
Oinazoja 72
Oja 27
Ojad 27
Ojaine 21, 27
Ojaižed 27
Ojajär 27
Ojamättaz 27
Ojanniit 27
Ojanit 27
Ojankar 27
Ojansar 27
Ojansu 27
Ojantaga 110
Ojantaguine 110
Ojapiidod 27
Ojapöud 27, 46
Ojarv 27

Ojarvnit 46
Ojeine 27
Ojeižed 27
Ojeižennit 27
Oksankaiv 39
Oleks 15
Olkoma 49
Olkunit 46
Olšinahnehämez 48
Omosmägi 72
Ončanhöm 48
Ondreinderuun 107
Ondreinhoumez 47
Ondrejankond 59
Ondriagi 99, 110
Ondrušk 74
Ondruškanhoumeh 48
Ontip 74, 82
Ontisova 44
Onton 74
Org 112, 115
Orgeh 80
Orgveh 80
Orešk 74
Oreškagj 110, 99
Oreškampust 50
Orfanit 46
Ortukovad 102
Osekhämez 41
Osipahnenit 46
Oskanmägi 101
Osokniit 47
Ostaš 73
Ostašummättaz 73
Ostašumposad 73
Ozroil 76, 88, 123
Ozroil 88
Oudeihijineherem 49

Padač 18
Padař 17
Padařjärv 17
Padeč 47
Padečunit 47
Padoja 41
Pagasi 105
Pahač 16
Pajapöud 46
Pajuselg 52
Paksjärv 113
Palagannit 39
Palatež 17
Paltēhoumeh 48

Pañč 82
Papimposad 70, 72, 106
Papinpüud 10
Papišt 81
Paroinjoug 44
Paskačud 82, 98, 99
Pašin 83
Pačima 49
Pāthāmez 48
Patreinčurniit 47
Patsas 12
Pecčil 90
Pecoil 75, 105
Pečeinejärv 90
Pečjärv 90
Pehoušin 21
Peloil 75
Peksmägi 52
Peñ Ahvjärv 12
Peñ Čuhu 57
Penedzapolkad 54
Peñzapolk 50
Peñumaläne 45
Perapöud 46
Perg 69
Pergatež 69
Peřjankond 59, 103, 107
Peřjärv 38
Pešanfutor 109
Pešl 90
Petranhāmez 48
Petranit 46
Petrojevad 82, 102
Petrušinnit 46
Petšlad 90
Piešl 90
Pietsal 90
Pihar 113
Piñč 97
Piñž 97
Pirhumägi 11, 99
Pirkla 76, 127
Pižul 97
Pifkadpalad 45
Pifkahoum 48
Pifkčur 35
Pifkgärv 35
Pifkhaumeh 48
Pifkhoum 35, 48
Pifkhoumeh 35
Pifkgärv 35
Pifkjärv 35, 72
Piikkangaz 35
Pifklodo 35

Pitkmägi 35
Pitkmättaz 35
Pitkniit 35
Pitknit 35
Pitknüt 35
Pitkoja 35, 133
Pitkär 35
Pitkpalo 35
Pitkpäd 35
Pitksar 35
Pitksid 35
Pitkso 35
Pitksüud 10, 35
Pitkzapolk 35, 50
Pittarv 35
Pohdagd 110
Pohdeinepöud 46
Poiknit 35
Poiksar 35
Poiksüud 35
Pollar 113
Pondal 77
Popovannit 46
Posad 46, 103, 104, 106, 115
Posadpöud 46
Potaš 15
Poudež 13
Poudenüt 47
Poušar 112
Poušhoumeh 47
Prangatišt 23, 81
Präkkilä 97
Präkkä 97
Pugand 13
Pugandoja 60
Purtked 20
Pust 71, 108
Pustad 108
Pustijne 20
Pustošimpust 108
Puzou 83
Puřkij 113
Püštaidujo 41
Püudkašk 113
Pärjärv 113
Päžar 112

Radimpust 73
Rādma 49
Rahkoil 88, 92
Raidač 18
Raidma 49
Rajakondu 59

Rand 111, 115
Rañdoine 111
Raņgoine 111
Raudma 49
Rebagj 99, 111
Rebeh 61
Rebitež 13
Rebitežkaras 20
Reboil 76, 88, 92, 99
Reboimägi 11, 99
Reboipust 50
Reboisüřj 63
Redar 17
Redunit 47
Regiso 10
Rehtoja 41
Ridasar 41
Rihmägi 10
Rihmäginis 47
Rihpöud 9, 46
Rindeidso 41
Rodimpust 108
Rodnikad 20
Rogar 17
Rogarjärv 17
Rozme 113
Rozmenit 47
Roudma 49
Roudmad 49
Rugizmägi 53
Rusttal 97
Rāboja 61
Rābānova 61
Rābāso 61
Rāpākkö 62
Rāpākkü 62

Sagil 76, 127
Salmas 19
Salmes 19
Sar 62
Sar 62, 70, 111
Sara 62
Sarajogi 62
Saraoja 62
Sarbaht 47
Sarbahtniitud 47
Sarg 113, 126
Sarjärv 8, 9, 13, 113
Sark 62, 113
Sarka 62
Saražk 62
Saražoja 62

Saroja 62
Saume 111
Savič 74, 82
Saviherem 49
Savihoumeh 48
Savimägi 52
Savoinüt 46
Sebrahoumeh 48
Sefg 69
Selgad 69
Selgveh 80
Selišš 103, 108
Semoi 15, 74, 82
Semoimägi 101
Semukagj 99, 110
Semukhoumeh 48
Senkammättaz 72, 73
Sep 42
Sepaṛkošk 42
Sildiine 20
Silmač 18
Simahoum 48
Simaknit 46
Sirj 63, 64, 110, 111
Sirjmägi 64
Sirjpeid 63
Skamhamägi 11
Slabad 103, 109
So 27
Sobakinanniit 46
Sodjārv 113
Sogārv 27
Sohim 14
Sohimso 14
Sojeg 27
Sojārv 27
Sokar 27
Sokesk 27
Solaht 27
Solahtkar 67
Soffat 112
Sonem 27
Soniit 27
Sonit 27, 47
Sonituine 27
Sonüt 27
Sontaga 27
Sopüud 27, 46
Sosaf 27
Sosiđ 27
Sosüdam 27
Sosüudad 27
Sougiverçiniit 47
Soum 13

Soumez 19
Soušimpust 108
Suaroja 63
Sur Ahvjārv 12
Surbovg 34
Sur Cuhu 57
Surdorog 34
Surednitud 34
Suredzapolkad 34, 54
Surgārv 34
Sureherem 49
Surhaumeh 34, 48
Surherem 34
Surhoumeh 34
Surjogi 34, 58
Surjārv 34
Surkar 34
Surkivi 14, 34
Surluht 34, 45
Surmägi 34
Surmem 34
Surnit 34
Surnüt 34
Suroja 34
Surorg 34
Surpalo 34
Surpiid 34
Surpihk 34
Surpolanḱ 34, 51
Surposad 104, 106
Surpöud 34
Surredu 34
Sursaf 34
Surso 34
Sursüud 34
Surzapolk 34, 50
Surte 34
Suurehoum 48
Suvagd 73, 110
Svincovanniit 46
Sütđ 63, 64, 110
Sütđak 57, 63
Sütg 64, 110, 115
Sütgaized 63
Sütgamägi 63
Sütj 13, 64, 110
Sütjamägi 64
Sätgjärv 104
Sätgārv 112
Šapš 113
Šatarv 77, 105
Šatarvenkülä 105
Šeliš 108
Šelišpija 108

Sidjārv 104, 113
Sigoil 89
Šimgārv 11, 77, 113, 114, 126
Šimgārvenkülä 104
Šloksüudnit 47
Šokš 15, 105, 113, 114, 128
Šondal 16, 75, 76, 79, 89, 105
Šonselg 113
Šorduine 20
Šoutaf 77, 113, 114, 128
Šoutarv 104
Šoutarvđogi 114
Šoutjārv 104
Šugarv 113

Zaharin 83
Zaharovjideomalaine 45
Zafukanrädeg 44
Zavoranpüud 41
Zinkveh 80
Žitkeima 49

Tagazkond 59
Tagembainepolanḱ 51
Tagič 18
Tagičjārv 38
Tagiž 14
Taivaznaba 14
Tanaz 103, 108, 115
Tanhoine 108
Tatarvanhutor 109
Tazodniitud 47
Tazohoumeh 48
Terahoumeh 48
Terl 71, 75, 90
Teroušin 16
Terumpust 50
Tervhoud 41
Tesar 11
Tesarnit 11
Tihoništ 23, 81
Tihonagj 99, 110
Timō 74, 102
Timoi 102
Timoimägi 101
Timoipašn 45
Timukoušin 16, 21
Timukhoumeh 48
Tišagj 101
Tiškagj 99, 101
Toižeg 113
Tomeine 21

Torazařv 112
Totarōmāgi 73
Totarou 73, 83
Tougohnořm 45
Tuhkhoum 48
Tuošla 127
Turžin 83
Tutukland 44
Tānuz 19

Ukoja 40
Ukojārv 40
Ukondāfg 44
Ukonkond 59, 107
Ukonso 40
Umšakonnit 46
Usađb 109
Usadišš 109
Uzzapolk 50
Uđdarḱalf 39
Uđdjmägi 72
Uđdeherem 49
Uđdoma 49

Vadađ 64
Vadaged 64
Vadaged(nütud) 64
Vadagso 64
Vadai 65
Vadaiennurmet 65
Vadajannurmet 65
Vadajārv 64
Vadaoja 64
Vadaso 64
Vadoiso 64
Vāgedjārv 113, 134
Vahtaršelg 52
Vahtkār 113
Vanhimšelg 70
Vaňkamposad 73
Vaňkanseligitež 45
Varbal 75, 92
Vasilišt 16, 23, 81
Vaškancišša 45
Vašak 57
Vehkei 66, 113
Vehkei 128
Vehkem 30, 66
Vehkjārv 30, 66
Vehkoi 77
Vehkoja 30, 66

Vehk-oja 66
Vehkorg 30, 66
Vehkso 30, 66
Vehthingärvi 30, 66
Vehthjärvi 66
Vehtkär 30, 66
Veneipöud 46
Vepsoja 134
Vepsu 134
Vepsä 134
Vepsälä 134
Vepsänjoki 134
Vepsänjärvi 134
Vepsänsuo 134
Verai 21
Verainit 41
Vereine 41
Vestjärvi 66
Veškimgärvi 66
Veškimoja 66
Veškoja 66
Vezamägi 53
Vezinüt 47
Vidl 75, 105
Vigoja 133

Аксеново 101
Алексеево 71
Анбой 121
Андикас 20
Антикас 20

Бадюги 65
Бадюжский Погост 65
Белая Ламба 132
Белое 134
Белое Озеро 113
Боброзеро 113
Большое Агвозеро 12
Боцево 83

Вадаж 65
Вадасельга 65
Вадоболого 65
Вадога 64, 65
Вадога Большая 66
Вадога Кривая 66
Вадоги 64, 65
Вадожка 64

Vijlaht 113
Vihkangärvi 30, 66
Vihkjärvi 30
Vijak 14, 57
Vijakoja 14
Vilhal 91
Vilhal 70, 71, 75, 79, 91, 105
Vilhalankülä 105
Viingl 16, 75, 76, 79, 123
Virahtan 102, 108
Voilaht 70, 77, 126
Voimägi 53
Voinikišt 81
Vojärvi 70, 113
Vougedjärvi 134
Vähäc 18
Välhärvi 113
Väljärvi 37
Värasar 112

Üližagä 110
Üližagädosad 73
Ülähanzapofk 54
Ülähjärvi 38

Вадожное 64
Вадозеро 65
Валданицы 94, 123
Вачукиницы 76, 79, 94
Вашкуса 19
Вепсгуба 127
Вепсनावолок 126
Вепсозеро 126
Вепсянполви 127
Верхняя Пуганда 60
Вехкое 30, 66
Вехкозеро 30, 66
Вехкой 30, 66
Вехкорга 130
Вехкручей 30
Вехпожня 30
Вехручей 30, 66, 111
Вехтозеро 66
Вехт-Ярьвозеро 66
Веченицы 79
Вешкозеро 66
Вешкручей 66
Вилдас 20
Винницы 71, 76
Вирино 102
Вихкручей 30

Войлахта 113
Вонозеро 58, 112, 113
Рытмуса 19
Вялтозеро 113
Вялтозеро 37

Габардуса 19
Габгамы 30
Габегги 30
Габкара 30
Габнива 30
Габорга 30
Габостров 30
Габручей 30, 129
Габсельга 30
Габуй 30
Габуки 98
Гамова Гора 73
Галский Мох 30
Гапшема 30, 130
Гедевичи 76
Генуя 58
Герпиничи 79, 94
Гиттойла 123
Гомала 123
Гоморовичи 95
Гонгиничи 94
Гондозеро 33
Гондручей 33
Горное Шелтозеро 114
Гуреничи 76, 79, 95

Добинжа 122
Доровская 71
Другая Река 113

Егинжа 122
Ейное 59
Ение 59
Еное 59
Ереничи 79

Железные Ворота 33
Житная Пуганда 60

За Корбой 27
Залесье 111
Зазерье 110
Заручей 110
Захаринс 83

Ивина 131
Игинжа 122
Извозная Пуганда 60

Иленжа 39
Илекса 39
Илинжа 122
Илинжозеро 122
Имолово 75, 93, 123
Имоченицы 95
Ингобой 121

Каино 81
Кайбола 75, 93, 123
Кайгас 20
Каковичи 89
Калиново 83
Канжела 75, 93, 123
Капшозеро 123
Капшойла 123
Каргиничи 76, 89
Кара 129
Каскозеро 130
Кеккозеро 112, 113
Кескасозеро 38
Килбой 121
Кивручей 130
Кижы 59
Кижим 59
Кижимлахта 59
Кижиммох 59
Кижое 59
Кижозеро 59
Кижский 59
Кикин Бор 80
Кикино 80
Кикки 80
Киковичи 79
Киково 80
Кильбой 121
Киндаево 81
Кинницы 76
Кишкино 83
Кленозеро 113
Кангасручей 27
Кожела 75, 93, 123
Кожлина 75
Койбозеро 30
Койбушка 30
Койбыжа 30
Койжема 30
Койозеро 30
Койручей 30
Койсельга 30
Коковичи 76, 88, 94, 102
Кокшаконда 59
Колкач 18
Колпь 113

Кондасельга 59
Кондосельга 107
Кондуша 60
Кондуши 59, 107
Корба 27
Корбиничи 71, 92
Корбозеро 27
Корбое 27
Корбойка 27
Корбоя 27
Корбручей 27
Корбушина 27
Корбы 27
Корвала 91
Коргосирье 63
Кортала 113
Кортлахта 105, 113
Коска 130
Кривозеро 112
Крюкова Сельга 74
Кугарья 33
Кузнецовская 71
Куйсара 62
Кукарьги 33
Кукова Гарь 32
Кукова Гора 67
Куков Кряж 67
Кукогорье 33
Кукола 32
Кукоряги 33
Кукуй 67
Куневичи 76, 79, 94, 123
Кургеницы 76
Курий Гребень 33
Курикиничи 95—96

Лавиничи 94
Ладва 105, 129
Ламба 132
Ламбики 132
Лалач 18
Лахта 111, 129
Легмас 20
Лембовичи 76, 94, 96
Лепашка 30
Лепкара 30
Лепое 30
Лепой 30
Лепорга 30
Лепоя 30
Леппожня 30
Леппой 30
Лепручей 30, 129
Лепуй 30
Лепсара 30, 62

Лепсарь 30
Лепшак 30
Лериничи 79
Линдозеро 113
Лобинжа 122
Лучкина Гора 74
Люговичи 75

Маково 83
Максимова Гора 102
Малое Агвозеро 12
Малса Конда 59
Марково 102
Масельга 69
Масельгский 69
Маслозеро 113
Маткабой 121
Маткозеро 125
Мега 115
Мегрепуганда 60
Мелькина Гора 73, 102
Мергойла 123
Микова Гора 102
Минина Гора 73
Мириничи 79
Михайлово 83
Мужала 77
Мундукса 19
Мурдола 75, 92, 93, 123
Мустоболото 35
Мустей 35
Мустиничи 76, 96, 123
Мустоя 35
Мягодцова 112
Мягозеро 105
Мялтозеро 113

Немжа 114
Нижняя Пуганда 60
Ниргиничи 75
Нойдала 88
Нуроля 75, 93, 123
Нюбиничи 94, 123
Нюрговичи 76, 91—92
Нюркачи 18

Оежи 27
Овула 104
Озера 104
Озровичи 76, 88
Ойозеро 27
Ойручей 27
Оренжа 120

Остречина 131
Остречины 131
Остров 111
Оя 27
Оямжа 27
Ояник 27

Павшозеро 112
Пажбой 121
Пай 131
Палатеса 130
Палтега 130
Панкратово 81
Паньшино 83
Пахтовичи 94
Пашезеро 113
Пелдуши 90
Пелкаска 113
Пергручей 69
Пергуши 69
Перелесок 64, 111
Перхиничи 75
Перьгое 9
Петуний Гребень 33
Печевицы 90
Печезеро 121
Печручей 121
Пижевичи 76, 94, 97
Пижула 97
Пилотовичи 79
Пирдойла 123
Пиркиничи 76
Питкая 35
Питкозеро 35
Питкуй 35
Пихкозеро 130
Плисовая Ламба 132
Погаченицы 127
Поганда 60
Погранкондуши 60
Пойсара 62
Полозеро 112
Пондала 77
Посад 106
Прокушево 113
Пряжки 97
Пряккила 97
Пуганда 60
Пудроль 75, 93, 123
Пузово 83
Пяжела 77
Пяозеро 113
Пялозеро 113

Рабола 123
Радогоща 114
Разбуи 121
Райдаконда 60
Рандежка 111
Рандсара 62
Рахковичи 76, 88
Ребежа 62
Ребовичи 76, 88, 99
Ребогоручей 61
Ребоха 61
Ребручей 61
Ребухи 62
Ребязинское 62
Рекиничи 79, 94
Розмега 113
Русконицы 97
Рыбрека 105, 113
Рябаза 61
Рябов Конец 99, 111
Рябозеро 62

Салинжозеро 122
Салмакса 20
Салмас 20
Салмаса 20
Саньков Бор 102
Сара 62, 63
Сарга 113
Сарка 62
Сарозеро 113
Сар-ручей 62
Саруй 62
Святозеро 113
Сидорово 113
Собери 27
Соверь 27
Согиницы 76
Солозеро 112
Сонема 27
Сондала 77
Сора 63
Сорокина Гора 98
Средь-Волость 104, 106
Суббочиницы 79, 94, 123
Сюрья 110
Сюрья 110
Сяргозеро 112

Тагола 75
Татарово 83
Тененицы 75

Тербасболото 19
Тервиничи 71, 76, 90
Тержула 123
Торосозеро 112
Туржино 83
Тянукса 19

Угол 110
Укозеро 40
Укручей 40
Ускулово 104
Усть-Капша 112
Уштовичи 76, 79, 94, 123

Фатеева Гора 102
Федотовичи 76
Фокинская 71
Фоминская 71

Хабнема 30
Хабсельга 30
Харагиничи 87
Хапский Мох 30
Хмелезеро 112
Холомбой 121
Хунгус 19

Чаголина 75
Чайгино 94
Чегозеро 38
Черная Ламба 132
Черная Пугонда 60
Черное 134
Чимкиничи 79
Чубово 111

Чутаки 56
Чугусельга 57
Чухбой 121

Шангеничи 79, 94
Шапша 112
Шелтозерка 114
Шелтозеро 113—114
Шеменичи 75
Шидбой 121
Шиднема 121
Шидозеро 121
Шимозеро 104, 113
Шириничи 75, 79
Шокша 113
Шолта 114
Шолтозеро 114
Шондовичи 76
Шонсельга 113
Шоткуса 19
Шубнема 121
Шубозеро 121
Шубоя 121
Шугозеро 113
Шутиницы 79

Юбеничи 87, 94
Юхново 83, 102
Юшково 102

Яковлевская 71
Янега 59
Ярославичи 71, 91

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бел — Белозерье	басс. — бассейн
Возн — Вознесенье	б/д — бывшая деревня
Выт — Вытегра	бол. — болото
К — Капша	вепс. — вепсский
Калев — Калевальский район Карелии	г. — гора
Конд — Кондопожский район Карелии	дер. — деревня
Медв — Медвежьегорский район Карелии	диал. — диалектный
Муез — Муезерский район Карелии	л. и. — личное имя
Олон — Олонецкий район Карелии	ливв. — ливвиковский
Оять — Приоятье	люд. — людиковский
Прион — Прионежье	н/п — населенный пункт
Пряж — Пряжинский район Карелии	оз. — озеро
Пуд — Пудоожский район Карелии	пок. — покос
Шим — Шимозерье	приб.-фин. — прибалтийско-финский
Южн — южнопесский регион	р. — река
	рус. — русский
	руч. — ручей
	с. — село
	соб.-кар. — собственно-карельский
	ур. — урочище
	фин. — финский
	эст. — эстонский

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Очерк 1. ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМНОГО СЛОВООБРАЗОВА-	8
НИЯ	10
Сложные топонимы	12
Простые топонимы	15
Вепские топоформанты	15
Очерк 2. ТОПОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕПССКО-	24
ГО ЯЗЫКА	24
Типовые вепские топоосновы	24
Типовые атрибутивные элементы	26
Обзор детерминантов вепских топонимов	43
К реконструкции вепской лексики по топонимическим свиде-	54
тельствам	70
Очерк 3. ВЕПССКАЯ ОЙКОНИМИЯ	71
О структурных особенностях вепской ойконимии	84
Семантические модели вепской ойконимии	85
Вепская отантропонимная ойконимия	103
Отражение типов сельских поселений в вепской ойконимии	109
Ситуативные названия	110
Термины ландшафта в роли ойконимов	111
Вторичные названия	115
Очерк 4. ВЕПСЫ В МЕЖОЗЕРЬЕ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ	135
Литература	140
Список использованных в работе топонимов	140
Список сокращений	155

Муллонен Ирма Ивановна
ОЧЕРКИ ВЕПССКОЙ ТОПОНИМИИ

Утверждено к печати
Институтом языка, литературы и истории
Карельского научного центра
Российской академии наук

Редактор И. И. Шефановская
Художник И. П. Кремлев
Технический редактор И. А. Крайнева
Корректор О. И. Буркова

ЛР № 020297 от 27.11.91 г.
Компьютерный набор и изготовление
оригинал-макета
ГП «Слово»

Компьютерная верстка Семеновой Т. А.
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12
Телефон: (812) 213-35-59

Сдано в набор 25.01.93. Подписано к печати 29.11.93.
Бумага офсетная № 2. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 550 экз.
Тип. зак. № 33 С 629.

Санкт-Петербургская издательская фирма ВО «НАУКА»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «НАУКА»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12